

РЕПЕРТУАРЬ

РУССКОГО

II

ПАНТЕОНЪ

СОБЫТИЯ И СТАТЬИ

ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ

ТЕАТРОВЪ,

НА 1842 ГОДЪ,

ИЗДАВАЕМЫЕ

И. Песоцкимъ

и книгопродавцемъ В. Полаковимъ.

XVI.

АРЕНДА И ПОДАЧА ПЛЕНКА СТАТЬИ

СЛУЖБЫ ПОДДЕРЖКИ.

1842.

ФАПТАНІЯ

CHARTERED

13

中華書局影印

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 14-го Августа, 1842 года.

Цензоръ: С. Куторга.

31978A30 411

CHIQUITA 12

стимуляции. А это и есть основной и

IV

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ГРЕЧА.

१८५०-१८५१ वर्षात् यहां एक बड़ा जलविद्युतीय प्रयोग किया गया।

2384

I. ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

КОНТРАБАНДА.

Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Сочиненіе Раупаха.

Переводъ съ Нѣмецкаго Николая Линдфорса.

Фестиваль въ Ехероде, 1850 г.
Составленъ въ 1850 г. въ Гамбургѣ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Дѣвица Юлія фонъ-Кикебушъ, помѣщица.

Минна Кирхенвальдъ, племянница ея.

Капитанъ фонъ-Гардеръ, таможенный смотритель.

Эдуардъ, поручикъ. {Дѣти Гардера.

Юлія . . . . . Тилль, помощникъ Гардера.

Вальдау, оберъ-форстмейстеръ въ Ехероде, ближайшемъ пограничномъ городѣ.

Шелле, подлекарь и брадобрѣй.

Христіанъ, кучерь Гардера.

Лиза, горничная Минны.

Два контрабандиста.

Два пограничные ерея.

Пограничные егери и жандармы.

Дѣйствие происходит въ пограничномъ городкѣ, въ которомъ находится таможня.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Комната въ Таможнѣ. Дверь на задней запѣсѣ; дѣвъ съ боковъ.

ЯВЛЕНИЕ I.

Гардеръ сидитъ, Тилль входить, за нимъ Жандармъ вводитъ Христіана.

Тилль.

Сюда веди его, сюда!

Гардеръ.

Что тамъ такое?

А?

Тилль.

Контрабанда, Капитанъ!

Кн. XVI—1

ГАРДЕРЪ.

И ты попался, Христіанъ?..
О! Громъ...

ТИЛЛЬ (перебивая).

И молвія...

ГАРДЕРЪ.

Позвольте мне въ покое...

ТИЛЛЬ (также).

Договорить?.. простите, виновать,
Что нашу рѣчь перебиваю:
Но нашихъ мыслей рядъ
Весь напередъ я знаю;
Вы спросите «кто, что, и какъ».
Кто, (показывая на Христіана) онъ; что,
(подавая дудку съ табакомъ) этаъ вотъ
табакъ;
А какъ—пусть скажетъ самъ; я съ тѣмъ при-
нель нарочно
Виноваго сюда, чтобы самъ онъ разскажалъ.

**ГАРДЕРЪ (нюхая та-
бакъ).**

Табакъ!.. И заграницы, точно!..
Скажи мнѣ, Христіанъ, чтобы чортъ тебя..

ТИЛЛЬ (перебивая).

...Побѣль,
Скажи намъ, что за случай..

ГАРДЕРЪ.

Сто тысячъ бомбъ...

ТИЛЛЬ (также).

И тысяча гранатъ...

ГАРДЕРЪ.

Позвольте мне сказать....

ТИЛЛЬ.

Извольте!.. Виноватъ!..

ГАРДЕРЪ.

Скажи мнѣ, Христіанъ, послушай,
Скажи всю правду, какъ попалъ къ тебѣ та-
бакъ?

ХРИСТИАНЪ.

Какъ онъ попалъ, сударь? Да очень натураль-
но:
Купилъ я...

ГАРДЕРЪ.

За границей?

ХРИСТИАНЪ.

Точно такъ!

ТИЛЛЬ.

Признайс формально!..

ХРИСТИАНЪ (Гардеру).

Я вами-жъ посланъ былъ, еще и не пышкомъ,
А въ вашемъ экипажъ...

ГАРДЕРЪ.

За дочерью моей, а не за табакомъ...
Послушаешь тебя, такъ виноватъ все я же!..

ХРИСТИАНЪ.

Я табакерку здѣсь свою, сударь, забыть;
А быть безъ табаку кому жъ прійдетъ охота?
Вѣдь жизнь не въ жизни!.. Чѣмъ дѣлать,
за два лота

Три гроша заплатить,
И, нечего сказать, такой табакъ купилъ,
Что нѣтъ трехъ четвертей, я чай, уже въ по-
минѣ.

ГАРДЕРЪ.

Но ты скажи мнѣ, для чего,
И по какой...

ТИЛЛЬ (перебивая).

...Причинѣ
Въ таможнѣ здѣсь не отдалъ ты его?..

ХРИСТИАНЪ.

Зачѣмъ, сударь... бездѣлицу такую!..

ГАРДЕРЪ.

Бездѣлицу?.. Таможни...

ТИЛЛЬ (перебивая).

Конфискуя
Все з прещенное, бездѣлки никакой
Не можетъ пропустить.... Вотъ случай былъ
какой
Недавно здѣсь... похожъ на небылицу,
По точно былъ: одинъ другому дамъ
Понюшку табаку; тотъ взялъ;
По не понюхавши, въ рукахъ ее держаль
Переходя черезъ границу.
Такъ что жъ?.. Понюшка-та

Контрабанда.

Была злата,
И, по закону,
Вся продана съ аукциону.

ГАРДЕРЪ (отдавая жандарму дудку съ табакомъ).

И съ этимъ то же будетъ. (Христіану) Ну,
ступай,
Да у меня, смотри, непрѣдъ не забывай:
Всѣ запрещенные покупки отлавай.
Въ таможнѣ, чтобы не быть пъ отвѣтѣ.

ХРИСТИАНЪ.

Нетъ, сударь, ни за что на свѣтѣ!..

ГАРДЕРЪ.

По такъ какъ ты живешь въ таможнѣ здесь въ услугѣ,
Ты долженъ иначе судить и говорить;
Таможни долженъ ты хвалить а не хулить.

ХРИСТИАНЪ.

Нетъ, сударь! ни за что! Охота же прослыть
Осломъ во всемъ округѣ.
ГАРДЕРЪ.
Такъ что нибудь одно: пѣ прослыши осломъ,
Или оставь сегодня же мой домъ.

ХРИСТИАНЪ.

Извольте, сударь, какъ угодно:
Другое ищетъ мнѣ не мудрено сыскать;
А быть осломъ не такъ легко....

ГАРДЕРЪ.

Молчать!
Вонъ! Вонъ! Прочь съ глазъ моихъ негодъ!
И слышать не хочу я больше про него!...

ЯВЛЕНИЕ II.

ГАРДЕРЪ и ТИЛЛЬ.

ТИЛЛЬ.

Какія глупыя, противныя судженыя!

ГАРДЕРЪ.

Пребеззаконныя!... Все это оттого...

ТИЛЛЬ (перевивая).

Что въ юности даютъ дурное направленье
Ихъ воспитанію.... И я скажу всегда,
Что въ этомъ, Капитанъ, вы совершили правы:
Все люди бы должны таможенны уставы

Изъ азбуки учить.

ГАРДЕРЪ.

Да! да!

Они бы поняли тогда....

ТИЛЛЬ (перевивая).

И даже съ самой колыбели....

ГАРДЕРЪ.

Ахъ, Господи, мой Богъ! Позвольте мнѣ скажать....

ТИЛЛЬ.

О! съ удовольствіемъ!....

ГАРДЕРЪ.

Они могли бъ понять
Какая польза....

ТИЛЛЬ (перевивая).

Отъ таможней-то, хотѣли
Сказать вы, кажется?... Согласенье съ этимъ я,
Онѣ спасительное средство:
На все извѣшнѣе, на прихоти кокетства,
Предметы роскоши, въ нихъ понадобны платы,
Купечество, чтобы взять барышъ, должно до-

роже

И продавать товары тѣ;
Изъ этого выходитъ что же?
Всѣ призываютъ къ простотѣ,
Къ умѣренности!...

ГАРДЕРЪ.

Да! онѣ постановлены....

ТИЛЛЬ (также).

Которос, всегда вводя во искушеніе
Всѣхъ жителей, особенно купцовъ,
Изъ пограничныхъ городовъ,
Съ тѣмъ искушаемъ ихъ бороться застас-
съмъ, въласть,
И въ добродѣтели чрезъ то ихъ укрѣплять.

ГАРДЕРЪ.

Постановление....

ТИЛЛЬ (также).

Которое подъ часъ
Могло бы даже быть построже.
То что всего дороже
На свѣтѣ сеѧ для насъ,
Чего невыгодно лишиться, то есть тѣло,
Со всѣми членами его,
Таможни проходя не платить ничего.
Но только вотъ въ чемъ дѣло....

ГАРДЕРЪ (плачущимъ го-
лосомъ).

Позвольте мнѣ сказать!

ТИЛЛЬ.

О! говорите смѣло!...
Ио къ сказанному мной еще прибавлю я:
Не только тѣло, но одежда даже вся
И пища, что въ желудкѣ,
И мысли въ головѣ, глупыы онѣ, умы, —
Основаны ли на разсудкѣ —
Отъ пошлии освобождены.
А это много!.. Да! могло бы быть построже,
И съ дураковъ....

ГАРДЕРЪ (плача).

О! Господи, мой Боже!
За что наказанъ я!.. Не человѣкъ, злой!
Душа моя исполнена печали,
Вы это видѣли, пы это знали —
Зачѣмъ же горести мои?
Излить въ словахъ не позволяли,
И рѣчью не дали мнѣ сердца освѣжить!...
Какъ! слова мнѣ сказать вы не даете?...
О! вы во цвѣтѣ лѣтъ во гробъ меня сведете....
И если съ вами жить, не долго мнѣ пожить!...

ЯВЛЕНИЕ III.

Тѣ же, ЭДУАРДЪ и ЮЛИЯ.

ЮЛИЯ.

Здоровы ль, батюшка? Теперь я съ вами снова.
ГАРДЕРЪ (еще плачуши мѣ-
голосомъ).
Здорово, мой дружокъ, здорово!...

ЮЛИЯ.

Вы, кажется, разстроены?...

ГАРДЕРЪ.

О! нетъ!

Такъ,ничего!...

(Говоритъ съ нею тихо.)

ТИЛЛЬ (Эдуарду).

По принятому плану
Я батюшку настроилъ. Мой советъ
Теперь же начинать.

ЭДУАРДЪ.

Еще быть можетъ рано?

ТИЛЛЬ.

Я говорю пора!

ЭДУАРДЪ.

Пожалуй, я готовъ.

ЮЛИЯ.

Я здѣсь живу еще лишь нѣсколько часовъ;
Но сколько осмотрѣть успѣла я окрестность,
Мнѣ кажется, что здѣсь прелестнѣшіа мѣст-

ность!

ГАРДЕРЪ.

Куда какъ хороша!.. Страхъ надоѣло мнѣ
Жить въ этой глупой сторонѣ....

ЮЛИЯ.

Но отъ чего жъ? Долины эти, горы, лѣсочки, рощицы....

ГАРДЕРЪ.

Прекрасны, нетъ въ томъ спора;
Но я на нихъ съ досадою гляжу....
Я въ нихъ одни притоны нахожу,
Въ которыхъ кроются контрабандисты. Скоро
Тому ужъ минетъ ровно годъ
Какъ я здѣсь обитаю,
И вѣрно не пройдетъ,
Клянусь тебѣ, что я не прибавляю,
И вѣрно не пройдетъ ни одного часа
Чтобы я не прогнала и горы, и долины,
И рощи, и лѣса...
Да и не безъ причины!...
Рѣшительно со всѣхъ сторонъ
Я здѣсь измѣнѣй окружень....
Контрабандистами, плутами,

И даже въ домѣ у меня одинъ
Нашелся....

Тильль (перебивая).

Собственный вашъ сынъ!...

Гардеръ.

Какъ?

Эдуардъ.

Что сказали вы?...

Тильль.

Да! Согласитесь сами:

Не контрабанда ли — секретная любовь?...

Эдуардъ.

Вашъ до моей любви ить вовсе дѣла.

Гардеръ.

Итъ, сударь, дѣло есть!... Ты начинаешь вновь
Проказничать? Уже дѣлъ не надоѣло?...

Иль мало я тебя еще журиль
За глупости все эти?

Юлія.

Какъ, Эдуардъ, ты мнѣ не говорилъ
Что ты опять попался въ сѣти?

Гардеръ (Юліи).

Несчастье твоего несчастнаго отца
Твой братъ еще увижитъ.

Юлія.

Неужли въсѧ любовь его тревожитъ?
Напрасно!... пламенны поручиковъ сердца,
Но ихъ любовь не безъ конца:
Она не больше лягится,
Какъ пара бальныхъ башмачковъ у насъ.

Эдуардъ.

Итъ, Юлія, на этотъ разъ
Ты можешь ошибиться,
И если рѣчь зашла про страсть мою, она,
Я долженъ вами сказать, такъ пламенна, сильна,
Что разѣтъ съ жизнью мою прекратится.

Юлія.

Ну, разумѣется! всегда такъ говорится!...
Но кто жъ любви твои предметъ?
Ее я знаю, или итъ?...

Тильль.

Кто? Минна Кирхенвальдъ, племянница сосѣда
ки....

Эдуардъ.

О! какъ чувствительна она,
Невинна какъ, умна....
Ну, словомъ, девушка, какія нынче рѣдки!...

Гардеръ.

Какъ мышь церковная бѣдна
И сверхъ того съ родни той женщинѣ она,
Съ которой твой отецъ на вѣки врагъ смертель-

ный!...
Ну, нечего сказать! твой выборъ самый дѣль-
ний!...

Юлія.

Нѣтъ, добрый батюшка, не вѣрю я никакъ,
Чтобы у васъ могъ быть смертельный врагъ!...

Гардеръ.

Старуху Кикебушъ я точно ненавижу,
И въ чувствахъ къ ней моихъ
Я даже въ грѣхѣ не вижу.
Какъ, противъ Божескихъ законовъ и люд-
скихъ,
Она лишь бредитъ все Цыганами, Жидами,
Контрабандистами, корсарами, ворами....

Юлія.

Какъ это понимать?...

Тильль.

Какъ? страшная присла съ охоты
Читать творенья Вальтеръ-Скотта,
И до того изволила читать,
Что помѣшилась.

Юлія.

Нѣтъ! это невозможно!...

Не грѣхъ ли такъ шутить безбожно!

Гардеръ.

Опь и не думаетъ шутить....
Хоть, напримѣръ, за что поссорилась со мною.
Она не можетъ мнѣ простить,
Что я осмѣялся однажды говорить,
Чтобы полиція недремлющей рукою
Должна была тѣ книги забирать,
Гдѣ всѣ описаны разбойничіи уловки,

Контрабандистскія снаровки,
И прочее на эту статью.

Эдуардъ.

Положимъ, тетка сумасбродна!...
Но въ чёмъ, однако, какъ угодно
Я не намѣренъ уѣхать,
Не говоривши съ ней до сей поры ни слова!...

ГАРДЕРЪ.

Что сумасбродна... Нет! А хуже!

ЭДУАРДЪ.

Пусть и такъ,

Но все вы мать не скажете никакъ,
Когда я въстъ спрошу, что общаго такого
Междъ племянницей и теткой?

ГАРДЕРЪ.

Къ къ что?... Какъ?...

Что я сказать могу на это?...
Что я сказать могу?... Что я могу сказать?...

(Въ сторону).

Фу къ чорту! не найду отвѣта!...

ТИЛЛЬ (Эдуарду).

Вамъ можетъ батюшка на это отвѣтъ

Пословицей простонародной:

«Каковъ гдѣ пошъ — таковъ приходъ.»
Или «что батька — то и дѣти.» Какъ угодно:
Но если женщина, какъ Кикебушъ, дасть
Молоденцѣ лѣзицѣ воспитанье,
То вынѣгъ изъ нее преглупое созданье!...

ГАРДЕРЪ.

Сказать еще могу....

ТИЛЛЬ (ческисая).

Да, можете сказать,
Что для служащаго, какъ вы, советъ не
всегда лучше, а здѣсь
Дѣвицу Кикебушъ къ себѣ въ родаю принять.
Но должности ее должны вы презирать;
Она и вѣмъ и каждому известна
По дружбѣ явной къ вѣмъ разбойникамъ, плута-
тамъ,
Контрабандистамъ.... да вѣдь и въ столица тамъ
Богъ знаетъ, прямутъ какъ известіе такое;
Все скажутъ, можетъ ли тамъ быть теперь
падзоръ,
Когда смотритель самъ, который до сихъ поръ
Принѣръ быть честности....

ГАРДЕРЪ.

Позвольте мать въ покой....

ТИЛЛЬ.

Договорить — называйте!.. Но должно
Приблизить будеть вѣдь къ тому еще одно:
Старухъ, можетъ быть, кто знаетъ,
Старухъ, говорю, вдругъ въ голову грайдеть
Въ торговыи, такъ сказать, пуститься оборотъ,
По контрабандѣ.... Глупость завлекаетъ

Людей ужасно далеко;

Случиться можетъ-то легко,

И все семейство пострадаетъ,

Покроется и срамомъ, и стыдомъ....

**ГАРДЕРЪ (съ отчалин-
емъ).**

Вы мучите меня, мнѣ расте могилу;
Я плату, я дышу съ досады чрѣзъ силу....
Богъ вашъ судья!... Но я изъ соглашусь ни въ

Что бъ вы ни говорили.

Пусть за себя племянницу беретъ,
Когда старуха отдастъ... .

Когда же вѣтъ, пускай прибѣгнетъ къ силѣ
Иль хитрости... пускай ее онъ увезетъ
И обѣтывается гдѣ и когда угодно,

На зло старухѣ, тетушкѣ негодной....

А я ему свое имѣніе подарю,

Чтобъ могъ прілично жить; не пожалую;
Отдамъ ему все, что имѣю;

Вотъ что я говорю, вотъ что я говорю.

(Уходитъ въ сильномъ волненіи, всхли-
пывая).

ЯВЛЕНИЕ IV.

ЭДУАРДЪ, ЮЛИЯ и ТИЛЛЬ.

ЭДУАРДЪ.

Спасъ бо, Тилль, благодарю,
Все удалось, мы успѣваемъ.

ТИЛЛЬ.

И отчѣнъ!...

ЮЛИЯ.

Или мы комедію играемъ?

ТИЛЛЬ.

Копечко. Здѣсь пока завязка лишь идетъ,

Когда жъ пойдеть піеса въ холѣ,
Вамъ будеть надобно сыграть въ ней также
роль.

Мы приготовили одну на вашу долю.

ЮЛИЯ.

Ошибились вы на этотъ разъ

Въ расчетѣ. Все пойдеть и безъ меня у васъ.

ТИЛЛЬ.

Не думай, чтобы роль сыграть вы не взялись:
Вы женщина....

ЮЛИЯ.

Какъ!... вѣхъ считаете вы пасъ

А кгрипами?...

Тиль.

Всѣ женщины актрисы,
А мы актерскихъ труппъ директора.
И если женщины намъ нравится игра,
Мы ангажируемъ ее.

Юлия.

Признаться, это
Не слишкомъ выгодно.... я докажу сейчасъ,
Вы ангажируете насъ,
И платите за то фальшивую монету.

Тиль.

Бываетъ иногда....

Юлия.

Мнѣ кажется, у васъ
Не можетъ ни одна, Тиль, ангажироваться.

Тиль.

Вы правы. Свой барышъ всегда я соблюдалъ;
И, не желая разоряться,
На гардеробъ вмѣ маю назначать.

Эдуардъ.

Ну, можно ль вздорами такими заниматься,
Богъ знаетъ, что болтать
И время попусту терять;
А планъ нашъ....

Юлия.

Какъ съ своей любовью недѣльной
Ты стала нетерпѣливъ!...

Эдуардъ.

Недѣльной!... очинь дальний!...
Послушай: Минна, прошлю зимой,
Въ томъ городѣ, где намъ назначены были по-
стной,
Три мѣсяца жила у родственниковъ дальнихъ.
Тамъ я узналъ ее и полюбилъ.

Тамъ часто виделась съ ней въ конвертахъ, въ
залахъ бальныхъ,
Училась понравиться, и страсть свою открыла.
Мы были счастливы. Но вскорѣ наступила
И радость данная вѣсть существомъ песни.

Ахъ! настъ она не счастьемъ надѣлила,
Не радости намъ принесла она,

А только горести и муки.

Старуха Кикебушъ взяла сюда къ себѣ
Племянницу, и злой благодаря судьбы,
Намъ должно было дни свои: если въ разлуку.
Оставшился одинъ, въ унынїи и скучѣ,
Я службу проклиналь, и отпуска просилъ.
Ждалъ долго, какъ на зло повсюду замедленія....

Но наконецъ желанный получилось,
И полетѣла сюда на крыльяхъ нетерпѣлья.
Я здѣсь живу ужъ цѣлыхъ девять дней.
И только два раза успѣлъ съ ней повидаться,

Разъ только слова два успѣлъ я сказать съ
не,
Ин разу не успѣлъ еще соцѣловаться....
А ты, я думаю, ведь знаешь исама,
Что вѣтъ влюбленные....

Юлия.

Да ты сошелъ съ ума!
По чѣмъ могу я знать?...

Тиль.

О! Женщины готовы,
Всегда мужчину увѣрять,
Что имъ не слѣдуетъ и невозможно знать
Того, что знаютъ хорошо....

Юлия.

И слова

На это мнѣ нельзя сказать....
Но только случаи бываютъ
Съ мужчинами на оборотъ:
Они настъ часто увѣряютъ,
Что знаютъ то, чего не знаютъ.

Эдуардъ.

Ну, вотъ!
Пустился опять болтать пуское!...
Да пощадите время золотое,
Я заклинаю васъ.... Обдумаемъ нашъ планъ ...

Тиль.

Обдум емъ. Сюжетъ піесы данъ
И, съ вінъ во всемъ согласно,
Вы уже сдѣлали къ несчастью первый шагъ.

Юлия.

Къ несчастью?... Какъ?...
Ха! ха! ха! ха! Прекрасно!
Но кто же извергъ тотъ
Кто ближайшаго шутя къ несчастью велѣть?...

Тиль.

Не извергъ, благодѣтель:
Людей всегда вести къ несчастью должно;
Искоренять въ нихъ начало зла оно,

И развивая добродѣтель.

Эдуардъ.

Но планъ нашъ....

Тиль.

Да! за планъ припяться намъ пора,
Когда подумашь, какъ быстро время мчится,
Минута каждая въ полетѣ какъ быстра,
Когда подумашь, что ужъ не позиратится
Прошедшее....

Эдуардъ.

Тиранъ!

Тиль! съ вами лопнетъ все терпѣнья...
Обдумаемъ нашъ планъ.

Драматическая произведение.

Тилль.

Наш планъ?

Да что жъ о немъ еще пускаться въ разсусиденія?...

Обдуманъ онъ и такъ,
Вы сии знаете, что пьяный и дуракъ,
И сумасшедший....

Эдуардъ (схвативъ обоихъ за руки).

Вых меня нарочно
Рѣшился бѣстить?... Но не позволю я....

Юлия.

Не жми такъ руку, братъ! Какъ болѣо сжалъ
онъ.... Точно
Какъ будто бы всему виной рука моя....

Тилль.

О бѣдненькія руки!
Да, впрочемъ, по дѣламъ имъ муки ...Эдуардъ (оставляя ихъ
руки и собираясь уйти).

Я обойдусь безъ васъ и сдѣлаю все самъ.

Тилль (останавливая его).

Постойте, Эдуардъ: я васъ учу терпѣнью,
Какъ жениетесь, оно ведь нужно будетъ вамъ,
Но, шутки въ сторону.... Гмъ.... По предположенію
Согласие батюшки къ успѣху первый шагъ;

Имѣть мы его; и такъ

Начало ужъ готово.

Въ сердцахъ онъ слово далъ; но это ничего:
Какъ бы то ни было, но даннаго имъ слова
Онъ не возьметъ назадъ.

Эдуардъ.

Нѣтъ! знаю я его!

Тилль.

Второе: надобно, чтобы будущей невѣстѣ

Къ свиданью съ вами случай отыскать....
Наединѣ оставшись съ нею вмѣстѣ
Вамъ нужно будетъ ей сказать,
Такъ, между прочихъ разговоровъ,
Любовныхъ пошлостей и вздоровъ,
Что удалось вамъ получить

Отъ нашего родителя согласие.

Потомъ еще ноговорить

О томъ, какъ тетку преклонить

На нашу сторону.... Для нашего же счастья,
Старуха Кикебуш преважная статья:

Ел червонцы полновѣсны,

И съ ними девушки красы, кляуся я,

Вамъ болѣе еще покажутся прелестны....

Теперь вотъ дѣло въ чёмъ:

Намъ надобно устроить такъ свиданье,

Чтобы Эдуардъ успѣхъ войти къ старухѣ въ

домъ,

И могъ остаться въ немъ

Пока она проходитъ на гулянье.

Юлия.

Но отъ чего жъ бы вамъ

Не выдумать попроще средства...

Прогулка въ полѣ, въ рощѣ по собствству....

Эдуардъ.

Сперва я то же думалъ самъ;

Но вѣтъ, никакъ нельзя.... За бѣдной Миной,

За этой лѣвушкой невинной,

Окромѣ тетушки приставлена смотрѣть

Презлая фурія, съ презоркими глазами.

Какъ съ этой вѣдьмой совладѣть

Мы ужъ придумали и сладимъ это сами.

Но тетушку должна ты Юлия помочь

На вѣсколько часовъ отвѣтъ отъ дому прочь.

Юлия.

Готова помогать, съ охотой,

Но какъ?

Тилль.

Могли ль бы вы цыганки роль сыграть?...

Юлия.

А отъ чего же вѣтъ? Мне тоже Вальтеръ-Скотта

Не разъ случилося читать.

Преціозу видѣла на сценѣ я недавно....

Тилль.

А можете ль костюмъ приличный подобрать?

Юлия.

Я думаю, что да.

Тилль.

Такъ что же, славно!

Приготавляйте все, да чурь не слишкомъ явно,

А поскорѣе, и тайкомъ.

Юлия.

Но дайте же мѣр ролю.

Тилль.

Я главные черты вами сообщу потомъ,

А карантины все на собственную полю

Придумывать оставлю вамъ.

Ступайте жъ, времени напрасно не теряйте

И каждый свой костюмъ скорѣй приготовляйте.

Въ нашу вѣкъ вещь важная хорошенъкій костюмъ:

На сценѣ смѣлость онъ даетъ, въ гостиныхъ умъ,
Да дѣло не о томъ.... Ступайте же, ступайте....

Юлія.

Что только я могу, все рада исполнять....
Но если тетка нась узнаетъ....

Тилль.

Вотъ прелестно!..

Какъ можетъ васъ узнать?...
Вы сами, кажется, ей вовсе неизвѣстны;
А братца вашего она здѣсь раза два
Встрѣчала можетъ быть. Къ тому, мои слова
Свели ее съ ума. Старухи голова
Полна исторьями про страшнаго Маклата,
Разбойника, явившагося здѣсь.
Вчерашній день провѣль у ней я весь,
Въ разсказахъ, въ родѣ Вальтеръ-Скотта,
И про разбойниковъ, и про пыганъ,
Расположившихся въ лѣсу, что за границей.
Она повѣрила всей этой небылицѣ....

Эдуардъ.

О! если нашъ удастся планъ,
Я буду вашъ должникъ, любезный Тилль, па
вѣки.

(Эдуардъ и Юлія уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Тилль (одинъ, смотря
вспять Эдуарду).

Онъ думаетъ, что я стараюсь для него!..
Вотъ вздоръ!... я никогда, ни для кого,
Кромѣ себя не дѣлалъ ничего,
За тѣмъ, что поощрять не надо въ человѣкѣ
Неблагодарность, сей ужаснѣйшій порокъ.
Я помогать готовъ, чтобы послѣ посмѣяться.
(Вынимаетъ записку).

Вотъ, хоть бы эти десять строкъ,
Пойдуть навѣрно въ прокъ!

Подъ руку Кикебушъ умѣль я подписатьсь,
Печать ся досталь,
И это письмо съ любовнымъ изъясненіемъ
Отъ имени ея я къ Шелле написаль.
Воображаю какъ съ восторгомъ, съ восхищеніемъ,
Подлекарь, этотъ сумасброль,
Письмо любовное прочтеть.
Безцѣнное свиданье
Надолго будетъ жить въ моемъ воспоминаніи.
Я страхъ разчувствуюсь, когда они мою
Удачно разыграютъ штуку.

Контрабанда.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тилль и Шелле.

Тилль.

Да вотъ и Шелле! Какъ сонъ въ руку.
Сейчасъ въ огонь я масла подолью.
Здоровово, Шелле!

Шелле.

А! здоровово, мой дружище!..
Да гдѣ же Капитанъ?... Я собрался подбрить
Для праздника его какъ можно чище...
Его нѣтъ дома?...

Тилль.

Да пошелъ онъ походить....
Онъ, видишь ли, изволилъ посердиться,
Такъ чтобы гнѣвъ свой прохладить,
Онъ чистымъ воздухомъ памѣрнъ освѣжиться.

Шелле.

Но все бы надобно ему сперва побриться....
О! стыдъ ми! стыдъ и срамъ!...

Тилль.

Другъ, не срамись напрасно!...
Ты здѣсь брить бороды не будешь больше намъ!..

Шелле.

Не буду?... Какъ не буду?... Вотъ прекраснѣо!...
Не буду? Какъ же такъ не буду?... Отъ чего?...
Да ты меня страхъ напугаешь, дружище!...

Тилль (тайственно).

Не бойся другъ.... все ладно, ничего!...

Шелле (не понимая Тилль, но дѣлалъ видъ,
что понимаетъ).

Конечно!...

Тилль.

Мы, лескать, нашли себѣ почище!...
Не такъ ли? А?

Шелле (такжѣ).

Конечно! Да!...

Тилль.

Какой злодѣй! Вѣдь такъ къ нему всегда
И валить счастье!...

Шелле (потирая руки).

Точно, счастье!...

Тилль (значительно).

А что того, гемъ, гемъ!...

Шелле (такжѣ).

Такъ, ничего; гемъ! гемъ!
Кн. XV — 2

Тилль.

Пылаютъ страстью? А?

Шелле (значительно).

Пылаютъ страстью!

Тилль.

Счастливецъ ты!

Шелле.

Ха! ха!

(*Тилль жметъ руку Шелле и уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ VII.

Шелле (одинъ).

Я понялъ не совсѣмъ.

И честію клянусь скорѣе,

Я зайца на скоку обрѣю,
Чѣмъ этого проклятаго пойму.
То есть, какъ вещи я соображать умѣю,
То ми *in genere* понятно самому
Все, что сказать хотѣлося ему;
За то *in specie* выходить несогласно.
Какъ головы я ни ломаю,
Но все что миѣ теперь здѣсь Тилль ни тол-
ковалъ,

Не слишкомъ кажется мнѣ ясно.
Но въ четырехъ мѣстахъ миѣ надо побывать
Еще; авось хоть тамъ удастся что узнать.
«Почище, гемъ! злодѣй, какъ валить счастье!..
«А что, того? Гемъ, гемъ!
«Счастливецъ ты! Пылаютъ страстью!...»
О! плутъ таможенный! будь проклятъ ты со-
всемъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Роща близъ дома Г-жи Кикебушъ. На правой сторонѣ дерновая скамья.

ЯВЛЕНИЕ I.

Кикебушъ и Минна сидятъ на скамье подъ деревомъ. Минна держитъ книгу.

Кикебушъ.

На чѣмъ же мы остановились?

Минна (читаетъ).

«Въ это самое мгновеніе отворились двери и Мегъ-Мериллъ вошла въ комнату.»

Кикебушъ.

Возвышенная Мегъ-Мериллъ!...

Минна.

Читала это я; когда меня прервутъ

Я вѣчно не найду.... А!... точно такъ, вотъ тутъ.

(Читаетъ.)

«Не дождавшись отвѣта, она начала такъ....»

Кикебушъ.

Кто?...

Минна.

Мегъ-Мериллъ.

Кикебушъ.

Грозное созданіе!
Я слушать не могу о ней безъ содроганія!...

Минна (читаетъ).

Она начала такъ: Укропъ и трилистникъ ме-
шаютъ колдуны

Исполнить ужасныя чары.

Святаго Колумба защита

Пускай и сей домъ сохранитъ отъ
всѣхъ бѣдствій.»

Она пропѣла эти непонятныя слова дикимъ, высокимъ и рѣзкимъ голосомъ, и въ то же время едѣла три прыжка стоть ловко и сильно, что чуть не ударила головою въ потолокъ. «Не прикажите ли вы дать мнѣ рюмку водки, благородный Лордъ,» прибавила она потомъ...

Кикебушъ.

Нѣтъ! видно что читать.

Господь не дай тебе искусства!..
Какъ ты прочла теперь!.. совсѣмъ,
безъ чувства.

Минна.

Но книгу прочитавъ разъ пять,
Кикебушъ.

Какъ!... Вальтеръ-Скоттова тво-
ренье?...
Я сто пять разъ прочту и буду въ восхищеньѣ.

Минна.

Все это можетъ быть...
Но какъ же мнѣ читать, чтобы вамъ угодить?

Кикебушъ.

Какъ?.. Слову каждому дать надо выраженье;
Изъ действующихъ лицъ когда кто говоритъ,
То должно принимать и голосъ тотъ, и видъ,
Какой приличенъ; да, кто хорошо читаетъ,
Тотъ голосамъ дѣтей и стариковъ,
И женщинъ, и самихъ духовъ,
Какъ можно ближе подражаетъ;
Тѣлодвиженія есть изображаетъ,
То выступить впередъ на несколько шаговъ,
То снова отступаетъ...
Вотъ какъ читать должно!
Да! это чтеніе!..

Минна.

Я думаю, оно
Ужасно какъ смѣшино;
Хотѣлось бы мнѣ имъ хоть разъ полюбоваться!

Кикебушъ (*взявъ книгу*).

Несносно! Дай сюда!..

Минна.

Придется восхищаться.
(Г-жа Кикебушъ становится по серединѣ и начинаетъ читать. Укропъ и трилистникъ мышаютъ колдуны, и пр. визгливымъ голосомъ, дѣлая смѣшные переходы; по окончаніи чтенія:)

Минна.

Прекрасно! только здѣсь какъ сдѣлать три прыжка?..

Чтобы достать до потолка...

Вы не попросите п водки въ угощеніе...

Кикебушъ.

Ну, можно ль что нибудь еще глупый сказать?..
Безчувственное ты творенье!..
Не Минной бы тебя, а Брендою назвать!..
Да! Минна Тройль была природою богата
Душой и чувствами одарена!..

Минна.

Ахъ, тетушка! Неужли какъ она
И мнѣ влюбиться бы въ шпата?

Кикебушъ.

О глупая! молчи! намъ можно ль подражать?..
Мы карлы! Гдѣ намъ гнаться
За исполнами временъ тѣхъ! Удивляться
Мы можемъ только имъ! И какъ теперь опять,
Въ твои молоденькия лѣта,
Поворотился твой языкъ.
Сказать влюбиться? Иль онъ такъ уже привыкъ
Вратъ всякий вздоръ.. Но, чтобы слово это
Изъ устъ твоихъ въ другой не слышала я разъ.

Минна.

Я буду помнить вашъ приказъ.

Кикебушъ.

Съ тобой нельзя не потерять терпѣнья;
Твои всѣ глупости разстроили меня.
Домой отправься! Генія творенья
Дочитывать теперь не въ силахъ я.

(Уходятъ въ разныя стороны).
—

Я ВЛЕНІЕ II.

Тилль и Юлия (*въ цыганскомъ платьѣ*).

Тилль

Готова здѣсь для васъ дерновая скамья;
Поклонница творений Вальтеръ-Скотта
Не долго васъ заставитъ ждать.

Юлия.

Но если противу расчета
Старуха намъ въ обманъ не дается? Что пачать?

Тилль.

Весьма легко поймать, кого угодно въ свѣти:
Всѣ люди взрослые, какъ дѣти,
Въ обманъ даются; всегда при этомъ наблюдать
Однако жъ надобно одну споровку;
Какую для кого приманку ставить намъ;
То есть, коль накладемъ рябины въ мышеловку
А въ западню чижамъ и свирипымъ
Положимъ шинкъ, то вѣрно въ нашей ловлѣ
Удачи намъ не будетъ ни какой.
Но до свиданія; я слишкомъ пустословлю;
Давно бѣ пора ити домой
Я оставляю васъ, прощайте...
Смотрите жъ, роль не забывайте!..

Юлия (*вынимая бумажку*).

Чтобъ не забыть, здѣсь на бумажкѣ я

Главнейшая списка выраженья;

Такъ положитесь на меня

И на мое умье:

Я моему учителю игрой

Честь сдѣлать постараюсь.

Тилль.

О! въ этомъ я не сомнѣваюсь.

Понятливѣе васъ до сихъ порь ни одной

Я ученицы не встрѣчала.

Юлия.

Что это

Злость или комплиментъ? нельзя ли мнѣ сказать?

Тилль.

Какъ будетъ вамъ самимъ угодно понимать,
Мы слову каждому и каждому предмету
Двоякое значеніе можемъ дать.

Юлия.

Вы слишкомъ злы.

Тилль.

Коль бы за человѣка злаго
Меня считаете, сударыня, я васъ
Отъ общества опаснаго такого
Избавлю хоть сейчасъ....

Прощайте же, желаю вамъ успѣха.
(Уходитъ.)

ЯВЛЕНИЕ III.

Юлия (одна; садится
на скамью и перечи-
тываетъ про себя
бумажку).

Ну, кажется, идеть на ладъ....
А печего сказать, хорошенький нарядъ.
Я видѣть не могу себя теперь безъ смѣха,
Жаль, что Вальдау не у насъ....
Вотъ точно бы были потѣха!!!
И онъ на этотъ разъ
Не въ силахъ вѣро бѣсть не разсмѣяться.
(Задумывается.)

Да! странно какъ любовь изволить издѣваться
Надъ вами смертными! Хоть, напримѣръ, мой
брать,
Съ его, живыхъ страстей исполненной душою
Сонялся съ Миппой, кроткою, простею,
Смиреною... и все идеть у нихъ на ладъ...
Хоть я опять.... веселая, живая,
Угрюмаго Вальдау избрала я,
Того, который смѣхъ
Считаетъ чутъ ли не за грѣхъ.

А я.... хоть цѣлый день готова просмѣяться....
Мне кажется, что я смѣюся и во снѣ.

Нельзя не удивляться

Какъ могъ понравиться онъ мнѣ?

Такая противоположность!

А не могу его я не любить.

Когда бъ еще была возможность

Его отъ ревности ужасной излечить....

Онъ вонъ изъ рукъ ревнца; но, не смотря на
это,

Все не могу его я не любить!...

Непостижимо!... да!... но этого предмета

Не растолкую я... Что жъ голову ломать....

Короче — слушаю все это приписать....

Сюда идуть.... собраться нужно съ духомъ....

По описанію, мнѣ кажется, она.

ЯВЛЕНИЕ IV.

Юлия сидитъ, **Кикебушъ** входитъ.

Кикебушъ (про себя).

Соображаясь съ этимъ слухомъ,

Вѣрите я узнать должна

Гдѣ шайка тѣхъ цыганъ расположилась.

Ахъ! если бъ въ таборѣ, средь дымныхъ ихъ
костровъ,

Проесть мнѣ удалось хоть нѣсколько часовъ,
Какимъ бы чувствомъ и изящнымъ наслади-
лась!

Юлия (подходитъ къ
ней сзади).

Благословеніе неба надъ тобой

Пускай во вѣки пребываетъ!

И душу добрую твою пусть защищаетъ
Отъ ярости стихій и ярости людской.

Кикебушъ.

Благодарю за доброе желаніе.

Но кто ты?...

Юлия.

Жалкое созданіе, ст. сидитъ

Которое оставилъ цѣлый свѣтъ....

Безъ крова я живу, безъ пищи....

Я нищая!

Кикебушъ.

Простой не можешь ты быть нищей,

Цыганка ты!

Юлия.

О нѣть, нѣть, нѣть!

(Торжественно.)

Иль хочешь ты, чтобы сломать твоимъ повѣря,

Границы здѣшней мѣткіе стрѣлки,

Меня убили будто звѣра,

Когда погибну я отъ злобной ихъ руки,
Грѣхъ на тебя падетъ!

Кикебушъ.

О! успокойся,
Оставь напрасный страхъ,
И отъ меня бѣдъ ни какихъ не бойся.
Послушай! я одна, быть можетъ, въ сихъ мѣ-
стахъ
Цыганамъ лишь добра желаю.
А въ доказательство, на, я тебѣ ларю.
(Даетъ ей денегъ.)
Не лишнее тебѣ, я это знаю!

Юля.

Какъ? Золото?... Благодарю!...
Да никогда жезль мира благодатный
Не будетъ преломленъ надъ сею головой;
Да сбудется желанное тобой,
Пусть залъцъ, бѣдъ предвестникъ непрѣятныи,
Не смѣть завести въ лому твоемъ гнѣзда....

Кикебушъ.

Я вижу по всему, что ты цыганка! Да!
Откройся миѣ, я не Берtramъ Макъ-Дингавайя.

Юля (подумавъ).

Ты добрая, миѣ кажется, такая,
Тебѣ открыться не бѣда.... Да!...
Я изъ числа людей, которымъ дернъ долины
И мурава лесовъ постель.... Ихъ вѣтъ
дымъ
Не изъ кирпичныхъ трубъ, изъ-за деревъ вер-
шины
Осеннимъ стелется туманомъ онъ сѣдымъ.
Тъ люди жизни ведутъ межъ дикими звѣрями,
Кочуютъ посреди лесовъ
Съ ружьемъ и стаей вѣриныхъ псовъ....
Я родилась подъ ихъ шатрами.

Кикебушъ (въ сторону).

Какъ романтически говорить она!

(Юлии.)

Изъ табора того ты вѣрою быть должна,
Который здѣсь въ лесу кочуетъ, близъ границы.
О! я васъ всѣхъ люблю.... Зайди теперь ко
миѣ....

Юля.

Нѣтъ! ни за что! Здѣсь, въ этой сторонѣ
Съ презрѣніемъ глядѣть на наши лица;
За нами наблюдаютъ готовъ здѣсь каждый глазъ,
И каждая рука намъ дѣлать зло готова.

Кикебушъ.

Къ несчастью, ла! Въ полнѣїи у насъ
Къ изящному пѣть чувства ни какого....
По крайней мѣре, ты миѣ оциши притонь

Гдѣ таборъ вашъ расположень...
Я бъ къ вамъ пришла, провѣстъ часочка два,
три съ вами....
И не съ пустыми ужъ, какъ водится, руками.

Юля.

О! къ намъ отверженнымиъ колъ милость си-
здѣть
То примемъ мы ее, какъ Савскую Царицу
Припѣль Царь Соломонъ. Но въ эту же ночь!
деница
Едва свой кроткій лучъ на мрачный міръ про-
льеть,
Въ путь снова пустимся мы дальний
Изъ сей страны праждебной прочь....
Когда же придешь ты въ эту ночь,
Увидишь праздникъ нашъ вѣчальный.

Кикебушъ.

Возможно ли!... Вѣчальный праздникъ?

Юля.

Да!

Въ священный мигъ, какъ сномъ людей сме-
жатся очи,
И день сегодняшній съ днемъ завтрашнімъ ко-
гла
Бозьмутся за руки на рубежѣ полночи....

Кикебушъ.

На рубежѣ полночи!... Вотъ языкъ!...

Юля.

Да, въ самый сей спящій мигъ,
Дочь нашего выходитъ атамана
За одного Сибирскаго Шамана,
По имени Кату-Сару-Клеменъ.
На празднество торжественное это,
Изо всѣхъ странъ извѣстныхъ свѣта,
Отъ нашихъ всѣхъ кочующихъ племенъ,
Къ намъ въ таборъ гости ужъ явились;
Тутъ будетъ даже Мегъ-Мериллъ,
И говорять, сама она споетъ
Волшебныхъ словъ священные наитвы
Надъ ложемъ въ бракъ вступившей девы.

Кикебушъ.

Какъ? Мегъ-Мериллъ?... Какъ? она еще живѣть?

Юля.

Благодаря творца, живѣть еще!

Кикебушъ.

Какъ странно!...
Я думала она скончалась отъ раны....

Юля.

А разъ Мегъ-Мериллъ знаешь ты?...

КИКЕБУШЪ.

О! какъ сестру родную!...

Портретъ ея тебѣ, коль хочешь, нарисую:

Огромный ростъ, шесть футовъ высоты

Носъ длинный, рѣзкія черты....

Власы всегда по волѣ вѣтра вились

Въ мужскомъ, сверхъ платья, сюртукѣ,

Съ дерновой вѣтвью въ рукѣ....

ЮЛІЯ.

Ты говоришь о славной Мегъ-Мериллисъ,
Что нѣкогда въ Шотландіи жила;

Но къ нашимъ праотцамъ она ужъ отошла....

И съ той поры, въ воспоминанье

Пророчны великой сей,

Прославившей себя искусствомъ въ прѣдсказанье,

Которой имъ жить до позднихъ будеъ дней,

Съ тѣхъ поръ, единодушно согласились

Всѣ наши племена,

Что грозная Цыганъ владычница должна,

Какъ скоро примѣтъ власть, называться Мегъ-

Мериллисъ.

КИКЕБУШЪ.

О! превосходно!... Я па праздникъ вашъ прїду!
Но где и какъ, скажи, я таборъ вашъ найду?

ЮЛІЯ.

Въ получасѣ ходьбы отсюда лѣсь дубовый,
И посреди его находится скала,
Что Катценштейнъ зовутъ.

КИКЕБУШЪ.

Не разъ я тамъ была,
И хоть сейчасъ туда итти готова!

ЮЛІЯ.

Не устрашишь лѣ ты
Волшебной ночи темноты?

КИКЕБУШЪ.

Готова я на все, что дѣлать ни прїдется.

ЮЛІЯ.

Такъ выслушай меня: когда языкъ временъ
Металла девять разъ коснется
И прозвучитъ условный этотъ звонъ,
Тогда нога твоя разстанется съ порогомъ,
Жилица твоего, и ты въ молчанъ строгомъ
На Каценштейнъ пойдешь одна.
Но наблюдать притомъ должна,
Чтобы никто не шелъ передъ тобою,
И за тобой никто чтобы не следилъ,
Чтобы никто не проходилъ
Ни правую, ни лѣвой стороною....
Не забывай условия моего!...

КИКЕБУШЪ.

О! я прїду одна! Не бойся ничего!

Зльсь ото всѣхъ я умысель свой скрою,

За это ужъ ручаюсь я.

ЮЛІЯ.

Ты тамъ найдешь или меня,

Или кого нибудь другаго;

А чтобы въ темнотѣ другъ друга распознать,

То надобно условленное слово

Въ полголоса сказать.

Хоть напримѣръ: «Въ дунло почна скрылася

птица,

И въ тaborъ нашъ вошла царица.»

КИКЕБУШЪ.

Я буду!

ЮЛІЯ.

Миръ съ той! Теперь оставь меня,

Ты видѣть не должна куда отправлюсь я.

КИКЕБУШЪ.

Иль можешь ты еще измѣни опасаться?...

ЮЛІЯ.

Нѣть!... но когда тебя спросили бѣ обо мнѣ,

Ты безо лжи должна поклясться,

Что ничего не знаешь о странѣ,

Куда стопы мои направились отсѣль.

КИКЕБУШЪ.

Да! точно, въ самомъ дѣлѣ!

И такъ, когда языки временъ

Металла девять разъ коснется

И прозвучитъ условный звонъ,

Для новыхъ чувствъ душа моя проснется....

О наслажденье!...

ЮЛІЯ.

Миръ съ тобой!

КИКЕБУШЪ.

Прощай!

(Уходитъ).

ЮЛІЯ.

Прощай, словъ сказанныхъ тебѣ не забывай.

ЯВЛЕНИЕ V.

ЮЛІЯ (одна).

Побѣда! Что жъ! сказать безъ хвастовства, я,

право,

Сыграла роль свою на славу.

А жаль, что были мы однѣ!

Хоть славы я и не ищу, однако,

Послушать похвалы пріятно было бѣ мнѣ.

Вѣдь похвалы на свѣтѣ любить всякій....

А хорошо, что я уѣзжала прочь ее;

Съ костюмомъ я могу разстаться.

(Снимаетъ цыганское платье).

Ми^х званье новое наскучило мое....

Къ тому жъ дорогой можетъ повстрѣчаться

Знакомый кто нибудь.

(Завлѣзываетъ платье въ узелокъ и выроняетъ бумажку).

Но, кажется, идуть.... скорѣе въ путь!...

(Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ VI.

Вальдау (входитъ гуляя).

Какъ медленно часы проклятые влачатся!...

Летять какъ будто бы подстрыженная дичь!...

Исолице на небѣ, какъ круглый щитъ для цели,

Недвижимо стоять.... О! если бъ пролетѣли

Скорѣе сутки!... Я не могу постичь

Любви своей нетерпѣливой.

Ми^х Юлія сказала, чтобы сюда

Пріѣхалъ завтра я, а не сегодня... да!...

Я называлъ ее капризной, прихотливой,

А кто былъ правъ изъ насъ?... Увидѣвшіи меня

Сегодня въ здѣшнемъ мѣстѣ

Не могутъ ли сказать, что я

Пріѣхалъ съ нею вмѣстѣ?...

Признаться надо, поступилъ

Я черезъ чуръ неосторожно,

Да и къ чему я такъ спѣшилъ?

Къ отцу емъ вѣхать невозможно:

Еще нѣтъ сутокъ какъ она

Сюда привезена.

Ну, ловко же будетъ ми^х сегодня же явиться...

Руки ея искать?...

Старикъ, пожалуй, можетъ разсердиться...

Придется ми^х до завтра подождать.

За глупость же свою, сегодня въ наказаніе

Нетерпѣливой страсти, всѣ страданія

Сносить съ терпѣніемъ буду принужденъ.

(Ходитъ большими шагами).

Ждать, чортъ возьми!... А ждать придется!...

(Поднимаетъ потерянную Юлію бума^жку).

Ба! Юліи рука! (читаетъ). «Когда языкъ времѣнь

Металла девять разъ коснется....

У Каценштейна.... На яву

Читаю я, или во снѣ?... Проклятье!....

Да это просто rendez-vous!...

А, вѣроломная!... къ другимъ летинамъ въ
объятія?...

Измѣница! Но я съ тебя сорву

Личину! (Разматривая бумажку). Писано рукою лицемѣрной!....

Какъ жаль; одна лишь здѣсь записи стороны;

Другая же съ адресомъ оторвана....

Какъ будто бы на зло!... Кто же мой соперникъ?... Вѣрно

Здѣсь въ рощицѣ была записка отдана
И имъ потеряна.... Что дальше?... (Читаетъ).

«Межъ звѣрями

Прополять жизнь со стаей вѣрныхъ псовъ;

Долины дернъ и мурава лѣсовъ

Постель ихъ.» Этими словами

Хотѣла намѣкнуть злодѣйка на мене,
Какъ на охотника... Въ лѣсахъ охочусь я,

А между тѣмъ, она въ объятіяхъ другаго...

О! мысль проклятая, престань меня терзать.

(Читаетъ).

«А чтобы въ темнотѣ другъ друга распознать,
То надо словленное слово

Въ полголоса сказать;
Хотѣлъ напримѣръ, въ душилъ ночная скрылась

птица

И въ нашъ шатерь вошла царица.

А это что еще такое?... «Въ эту ночь

Его выходитъ dochь

За одного Сибирскаго Шамана

По имени Кату-Сару-Клеменъ.»

Наборъ придуманныхъ именъ,

Безъ связи фразъ, для лучшаго обмана,
Чтобы третій ничего изъ нихъ понять не могъ....

Но я, я понять все!... все!... слушай ми^х по-
могъ

Открыть измѣну! Да! Яснѣй уликъ не надо!...
И въ оправданіе не сыщетъ ничего

Коварна!... Изчадье ада

Со всѣми свойствами его;

И вѣтrena и лицемѣрна,

И нечувствительна она;

И измѣнной мысль ея полна....

Но вотъ еще одно извѣстно ми^х напѣро,

Что никогда она здѣсь прежде не жила...

Ну, какъ же скоро такъ знакомство завела?...
О, пѣть! она его съ собою привезла

Сюда изъ Эйхероде....

Ее онъ вѣрно проводилъ....

Потѣшиться ей здѣсь хотѣлось на свободѣ,

И потому я долженъ быть

Явиться позже!... Ясно, ясно

Какъ деньги!... И вотъ любви награда страстной....

О! Юліо теперь я иенавижу, да!

Ее я даже презираю....

Пойду, къ ел ногамъ свидѣтельство стыда

Я брошу, и скажу, что часъ тотъ проклинаю,
Въ который... пѣть! гдѣ Каценштейнъ, узнаю,

Явлюся на свиданье самъ,

И тамъ,

На мѣстѣ преступленья

Ей выскажу мое презрѣніе,

И извлекутъ ее мои слова
Изъ сладкаго любви преступной усыплены...
О! кровь по миѣ кипитъ... кружится голова...
Я самъ не свой!... Такъ! послѣ наслажденія
Взаимной, счастливой любви,
Первыйшее блаженство на земли
Отмстить невѣрной
(Хочетъ ити, но выходя встрѣчается
съ Тильдомъ и толкаетъ его).

ЯВЛЕНИЕ VII.

Вальдау и Тильд.

Вальдау.

Извините,

Я васъ задѣлъ....

Тильд.

Я столько жъ виноватъ!...

Вальдау (въ сторону).

Миѣ кажется, что этотъ хватъ
Миѣ можетъ дать весь свѣтъ!... (Громко). Проще-
стите.

Одинъ вопросъ: вы здесь живете или нетъ?

Тильд.

Какъ здесь? Въ лѣсу?

Вальдау.

Нетъ, въ здѣшиемъ меѣтъ....

Тильд.

Да, сударь.... здесь живу я и несколько ужъ
лѣтъ....

Вальдау.

Вы, кажется, Пастиръ....

Тильд.

О! много чести!

Minorum gentilium... Я пастиръ юныхъ стадъ,
А попросту сказать учитель въ здѣшней школѣ.

Вальдау.

Такъ вы учитель.... Очень радъ....
Позвольте миѣ еще одинъ вопросъ, не болт!...
Въ окрестности миѣ надо отыскать,
Есть место Каценштейнъ.

Тильд (съ большимъ
вниманіемъ).

Какъ, Каценштейнъ?...

Вальдау.

Такъ точно!..

Тильд.

Есть, сударь! есть! Какъ миѣ не знать'..

Вы отнеслись ко мнѣ съ вопросомъ, какъ нароч-

но...

Я очень долго разсуждалъ

О странности названья

Уродливой скалы сей, и давалъ

Различныя ему я толкованья.

Объ этомъ даже я печаталъ, и писалъ...

И очень, сударь, много;
Угодно, можетъ быть, прочесть?..

Вальдау.

Благодарю за эту честь;
Нельзя ли опишать теперь туда дорогу?...

Тильд.

Охотно! Лѣсъ пройдя, отъ самыхъ этихъ идти
Пойдете прямо, по шоссе вы,
По направлению Вѣсть-Зюйдъ-Вѣсть;
Тутъ будеть башенька на лѣво,
И длинный деревянный мостъ;
Прошедшіи ихъ, тропинкой въ лѣсъ свернете
По направлению Ость-Зюйдъ-Ость,
И все идя по цей на Каценштейнъ пройдете.

Вальдау (въ сторону).

Педантъ! (громко) Весьма обязанъ вамъ!...
(уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Тильд (одинъ).

Нездѣшній... Рыскаеть по рощамъ и лѣсамъ...
Гдѣ Каценштейнъ узнать желаетъ...
О! о! Все это заставляетъ
Меня подозрѣвать, что этотъ молодецъ
Какой нибудь кунецъ,
И ищетъ случая обогатиться
Здѣсь контрабандою... Могу и ошибиться,
Но все предупрежу я нашихъ егерей,
Чтобъ въ эту ночь они во весь глаза глядѣли...
Но только бъ какъ нибудь съ исправностью своей
Не помѣшили мнѣ... Жаль будетъ! Неужели

Неумолимый рокъ
Со мной поступить такъ жестоко,
И не пойдуть мои проказы въ прокъ?
А ведь комедія подвинулась далеко:
Старуха Кикебушъ уже въ стѣахъ у нась;
Безъ затрудненія въ обманъ она далась...
Дошло лъ мое письмо до брадобрѣя?..
Когда дошло, дружище бѣдный мой
Теперь съ ума сошелъ, ручаюсь головой;
Хотѣлось бы узнать мнѣ поскорѣе
Да вотъ и онъ...

ЯВЛЕНИЕ. IX.

Тилль в **Шелле** (проходит через сцену).

Тилль.

Эй! другъ! торопишься куда?...
Послушай-ка, поди сюда!

Шелле (подходя).

Куда я тороплюсь, дружище!.. Самъ не знаю!..
Чортъ знаетъ... можетъ быть и прямо на тотъ
свѣтъ.

Тилль.

Что? я тебя не понимаю!...
Какой загадочный отвѣтъ!...
Да ты въ споѣ ли, братъ, тарелкъ?..
Вѣдь на тотъ свѣтъ дорога далека,
А ужъ теперь не рано!...

Шелле.

Всѣ бездѣлки!

На все готовъ, дружище! вотъ рука,
Что я на все готовъ: сквозь землю провалиться,
Подъ облака взлетѣть, на все готовъ рѣшиться...

Тилль.

Да, въ правду, ты, пріятель дорогой,
Не спятилъ ли съума? Скажи мнѣ, что съ тобой?.

Шелле.

Не знаю я, дружище... Самъ не свой
Отъ радости и отъ веселья...
Кружится голова, какъ будто бы съ похмѣлья...
Уфъ! какъ я счастливъ сталъ!...

Тилль.

Да ктожъ случилось? что за счастье?..

Шелле.

А помнишь, давнѣ, дружище, толковалъ
Того, гемъ, гемъ, пылаютъ страстью?..
Все по твоимъ словамъ сбылось;
Да вѣдь откуда что взялось?...
Вѣдь можно ужъ сказать, что противъ ожиданія..
Когда бъ не долженъ былъ я сохранять молчанье,
Мнѣ кажется, что я всѣмъ въ окна бы кричалъ.
О! какъ я счастливъ сталъ, о какъ я счастливъ
сталъ!..

Тилль.

По этому, у васъ дошло до объясненія?..
Сказать по истинѣ, она
Собою очень не дурна...
Прими мое, пріятель, поздравленіе...
А какъ отецъ умретъ...

Шелле.

О комъ толкуешь ты?...

Тилль.

О дочери трактирщика.

Шелле.

Мечты!
Фантазіп, дружище! Неужели
Ты давнѣ о ней же намекалъ?

Тилль.

О комъ же о другомъ?...

Шелле (смѣясь).

Неужъ-то въ самомъ дѣлѣ?...

Тилль.

Да, чѣмъ тутъ страннаго? Послушай, ты срѣ-
заль
Мозоли сї недавно;
Извѣстный ловкостью, искусствомъ въ тѣхъ дѣ-
лахъ,
Ты операцию свою исполнить славно...
Отъ благодарности къ любви одинъ лишь шагъ...
Шелле.

Дружище! выше подымай-ка!

Тилль.

Неужели учитель сестра?...
Вотъ это девушкѣ! Умина, добра
И славная хозяйка.

Шелле.

Дружище! выше подымай!...

Тилль.

Да ктожъ? Ить, видно мнѣ не угадать! Прощай (хочетъ ити).

Шелле (удерѣживая его).

Дружище погоди; покуда
Всего не разскажу, ты не уйдешь отсюда!...
Уйдешь, такъ за тебой во слѣдъ я побѣгу;
Ни отдыха тебѣ не дамъ я, ни покоя;
Захочешь спать, въ постель вѣка рабкаю съ
тобою;
Послушай, никому другому не могу
Я высказать свое все счастье!
Дружище, ты возьмешь во мнѣ участъ...
Ахъ, быть счастливымъ и молчать,
Есть величайшее на свѣтѣ наказанье.
Ить! дольше не могу я сохранять молчанье—
Оно сверхъ силъ моихъ!

Тилль.

Ну, хочешь разскажать,
Рассказывай!

Шелле.

Отбивши капитана,
И взявъ подъ мышку бритвенный приборъ,

Я шелъ къ себѣ домой и лумалъ всякий вздоръ;
На память давнишній пришелъ миѣ разговоръ.

Что, думалъ я себѣ, когда бы безъ обмана

Дружище Тилль все это говорить...

Оно бы хорошо! Въ то время подходилъ
Къ углу, где кончается вашъ саль. Изъ-за забору
Вдругъ моему испуганному взору

Мальчишка маленький предсталъ,

И сунувъ миѣ записку въ руки,

«Письмо отъ барыни къ вамъ сударь,» онъ ска-
зъ.

Письмо... отъ женщины... Ба! это что за штуки,
Подумалъ я, хотѣлъ мальчишку распросить,

Да жаль, что поздно спохватился:

Отдать письмо, оно со всѣхъ ногъ пустился
Бѣжать, и сѣдѣ простылъ... Что дѣлать? Какъ
миѣ быть?...

Я призадумался немножко,

Но тогтасъ же въ себя пришелъ,

Сорвалъ печать, письмо прочелъ...

(подаетъ Тиллю письмо).

Вотъ, вотъ оно; прочти... но ради Бога

Не пропускай ни одного ты слога.

Тилль (читаетъ).

•Любезный Вельяминъ...

Шелле.

Ты знаешь ли, что такъ меня зовутъ,
Дружище?... Если есть сомнѣніе,
Я покажу тебѣ свидѣтельство крещенія!...

Тилль.

Нѣть знаю, знаю я; напрасный будеть трудъ!...
(читаетъ).

•Любезный Вельяминъ!

Долго боролся мой разсудокъ противъ тво-
его божественнаго образа, наполнившаго глу-
бочайшиѣ изгибы моего сердца; но съ обра-
зомъ твоимъ была связана моя слабость... и
соединенныя сплы ихъ побудили разсудокъ, и
возложили на меня сладкую обязанность лю-
бить тебя до гроба!... Но, да не увидитъ пи-
когда глазъ человѣка моего паденія! Да пи-
когда свѣтлое око дnia не узрить меня побѣж-
денію... Когда же романтическая ночь набро-
сить на землю мрачный покровъ свой, и звонъ
колокола дастъ знать смертнымъ, что девятый
часъ утонулъ въ вѣчности, ты петрѣтишь ме-
ня у дуплистаго дуба на Капенштейнъ... Грудъ
твой не походитъ на дубъ сей: она не пуста!
Въ ней бѣется сердце чувствительное, и потому
я уѣрена, что ты не заставишь напрасно
ждать

•Любящую тебя Юлю Кикебушъ.

Шелле (растроганный).

О Юліа!

Тилль.

Постскрипти! ну! женская манера!

Шелле.

О, Юля Кикебушъ, прелестная Венера!..

Тилль (читая).

•Р. С. Лозунъ, по которому мы узнаемъ
«другъ друга въ темнотѣ, будеть слѣдующій:
«Въ дупло ночной скрылась птица, и въ тaborѣ
«нашъ вошла царица.»

Шелле.

Что? каково? Могли ль мои мечты

Подняться до подобнаго предмета?..

Какъ думашь? что скажешь ты,

Дружище, миѣ на это?

Тилль.

Желаю счастья! Правда, что она

Ужъ входить въ пожилыя лѣта,

Ио, не смотря на то, весьма сохранена,

И что важнѣй всего, богата и умна.

Шелле.

Ну, какъ, скажи ты самъ, не лѣзть теперь изъ
кожи,

И съ радости съ ума миѣ не сходить?

Тилль.

Съ ума сходить? да отъ чего же?

Причины я къ тому, колѣ здраво разсудить,
Не вижу ни какой!.. Вѣдь если взять по чести
Ты... по какъ другъ, я говорю безъ лести,
Повѣрь, что я тебѣ не буду лѣстить!...

Шелле.

Чтобъ громъ убиль меня на этомъ мѣстѣ,
Когда осмѣлюсь я подумать, что ты лѣстишъ.

Тилль.

Хоть ты не въ цѣлѣ лѣтъ, но все хороши съ
бою
И бодръ, и свѣжъ...

Шелле (смотрясь въ мѣд-
ный тазикъ).

Ты правду говоришь.

Я самъ своей доволенъ красотою....

А что, дружище, я вѣдь точно не дуренъ...

Тилль.

И сверхъ того, всесдерою судьбою

Умомъ и пылкостью ты также одаренъ.

Шелле.

Да! эти качества въ наслѣдство

Отъ батюшки я видно получилъ;

Я отличался имъ съ малолѣтства...

Дружище, да, когда еще я былъ

Лѣтъ десяти ребенкомъ,

Товарищи меня все звали пострѣлкомъ,
И разлихъ... Какъ я въ ученье приходилъ,
—Вонъ, говорятъ, идѣтъ пострѣлъ!—Да, говорю я,
Идетъ!—Вотъ говорятъ, памъ штуку разлихую
Онъ выкинетъ сейчасъ.—Да, говорю, сейчасъ.
—Ужъ то-то, говорятъ, онъ распотышилъ насъ!—
—Да, говорю, ужъ разнотышу васъ...—
Такъ каждый день во мнѣ все болѣе и болѣ,
Всѣ развивали способности на волѣ.

Тилль.

Я вѣро, другъ.. Къ тому жъ, въ лицѣ твоемъ
Есть что-то, гордо возвышенное даже!...

Теперь ты такъ, тишкомъ, тишкомъ,
А въ молодости чай туда же
Всѣмъ женщинамъ головки-то кружили...
Опасный сатаны, я думаю, ты былъ.

Шелле.

Ужъ именно сказать, былъ точно сатаною!...
Онъ все знали, что со мною.

Не въ спахъ совладать...

И если наши гдѣ бывали,
Такъ женщины, могу навѣрно сказать,
До сей поры о насъ изволять вспоминать.
Какъ я учился въ Галле,...

Тилль.

Какъ? Въ университѣтѣ?

Шелле.

Нѣть,
Дружище, ты не понялъ выраженья,
Тамъ у подлекаря въ ученьѣ
Жиль школьнѣко я лѣтъ...
Но не грѣшно сказать, что тамъ учился:
Во всемъ я знатно навострился,
Какъ воду водку пилъ,
Участвовалъ вездѣ, гдѣ начиналась драка,
И наполовъ всегда вѣхъ биль.

Тилль.

Головорѣзъ ты, забіяка!

Шелле.

И женщинамъ тамъ спуску не даваль:
Я ихъ въ такомъ держалъ повиновенье,
Что безъ сопротивленія
Могъ дѣлать съ ними все, чего бѣ не пожелалъ.

Тилль.

Ну, послѣ этого, какъ можешь ты дивиться,
Что Кикебушъ въ тебя изволила влюбиться?...

Шелле.

Я не дивлюсь, дружище, кто жъ сказалъ
Тебѣ, что я дивлюсь?

Тилль.

Случись со мною это,
Я бѣ принялъ видъ, что равнодушенъ я,

И что признаніе подобного предмета
Ни крошечки не радуетъ меня;
Что я привыкъ къ подобнымъ приключе-
ньямъ...
Что нѣтъ конца моимъ любовнымъ похожде-
ньямъ...
Что пишутъ женщины здѣсь каждый день ко
мнѣ....
Что надоѣли мнѣ онѣ....
И на любовь ели не прежде бѣ сдался,
Какъ вынуждѣнъ ее участь къ моимъ ногамъ...

Шелле.

Дружище! ты вѣдь правъ! Я поступало въ санѣ
Не иначе....

Тилль.

Я слишкомъ заболтался,
Давно пора ити домой...
А ты останешься, или пойдешь со мной?..

Шелле.

Нѣть, я остануся! Пріятный на просторѣ,
Чѣмъ въ четырехъ сидѣть стѣнахъ.
Гуляя здѣсь, о нашемъ разговорѣ
Подумаю....

Тилль.

Да! о моихъ словахъ
Подумай. Ну, прощай, счастливой ночи.

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНИЕ X.

Шелле (одинъ).

Счастливой ночи! да! хе! хе! хе! хе! Оно
Хоть для меня, конечно, все равно....
Хоть я не радуюсь, но истина иѣть мои
Спокойно счастіе свое переносить....
Кружится голова, сильнѣе сердце бѣется....
Что Тилль ни говори, а равнодушнѣмъ быть....
Тесь....

ЯВЛЕНИЕ XI.

Шелле, Кикебушъ.

Кикебушъ (въ сторону).

О, почь блаженная, когда тебя дождется
Моя душа!... Ахъ!

(Вздыхаетъ.)

Шелле.

Какъ задумчива она!...

(Становится въ позицію и кашляетъ).

Кикебушъ.

А! Шелле, заравствуйте!

Шелле (грубо).

Мое почтенье
Сударыня! (В сторону.) Въ лицѣ какое удивленье,
И топомъ какъ монмъ она поражена!...

Кикебушъ (послѣ нѣкотораго молчанія).

Прекрасный день! такъ солнце светить ярко,
Для Сентября сегодня очень жарко.

Шелле.

Вы полагаете?... конечно, да....

Иными и очень жарко.... только
Жаръ этотъ на меня не действуетъ никакъ,
И хладнокровенъ я всегда.

Кикебушъ.

Вы хладнокровны отъ природы...
Все это можетъ быть!... Сложенья не равны...
Какъ парить! къ ночи мы должны
Ждать сильной погоды.

Шелле.

Вы полагаете?... конечно, да!
Гроза довольно испрѣятна,
Но въ часъ усомнѣній затихнетъ, вѣроятно.
А если быть? такъ что жъ, и это не бѣда,
Любовинку не страшны громы,
И пламя сердца и страстей
Горитъ и ярче и сильнѣй,
Чемъ пламя зажженной соломы!...
Ничтожному ложью его не погасить,
И сердце женщины чувствительной и страстной
На сердце спльное мужчины не напрасно
Свою надежду можетъ положить.

Кикебушъ.

Вы, кажется, намѣрены шутить;
Но вашихъ шутокъ я совсѣмъ не понимаю.

Грозы я не боюсь, но можетъ быть, что громъ
Ударить вдругъ....

Шелле.

Я полагаю,
Ударилъ онъ давно, и все горить огнемъ....
Ха! ха! ха! ха! поть мысль! ха! ха! ха! ха!
Что, если вдругъ, въ извѣстный часъ,
Гроза ударить въ дубъ извѣстный?...

Кикебушъ (отступая на шагъ).

Въ извѣстный дубъ? ..

Шелле.

На этотъ разъ
Извѣстный человѣкъ обѣ этомъ не хлопочетъ!...

И что ему за дѣло до того?
Сегодня, напримѣръ, подъ дубъ зовутъ его;
Захочеть, такъ пойдетъ.... а не захочеть,
Такъ не пойдетъ.... Ему все это ничего!...
Покоя нѣть ему отъ страстныхъ объясненій,
Онъ устаетъ отъ наслажденій....
(Становится въ нѣкоторомъ отдаленіи).
Но если женщина падетъ къ его ногамъ,
(Дѣлаетъ знакъ, чтобъ она встала на колени.)

Преклонить передъ нимъ колѣни....

(Молчаніе. Шелле ждѣтъ, Кикебушъ
смотритъ на него съ удивленіемъ).

Шелле.

Не иначе!

Кикебушъ (въ сторону).

Онъ пьянь! Ламбурнь! (Въ пологоса.) Фуй!
(Уходитъ.)

Шелле.

Фуй? Ушамъ
Миѣ вѣрить ли моимъ?... Фуй?... Не обмань ли
слуха?...
Я отишу тебѣ, проклятая старуха!
(Уходитъ.)

(уходитъ)

(спѣвающи и говоря за драматизмъ)

Что иначе и быть не можетъ никогда:
Когда нечистый духъ является межъ нами,
Одежду красную имѣть онъ всегда;
А цвета сплошь таинственность значенье.

И такъ, одежда та,
Въ которой видимъ мы сіи цвета,
Въ такомъ соединеньи
Должна изображать символъ
Покрытыхъ тайною силъ страшныхъ, грозныхъ
ада.

Тилль.

Вы правы! Вотъ какъ надо
Всѣ вещи понимать; и я бы не нашелъ
Истолкованія такого.... Но нашъ поль
Искуснѣй нашего для этихъ объясненій.
Межъ насть, мужчинъ, одинъ лишь возрастаетъ
Великій въ этомъ родѣ гений:
Шотландецъ Вальтеръ-Скотъ.

Кикебушъ.

О! въ описаніяхъ онъ гений совершенный!
Какъ много жизни въ нихъ, души....

Тилль.

Да! описание отлично хороши.

(Встаетъ).

Что это?... выстрѣль отдаленный?

Кикебушъ.

Я ничего не слышала.... (Минна). А ты?
(Тилль дѣлаетъ знакъ Минне).

Минна.

Я слышала и очень ясно!

Кикебушъ.

Пріѣдетъ же въ голову! Фантазіи, мечты.
(Тилль).

Нѣтъ! вы себя тревожите напрасно!...
Вамъ показалось? Да и кому бы мочь
Стрѣлять такъ поздно! Вѣдь ужъ ночь.

Тилль.

Да, съ пограничными, быть можетъ, егерями
Контрабандисты завели
Такъ..., перестрѣлку....

Кикебушъ.

Неужели?

По этому и между нами
Легко найти предметъ
Преромантическій.

Тилль.

Сомнѣній въ этомъ нетъ.
И только бѣ дали Вальтеръ-Скотта,
Чтобъ познаться этою работой,

Нашелъ бы опѣ здѣсь не одинъ сюжетъ
Для пламенныхъ своихъ прелестныхъ описа-
ний.

Кикебушъ.

Въ немъ все прелестно! Все!

Тилль.

Все! даже до названій
И собственныхъ именъ.

Кикебушъ.

О! въ этомъ у него прекраснѣа манера;
Презвучно имена придумываетъ онъ.

Возьмемъ пожалуй для примера
Хоть Дунроснесъ и Друнгурлокъ.

Тилль (беретъ шляпу).

Или Муклебакитъ и Кноаквинокъ!

Кикебушъ.

Муклебакитъ! О, превосходно!

Тилль.

Но есть еще звучнѣй, когда угодно
Киппелтринганъ.

Кикебушъ.

Киппеле....

Тилль.

Киппеле....

Оба вмѣстѣ.

Киппелтринганъ.

(Тилль цѣлуетъ руку ея и уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ II.

Кикебушъ и Минна.

Кикебушъ.

Ему отличный вкусъ самой природой данъ!
Прекрасный человѣкъ.... умѣеть посхищаться
Всѣмъ романтическимъ, изящнымъ.. Жаль, что
онъ

Служить въ таможнѣе принужденъ...

Гдѣ трудно съ должностю душѣ согласоваться,
Тамъ иудрено служить! (Минна) Ложиться мо-
жешь спать...

А я пойду еще немного прогуляться.

Минна.

Какъ, тетушка? Гулять?

Такъ поздно, среди ночи?...

Вы шутите?.. теперь темно!...

Кикебушъ (протягивая

руку).

Тебѣ до этого нѣть дѣла!.. Все равно!..

Ну, чтожъ не найдешь?.. Съ ней просто несть ужъ
мочи.

Ступай, сударыня, ступай.

Минна (цѣлую руку тетки).

Прощайте, тетушка!

Кикебушъ.

Прощай.

Минна (уходит).

Ужели мнѣ его увидѣть не придется?..

ЯВЛЕНИЕ III.

Кикебушъ (одна).

О! скоро ужъ языкъ пременъ
Металла девять разъ коснется,
И прознучить условный этотъ звонъ..
Съ какимъ ужаснымъ нетерпѣньемъ
Я жду минуты сладкой той,
Въ которую съ изящнымъ наслажденьемъ,
Увижу я передъ собой
Наслѣдницу великой Мегъ-Мериллъ,
Лицемъ...

ЯВЛЕНИЕ IV.

Кикебушъ и Лиза (вспыхаетъ).

Лиза.

Сударыня! пропали мы! Бѣла!
Къ намъ въ домъ разбойники вломились...
Одинъ изъ нихъ за мнѣ идетъ сюда.

Кикебушъ.

Въ своемъ ли ты умѣй, что подняла тревогу?
Все вздоръ!

Лиза.

Нѣтъ, правда все, сударыня! ей Богу!..
За господиномъ Тилемъ днерь
Я только запереть хотѣла,
Какъ вдругъ въ нее вскочилъ... престрашный,
точно звѣрь,
Или самъ чортъ... Ну, я, признаюсь, оробѣла...
А онъ мнѣ говорить: гдѣ госпожа твоя?
Голубушка... Ступай-ка

И доложи, что я...

(Въ испугѣ) Ахъ! вотъ онъ самъ!..

ЯВЛЕНИЕ V.

Тоже и Эдуардъ (въ странномъ костюмѣ, съ короткимъ ружьемъ и саблей).

Эдуардъ.

Вы лѣ здѣшнихъ мѣстъ хозяйка?

Кикебушъ.

Я!

Эдуардъ (бросаясь на колени).

Вы? Отъ поисковъ укройте здѣсь меня!
Спасите жизнь мою!

Кикебушъ.

Мы вамъ помочь готовы,
Но мнѣ узнать хотѣло бы кто вы?

Эдуардъ.

Несчастный человѣкъ, гонимый злой судьбой
И злобными людьми!...

Кикебушъ (радостно).

Контрабандистъ?

Эдуардъ (подумавъ не-
много).

На слово

Рѣшаюсь вѣбрать вамъ я днѣй моихъ покой.
Да! я контрабандистъ! Я знаю, неспособны

Вы за довѣренность мою

Мнѣ заплатить извѣзной злобной,

(Лиза уходитъ, всплеснувъ руками отъ
удивленья).

ЯВЛЕНИЕ VI.

Кикебушъ и Эдуардъ.

Кикебушъ.

Такъ встаньте! Слово вамъ даю,
Пока скрывать васъ будуть эти стѣны,

Вы можете спокойны быть!

Я васъ берусь предохранить

Отъ поисковъ и отъ измѣны.

По встаньте же, Маклотъ!

Эдуардъ (вставая).

Какъ, имя вамъ мое ужель извѣстно?...

Кикебушъ.

Что жъ вамъ такъ странно? Попсемѣстно
Молва о громкихъ подвигахъ идетъ,

Которыми пріобрѣли вы славу.

(Минна выглядываетъ изъ двери).

ЭДУАРДЪ (съ горькою улыбкою).

О вѣтъ! на славу мы имѣть не можемъ права...
И наши славные дела
Не будуть прославлять, какъ подвиги героя!
На насъ печать отверженія легла,
Мы можемъ храбры быть, отважны среди боя,
Но нашей храбрости не можетъ осватить
Ничто! Чтобы мужествомъ здѣсь имя заслужить,
Быть надо не на нашемъ вѣтъ...
Должно быть попномъ, разить на полѣ чести
Отечества враговъ!... Кто лишь изъ барыша
Великія дѣлъ совершасть,
Тотъ не прославится!...

Кикебушъ.

Моя душа
Подобного различья не знаетъ,
И все высокое достойно оцѣняеть....

ЭДУАРДЪ.

О! въ этомъ бытъ увѣренъ я.
Великодушная защитница моя;
Хоть я не видѣлъ пасъ, но было мнѣ известно,
Что расположены вы къ намъ довольно лест-
но....

И это-то мнѣ смѣлости дало
Прибѣгнуть къ вамъ, просить васъ о защите
Несчастнаго... .

Кикебушъ.

Но расскажите,
Что въ вѣстечко наше заведо?

ЭДУАРДЪ.

Сходивъ на промыселъ нашъ опасный,
Съ друзьями друзьями я спѣшилъ домой скорый,
Вдругъ пограничныхъ егерей
Такъ... съ дюжину на насъ напало.

Кикебушъ.

О! прекрасно!...

Что жъ далее?...

ЭДУАРДЪ.

Въ лѣсу мы имѣть противъ нихъ
Довольно долго бились:
Но какъ-то поспѣхъ раздѣлились,
И я остался вдругъ одинъ на шестерыхъ,
Къ неравному не привыкать намъ бою:
Не оробѣвъ, я смилою рукою
Двоихъ на мѣсть положилъ;
Но защищаясь, я былъ
Изъ лѣса вытѣсненъ... ну, въ чистомъ полѣ,
Гдѣ долѣ держась, я могъ быть окруженнъ
Со всѣхъ сторонъ,
Не оставалося къ побѣдѣ болѣ
Надежды ни какой. Бѣжать быть долженъ я....
Убивши третьяго изъ этого ружья,

Черезъ поля пустынедъ я стрѣлою.
Гналися по пятамъ враги мои за мною....

Я за собой вблизи ихъ слышалъ крикъ,
Ихъ пули вкругъ меня свистали.

Кикебушъ.

Чудесно! выстрѣлы отсюда мы слыхали.
Что жъ далее?

ЭДУАРДЪ.

Я наконецъ достигъ
Лежащей здѣсь за вашимъ садомъ рощи,
Кой-какъ добрался до стѣны,
Прыгнулъ черезъ нее въ вашъ садъ....

Кикебушъ.

Какъ? вышли
Въ ней ровно двадцать футъ....

ЭДУАРДЪ.

Что жъ, ничего ить проще!
Довольно прыгать я, и мнѣ не привыкать
Чрезъ стѣны или рвы подобные скакать....

Когда въ саду я очутился,
То осмотрѣвшися и вспомнивъ, что про пасъ
Разказывали мнѣ, тотчасъ
Искать спасенія здѣсь рѣшился....

Вотъ какъ я къ памъ, сударыня, пошаль.

Кикебушъ.

Ты здѣсь нашелъ чего искалъ,
О, Клевеландъ мой благородный!...
Мой будетъ домъ тебѣ убѣжищемъ служить,
И сколько премени угодно,
Ты можешь въ немъ спокойно жить.

(Бѣть девять часовъ.)

Мнѣ надобно еще сходить
По близости здѣсь нахѣстить болыаго....
На случай поисковъ, пожалуйте сюда,
Вотъ въ эту горишну; даю честное слово,
Что здѣсь они не сыщутъ никогда!...

А я, отдавъ всѣмъ людямъ приказанье,
Пойду!... Прощайте! До свиданья.

ЭДУАРДЪ (цѣлуя ея руку).

Какъ гасъ благодарить, сї, сї, не знаю я,
Великодушная защитница моя!

(Уходитъ въ комнату. Кикебушъ.)

ЯВЛЕНИЕ VII.

Кикебушъ (одна).

Насталь желанный часъ!... О! какъ соединились
Всѣ наслажденія въ эту ночь!

Здесь Клевеландъ, тамъ Мегъ-Мериллъ,
Шаманъ и Атамана дочь....
Напрасно я предполагала,
Что романтизмомъ вѣкъ нашъ слишкомъ небогатъ.

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Минна (выходитъ изъ
своей комнаты).

Нѣ! Слава Богу! не узнала....
Да впрочемъ мудрено! На несъ такой нарядъ,
Онъ такъ испачканъ весь, что я сама сначала
Узнать его никакъ бы не могла....
Какъ въ голову прийтъ такая шалость!...
Какъ на булавкахъ я все время здесь была:
Въ паружу вынестъ все такая можетъ малость,
О! какъ намъ, девушкимъ, опасно полюбить!...
Мужчины, если могутъ заключить
Изъ слова.. нѣть, что я сказала, не изъ слова,
Изъ взгляда одного, что не противны намъ,
На все рѣшились ужъ готовы,
Какъ будто мы должны и вѣрамъ
Прощать всѣ глупости....

ЯВЛЕНИЕ IX.

Минна и Эдуардъ (выглядываютъ изъ
дверей, и видя, что Минна одна, спѣшитъ
къ ней и осыпаетъ руку ея по-
цѣльями).

Эдуардъ.

Безцѣльный другъ мой, Минна!
О! я съ тобой опять!

Минна.

Оставьте вы меня!

Когда бъ была для насъ безцѣльна я,
Когда бъ хоть на волосъ единий
Любви питали вы ко мнѣ, то подпергать
Меня опасности такой бы вы не стали;
Что, если бы вѣсъ въ домѣ здѣсь узнали?

Эдуардъ.

Ужели можетъ осуждать
Любовь любви вищеніе.

Минна.

Я знала напередъ! Любовь всему вина;
Но вашихъ глупостей не извинить она.
Идите прочь скорѣй, чтобъ ваше удаленіе
Избавить насъ могло еще отъ большихъ бѣдъ.

Эдуардъ.

Мнѣ удалиться?.. Нѣть!

Нѣть, Минна, развѣ только слой
Меня съ тобою разлучать,
Какія же тебя бѣды еще страшать?
Когда бы ты взглянула, другъ мой мнѣ,
Какой мнѣ былъ пріемъ!

Минна.

Что здѣсь происходитъ,
Я видѣла.... но тетушка моя
Попала лишь погулять! а навѣщать больного,
Однѣй предлогъ, навѣрно знаю я!...
Она вернется вдругъ....

Эдуардъ.

О! нѣть! не жди такого
Возврата скораго! Вѣдь тетушка твоя
Попала далеко: въ лѣсъ, что у границы,
Чтобъ посмотреть обрядъ Цыганъ
Внчальный.

Минна.

Это что еще за небылицы?

Эдуардъ.

Клянусь тебѣ, что это не обманъ.
Только все устроилъ и не прежде возвратится,
Какъ черезъ часъ или полтора она.

Минна.

Ахъ, Боже мой! пь лѣсу, одна,
И ночью!.. Если съ ней вдругъ чтонибудь слу-
чится?...
Какъ вы, сударь, могли на это согласиться?...

Эдуардъ.

О, Минна, не сердись и не брани меня,
Войди сама въ мое ты положенье.
Неужели былъ долженъ я
Переносить спокойно всѣ мучены.

Съ тобою въ сосѣствѣ жить,
И вѣкъ не видѣться, и вѣкъ не говорить....
Отказывать себѣ въ сладчайшемъ наслажденіи
Сказать тебѣ «люблю тебя!»

Минна.

Люблю тебя!...

Ахъ, Эдуардъ! повѣрь, что я
Не менѣ страдала!...
Къ чому мнѣ чувства отъ тебѣ скрывать?
Мысль о тебѣ меня не покидала
Ни день, ни ночь.... Любила я мечтать
Лишь о тебѣ!... Обыкновенно
Какъ позволяли пользоваться мнѣ
Прогулкою уединенной,
Старалась я искать и въ здѣшней сторонѣ
Тѣ виды, мѣстоположенія,
Которые по вкусу твоему....
Хоть никогда воображенью
Не представлялась моему
Возможность быть съ тобою вмѣстъ....

ЭДУАРДЪ (цълую я руку).

О! Минна, милая, клянусь тебе по чести,
Когда бъ я въ десять разъ ужаснее страдаль,
Отъ этихъ словъ я снова бъ счастливъ
стать.

Такъ ты м. я забывала...
Мой ангель?

МИННА.

Эдуардъ! что жъ въ будущности ждетъ
Насъ бѣнныхъ, и къ чему любовь насъ приве-
детъ?...

Къ несчастію.

ЭДУАРДЪ.

Ты всю надежду потеряла,
А я на оборотъ — надеждою богать.

МИННА.

Богатъ? но отчего жъ?

ЭДУАРДЪ.

Такъ!... Все падеть на ладъ.

Отъ батюшки, на наше счастье
Я получиль уже согласье,
И если бъ съ тетушкой твоей поговорить
Михъ удашось...

МИННА.

Къ чему? отказъ чтобъ получить?...
На бракъ нашъ никогда она не согласится,
Пока вражда не прекратится
Межъ ей и батюшкой твоимъ!...

ЭДУАРДЪ.

Она основана на глупости пренздорной!...

МИННА.

Но тѣмъ не менѣе упорна
И трудно помириться имъ.

ЭДУАРДЪ.

Какая мысль въ умѣ моемъ блеснула! Чудо...
Улача смысли всегда намъ прилаштъ....
Послушай, Минна: можно ли отсюда
Пройти въ кашъ садъ, чрезъ задний ходъ,
Но скрыто такъ и осторожно,
Чтобы никто не видѣль!

МИННА.

Можно!...

По задней лестинцѣ, изъ комнаты моей.

ЭДУАРДЪ.

Теперь еще достать бы надо
Ключъ отъ калитки сада....

МИННА.

Но онъ у тетушки!...

ЭДУАРДЪ.

У тетушки? Досада
Какая... Погляди скорѣй,
Здѣсь на шкафу виситъ, не онъ ли это?

МИННА.

Онъ, кажется!

ЭДУАРДЪ.

Мой другъ, решимся! Уѣхжимъ!...

МИННА (гордо).

Нѣтъ, ваши дерзости не стоять и отвѣта,
Вы предложеніемъ своимъ
Обидѣли меня... и я...

ЭДУАРДЪ.

Послушай, Минна,
Пойми вполнѣ намѣреніе мое,
Тогда оно тебѣ покажется певинно!
Я отведу тебя къ сестрѣ, ты у нее
Пробудешь до тѣхъ поръ, пока не возвратится
Съ прогулки тетушка твоя, тогда
Обратно я сведу тебя сюда.

МИННА.

Но если такъ, къ чему жъ намъ скрыто уда-
литься.

ЭДУАРДЪ (тайственно).

Контрабандистъ, котораго въ свой домъ
Впустила тетушка твоя неосторожнно,
Тебя похитилъ.... Это все возможно,
А я въ объездъ былъ почтомъ,
Васъ встрѣтилъ, и изъ рукъ разбойника Маклата
Тебя освободилъ,
И тетушкѣ почтеннай возвратилъ.
Разскажъ нашъ будеть въ родѣ Вальтеръ-Скотта,

На романіческій и Англійскій манеръ.
Тутъ похищены есть, разбойники и воры,

Спаситель храбрый офицеръ,
И прочес.... Она повѣрить скоро....
Я получу чрезъ то въ вашъ домъ свободный

входъ,
На вашу благодарность право....
Тогда ужъ все на ладъ пойдѣть,
Я къ тетушкиному поддѣлаюся праву,
Отлично буду лѣстить

Престранной склонности ея къ романамъ,
И до того невиннымъ симъ обманомъ

Себя заставлю полюбить,
Что и она противиться не станетъ.

МИННА.

Оно бы можно!... Только пѣть!
Не смѣю я, и духу не достанетъ.

ЭДУАРДЪ.

Не колебайся, дай рѣшительный отвѣтъ....

Сибирь, скажи «иду».... Бояться
Тебя, мой другъ, чего жъ?

Минна.

Но будешь тутъ, ты долженъ самъ сознаться,
И вѣтринность, и ложь.

Эдуардъ.

Но это все бѣ могло быть справедливо,
Довольно и того!... О, Минна! не мѣшай
Исполнить мій мой планъ. Свое согласье дай,
И если все удастся намъ счастливо,
Судью будемъ мы вполнѣ награждены.

Ну, дай же ручку!... ты согласна?...
(*Минна молчитъ.*)

Молчанье знакъ согласія?... Прекрасно!
Пойдемъ же! временемъ мы дорожить должны,
И не терять его напрасно.

(*Почти насильно уводитъ Минну.*)

ЯВЛЕНИЕ X.

Поляна въ лѣсу; съ правой стороны дикая скала, и подъ ней дубъ съ дупломъ. Два контрабандиста входятъ, неся связки товаровъ.

1-й КОНТРАБАНДИСТЪ.

Ну, мы еще разокъ товаръ спустимъ съ рукъ.
Вотъ дубъ съ дупломъ; клади узлы въ дупло
скорѣ.

2-й КОНТРАБАНДИСТЪ.

Сначала перечтимъ вѣрѣ,
У каждого по скольку штуки.
А то они, пожалуй, какъ недавно
Опять насыбочутъ,
Что будетъ воне не забавно!...
(Считаетъ связки и кладетъ ихъ въ дупло.)

1-й КОНТРАБАНДИСТЪ.

Ты правду говоришь. Ну, сколько жъ тутъ?

2-й КОНТРАБАНДИСТЪ.

Семь у меня.

1-й КОНТРАБАНДИСТЪ.

А у меня ихъ восемь.

Всего пятнадцать связокъ.

2-й КОНТРАБАНДИСТЪ.

Да!

Что такъ, то такъ. А то всегда

Мы даромъ лишнее проносимъ.

1-й КОНТРАБАНДИСТЪ.

А вѣдь у насъ удачно торгъ идетъ.
Здесь столько егерей, а намъ не помышали
Ии разу нашъ товаръ спустить.

2-й КОНТРАБАНДИСТЪ.

Да, и впередъ,

Удастся это имъ едва ли.
Что ограничные есть эти егера,

Вѣдь собственно всю правду говоря,
И стерегутъ они не больно туго!...

Да, братъ, пока вдоль всей границы день и
ночь

Не отходя ни на минуту прочь,
Они не встанутъ въ трехъ сажениахъ другъ отъ

друга,

Или пока не выстроютъ стѣны,

Примѣро вышины

Хоть фунтовъ по сто,

До тѣхъ поръ, просто

Отъ контрабанды имъ себя не упасти:

Сумѣмъ мы всегда товаръ своей пронести!...

(*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ XI.

Шелле входитъ, въ четырехъ или пяти шагахъ за нимъ Вальдау съ двустольнымъ ружьемъ. Когда Шелле останавливается, Вальдау дѣлаетъ то же.

Шелле.

Съ тѣхъ поръ, какъ я въ лѣсу, мнѣ кажется,
Все кто-то крадется... Когда жъ остановлюсь,
Не слышу ничего!.. Я самъ себѣ дивлюсь:
Охота же была идти такой порою!...
(Дѣлаетъ пѣсколько шаговъ, со стра-

хомъ).

Опять! (прислушивается.) Дыханье слышу я!
Спаси меня, о, Господи, мой Боже!...
Здѣсь плотоядный зверь... Идти, пустяки!...

По что же?...

Да это все отъ самого меня!...
Дыханья своего я просто слышу эхо,
А у меня жъ в грудь болитъ!... Идти! вздоръ!
Тутъ вѣрно долженъ быть разбойникъ, хищный
зверь...
Вѣдь дернулъ чортъ итти... ну, хороша потъ-
ха....
Не лучше ли назадъ отправиться, домой?...
Но можетъ быть, что возвращеніе
Опасите гораздо поможешь,

Въ которомъ нахожусь я затѣмъ... Когда за мной
Дѣйствительно есть что нибудь такое... Не лучше ли мнѣ здѣсь остатся подождать,
Чтмъ, самого себя напрасно беспокою.
Къ опасности итии на встрѣчу?... Что жъ на-
чать?...

О! сумасшедшій!... Уфъ! ждать мнѣ ить больше
моих!

Ну, отъ бѣды иль па бѣду,
А дѣлать нечего, пойду!....

(Хочетъ ити).

ВАЛЬДАУ (хладнокровно).

Желаю доброй ночи!...

ШЕЛЛЕ (хочетъ бѣ-
жать).

Ну! я погибъ!

ВАЛЬДАУ (удерѣживал
его).

Останьтесь здѣсь.

ШИЛЛЕ.

О! не убей, дружинце, ради Бога!

Въ карманахъ у меня не много:

Вотъ капиталъ мой весь:

Часы изъ томпаку и денегъ восемь грошей.

ВАЛЬДАУ.

Какъ можно глупости такія, сударь, враты!...
Васъ и не думаетъ никто здѣсь убивать!...

ШЕЛЛЕ (оправляясь по
немногу отъ страха).

Никто?... да, вижу я, вы человѣкъ хороший...
За что же вздумалось меня памъ испугать?...

ВАЛЬДАУ.

Да кто жъ пугается отъ доброй ночи?...

ШЕЛЛЕ.

Точно,

Оно конечно такъ... Извѣстный разговоръ.
Но, ночью, знаете... среди лѣсовъ и горъ....
И если какъ набудь, (случайно иль нарочно....)
Ногромче сказано.... то право есть
Чего пугаться.... Но.... я съ кѣмъ честь имѣю
Бесѣдоватъ?...

ВАЛЬДАУ.

Прѣль вамъ

Такой же человѣкъ, какъ и вы сами.

ШЕЛЛЕ.

И больше ничего?

ВАЛЬДАУ.

И больше ничего!...

ШЕЛЛЕ.

А, знаете ли, я васъ принялъ за кого?

Разбойниковъ за шайку пребольшую....
Безъ страха можно лѣвъ вообразить такую?..
Пришло бы тогда вѣль сто на одного....
Будь десять на меня, такъ я бъ не испугался
И справился бъ еще кой какъ?...

ВАЛЬДАУ.

Я въ этомъ и ис сомневался,
Мнѣ ваше мужество известно ужъ и такъ.

ШЕЛЛЕ (въ сторону).

Онъ, кажется, не съѣсть.... (Громко). Но что
же вамъ угодно?

ВАЛЬДАУ.

Вы мнѣ должны услугу оказать,
Услугу важную.

ШЕЛЛЕ.

Охотно!

Но поздно, кажется, сегодня начинать.

ВАЛЬДАУ.

Нѣть, именно теперь.... Вы Юлио здѣсь жде-
те?...

ШЕЛЛЕ.

До этого, сударь, памъ вовсе дѣла нѣть.

ВАЛЬДАУ (вспыльчиво).

О! если вы дастѣ
На этотъ тонъ отвѣтъ.

ШЕЛЛЕ (со страхомъ).

На этотъ тонъ?... Избави Боже!...

Нѣть тона вовсе у меня,

На тонъ и говорить не мастеръ, право, я,
И заключить могли вы изъ чего же....

ВАЛЬДАУ (съ возрастаю-
щимъ экаролъ).

Сказать прошу вѣсъ еще разъ:
Вы ждете Юлио?

ШЕЛЛЕ (съ большимъ
страхомъ).

Такъ точно.... И сейчасъ
Она должна прїти....

ВАЛЬДАУ.

А лозунгъ что у васъ?

ШЕЛЛЕ (такжѣ).

Въ дунлю почина скрылась птица,
И въ таборъ нашъ вошла царица.

ВАЛЬДАУ.

Такъ! такъ! Все такъ! О Боже мой!
Я отыскать хотѣлъ къ сомнѣнію причину...

ШЕЛЛЕ.

Мнѣ очень жаль....

ВАЛЬДАУ.

Хотьль передъ самимъ собой
Несчастія свои ослабить споловину,
Но пестина нагац предо мною
Вдругъ разинла свою ужасную картину!...
Сомнѣній нѣть; во мнѣ кипитъ и стынетъ кровь...
Отвергнута моя горячая любовь:
Я, вѣрный, пламенный и страстный,
Я презрѣнъ!... презрѣнъ! О! (Схватывалъ
Шелле). Несчастный!
Блаженство жизни всей ты у меня украдъ!

ШЕЛЛЕ.

Умилосердитесь и сжалтесь надо мною!
Клинуся, что у васъ я ничего не бралъ...
Что я не виноватъ ни тѣломъ, ни душою;
Что я о ней ни думалъ, ни гадалъ,
Она сама съ любовью своею
Миръ навязалася на шею;
Писала....

ВАЛЬДАУ.

О! несчастный! Вотъ кому
Пожертвовали мной!... Безбожно
Такъ поступать!... Итъ просто невозможно....

ШЕЛЛЕ.

Невѣроятно! Да! миръ самому
Такъ кажется.

ВАЛЬДАУ.

Пожертвовать ему
Моей любовью, нѣжной, страстной....
О! послѣ этого не стонть тосковать;
Осталось ее миръ просто — презирать.

ШЕЛЛЕ.

Конечно, презирать.

ВАЛЬДАУ.

О! Замолчи, несчастный;
Не знаю, какъ рука моя до этихъ поръ
Не уничтожила еще тебя какъ вора
Или разбойника!...

ШЕЛЛЕ.

О! сжалтесь! Я не воръ,
И не разбойникъ.... Сжалтесь! я безъ спора
Согласень вашу волю исполнять,
Не убивайте лишь, извольте приказать,
Сейчасъ пойду домой, въ постель свою залагу,
Не буду думать вовсе я о ней,
Объ этой презрѣніи.... не сдѣлаю ни шагу
Въ противность вамъ. Со стороны моей
Безбожно было бы, ей, ей,
Когда бы человѣкъ я такова
... Великодушнаго и храбраго....

ВАЛЬДАУ.

Ни слова!
(Хладнокровно).

Ты здѣсь останешься, дождешься, и когда
Презрѣнія къ тебѣ пріѣдетъ сюда,
Ты все употребишь, чтобы страстное признанье
Изъ устъ ея извлечь!

ШЕЛЛЕ (съ улыбкою).

Оно не мудрено!

ВАЛЬДАУ (вспыльчиво).

Не мудрено?...

ШЕЛЛЕ.

Оно.... Конечно такъ..., оно....
Какъ ваше будетъ приказанье,
Ужъ такъ и быть должно!...
Какъ вы прикажете?...

ВАЛЬДАУ.

Миръ это все рабыня,
Легко иль нѣть; но я хочу въ винѣ сознанья
Изъ собственныхъ ея услышать усть.

Я спрячусь... хоть за этотъ кустъ,
Но только у меня, чурь, не искать спасенія
Въ побѣгѣ. Убѣжать отсюда не легко:
Мое ружье быть вѣрою, далеко;
Стрѣлю итакъ я, такъ пули, безъ сомнѣнія,
Бѣгущаго успѣхъ вмигъ догнать!

Потомъ еще прошу я знакъ не давать,
Что близко есть тутъ третий.
Лишь чуть замѣчу я, что сдѣлалъ ты ей знакъ,
Какой бы ни было, отвѣчу я вотъ такъ,
(Прикладывается).

И въ голову всажу я обѣ пули эти.

ШЕЛЛЕ (въ сторону).

Все пули! Злобный сатана!

ВАЛЬДАУ.

Я слышу шумъ.... Идуть.... я думаю, она....
Смотри жъ, ты у меня въ отвѣтѣ.
Исполни все, что я ни приказалъ,
И вспомниай при каждомъ словѣ,
Что у меня всегда собачка на готовѣ.

(Прячется за кустъ).

ШЕЛЛЕ (одинъ).

Чтобъ чортъ тебя съ твоей собачкою побралъ....
Ну, ничего сказать, дружине, похожденіе!
Но какъ же ожидать,
Чтобъ искорка могла такое пламя дать?...
Вѣдь дернушъ бѣть итти на это приключение,
Нѣть! этого себѣ я не прошу во вѣкъ.

ЯВЛЕНИЕ XII.

Тъ же и Кикебушъ.

(Кикебушъ въ сторону.)

А, вотъ рисуется какое-то виденье;
Мысль кажется, какъ будто человѣкъ.

(Кашляетъ).

Шелле (въ сторону).

Ну, дѣлать нечего, пришлося въ петлю лѣзть....

(Кашляетъ).

Кикебушъ.

Условленное слово есть?

Шелле.

Въ дунло ночная скрылась птица
И въ таборъ нашъ вошла царица.

Кикебушъ.

Знакомый голосъ.... Боже мой,
Мысль кажется, что вы здесь, Шелле?

Шелле.

Я самъ, сударыня, скажите, неужели
Вы думали, что кто инибудь другой
Замѣнилъ здѣсь меня?...

Вальдау.

Мошенникъ, вѣроятно
Успѣль ейъ сдѣлать знакъ; она и голосъ свой
Перемѣнила.... Но все же мысль понятно....
Я знаю, кто она.

Кикебушъ.

Пойдемъ же!

Шелле.

Куда?...

Кикебушъ.

На свадьбу.

Шелле.

Какъ? ужъ и на свадьбу!

Кикебушъ.

Дадъ (въ сторону).
Шелле.
Но где же будетъ свадьба эта?...

Кикебушъ.

Гдѣ? За границею.... Онь, кажется, забылъ.

Шелле.

Я вами, сударыня, весьма бѣ облазанъ былъ,
Когда бѣ по крайности ее вы до разсвѣта
Рѣшились отложить.

Кикебушъ.

Что? Какъ?...

Шелле.

То есть, до завтра.

Кикебушъ.

Вотъ прелестно!

(Въ сторону.)

Да опь съ ума сошелъ никакъ,

(къ Шелле.)

Вамъ развѣ неизвѣстно,

Что завтра въ путь они собираются чѣмъ сѣть?

А какъ отсюда шайка ихъ далеко

Расположилась или нетъ.

Шелле (въ сторону).

Она замѣтила, что есть тутъ третій съ боку,

И кажется, его рѣшилась напугать;

Мысль по возможности ей должно помочь.

(Громко.)

Да, шайка ихъ недалеко отсюда,

Такъ... въ тысячѣ шагахъ,

Да что за шайка! просто страхъ.

Въ ней съ тысячу человѣкъ... вооруженіе чудо,

У каждого ружье, книжаки, пистолеть

И сабля....

Кикебушъ (съ восторгомъ).

Что вы? какъ? неужели точно?

Шелле.

Точно!

Вальдау.

Чтобы меня въ обманъ ввести, они нарочно

Придумали разсказъ.... Но не удастся!... Итъ.

(Выходитъ изъ-за куста и начинаетъ приближаться).

Кикебушъ.

Пойдемте же скорѣй; недалеко граница.

(Хочетъ ити).

Шелле (удерѣживая ее).

Нѣть, ни за что! Легко сказать «иди...»

А черта этого оставить позади,

Такъ сзади налетитъ, того вѣдь и гляди,

Свинцовая такая птица,

Которая и зайца на пути

Настигнетъ, а не то что наѣсъ людей.... Итти!...

Куда какъ весело!.. Итъ, ни за что на свѣтѣ.

Да и къ чему всѣ промолочки эти?...

Все глупости одиѣ...

Послушайте, въ любви вѣдь вы призывались

И отѣбѣть вамъ согласныя:

Въ противномъ случаѣ бы я

Итти такъ поздно въ лѣсъ павѣро бѣ не рѣшился....

Вы страшно влюблены въ меня,
Я это знаю,
И самъ васъ обожаю,

Я до того.... что весь какъ листъ дрожу....
Къ чему же долѣе вамъ по лѣсу скитаться,
А памъ жеманичать и притворяться....
Скажите громко, такъ, какъ я теперь скажу:
«Люблю тебя....» Я съ мѣста не схожу,
Пока не скажете!... Рѣшились же скорѣ;
Скажите да и квітъ.... Оно вѣрие....
Не заставляйте же меня употребить
Насилье....

Кикебушъ.

Онъ меня рѣшился погубить,
О! Господи! будь ты мой покровитель!...
Кто, кто спасеть меня!

Вальдау (*становясь менѣемъ*)
зѣду ними).

Нежданный избавитель.

Кикебушъ.

Ахъ!

Вальдау.

Глупиную личину сбрось свою,
Невѣрная! тебя я слишкомъ узнаю!...

Кикебушъ.

О, Боже праведный! Вотъ день на сумасшедшіхъ.

Вальдау.

Да! если вспомнить миѣ о глупостяхъ прошлыхъ,

Я точно сумасшедший былъ,
Я основанье счастью положилъ
На сердцѣ вполнѣ лжи, коварства и обмана.

Шелле.

Я то же на душѣ, котораял черный
Моихъ сапогъ.

Вальдау (*къ Кикебушу*).

Я все узналь довольно рано....
Для счастья моего. Со стороны моей
Бояться нечего вамъ, я настъ увѣрю,
Но знайте, я васъ презираю.

Кикебушъ (*къ Шелле*).

Скажите....

Шелле.

Да, и я, я презираю васъ.

(По два пограничныхъ егеря показываются съ обѣихъ сторонъ).

ЯВЛЕНИЕ XIII.

Тѣ же и Егеря.

Шелле.

Нѣть, нѣть! такой товарь не соблазняетъ насъ,
Который намъ хотятъ на шею

Насильно навязать!
Плохой ужъ тотъ товарь... лежалый.

Кикебушъ.

Что начать!...
Попадясь въ руки я къ Варнею....

1-й Егеръ.

Ага! поймали васъ, любезные дружки....

Кикебушъ.

О, Боже праведный!

Вальдау.

Назадъ, иль не пѣшите,

Я застрѣлю!

1-й Егеръ.

Попробуйте, стрѣляйте,
Мы Королевские стрѣлки,
Въ таможнѣ служимъ мы; а вы контрабанди-
сты.
Судя по времени и мѣсту, заключить
Должно, что ваши дѣла не слишкомъ чи-
сты;

Въ таможню васъ придется проводить,
Пусть капитанъ нашъ самъ распросить на сво-
бодѣ....

Кикебушъ.

Я.... я помѣщика, дѣвица Кикебушъ.

Вальдау.

Ошибка странная!... А я изъ Эйхероде
Оберъ-форстмайстеръ.

1-й Егеръ.

Да памъ дѣла итъ! Къ тому жъ
Въ таможнѣ это все докажется яснѣ.
(Въ это время 2-й егеръ, искасавшій Шел-
ле, котораго онъ замѣтилъ, подходитъ
къ дуплу и запустивъ туда руку, хо-
витъ Шелле за голову).

Шелле (*кричитъ*).

Ой! ой! дружине! ой, ой, ой!
Умилосердитесь, ой, скажитесь надо мной....

2-й Егеръ.

Еще одинъ.... ну, вылезай скорѣ...

(Помогая Шелле вылезть изъ дупла на-
ходитъ контрабанду).

Ба! это что?... Да узелокъ никакъ!...

Не контрабанда ли... миѣ кажется, что такъ....
(Кричитъ).

Здѣсь контрабанда!.. Эй! сюда, ко мнѣ, живѣ.

Шелле.

Ночтенный господинъ стрѣлокъ,

Клянуся вамъ, что этотъ узелокъ

Не мнѣ принадлежитъ.

2-й ЕГЕРЬ.

Его! да это Шелле!

Шелле (тихо).

Дружище, прочно меня нельзя ли отпустить....
Впередъ за полѣты я буду вѣхъ васъ брить.

Вальдау.

Я повторю вамъ, что въ этомъ дѣлѣ
Не виноваты мы; смотрите, чтобы потомъ
Вамъ не досталось....

1-й ЕГЕРЬ.

Мы знаемъ,

Что дѣлаемъ.... За насть мы сами отвѣчаемъ,
И нечего, сударь, вамъ говорить о томъ.

Мы должностъ нашу исполнимъ,

Впередъ, впередъ! И о

Шелле.

Прекрасно!

Для страстного въ лѣсу свиданья бросить донъ,
Скитаться, до костей прозябнуть, и потомъ
Вернуться изъ лѣсу павлюченымъ осломъ....

Ужасно, черезъ чуръ ужасно!

(Уходитъ).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Гостиная въ квартѣ Гардера; вечеръ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Минна и Юлия.

Минна.

Знакомство наше оченьово,
Но не могу я васъ всемъ сердцемъ не любить.
Вы такъ добры!

Юлия.

О! я всегда готова
Сестрою истинной вамъ быть.

Минна.

Вы слишкомъ ужъ добры.

Юлия.

Какъ, слишкомъ?...

Минна.

Безъ сомнѣнія!...

Могли ли вы меня рѣшиться извинять?...
Поступокъ вѣтренъ мой, и ваши увѣренія
Въ моихъ глазахъ меня не могутъ оправдать;
Я вамъ повѣрила бъ, когда бъ не говорило
Миѣ сердце, что не такъ я поступила,
Какъ было бы мнѣ поступить должно.

Юлия.

Ахъ! сердцу вѣрить мудрено!...
На свѣтѣ семь всего обманчивѣй оно!...

Минна.

Нетъ! Сердце правду говорить!

Юлия.

Напрасно!

Я докажу противное сейчасъ:

Когда мужчина увѣряетъ насть
Въ своей любви и пламенной и страшной,
Клянется вѣчно насть любить;
Насть обожать, богоизорить....
Что говорить разсудокъ? «Ложь, опасно
Ей вѣрить!...» Сердце же твердѣть напротивъ
настъ

«Повѣрте, правду говорить
Вамъ этотъ юноша прекрасный,
И непрѣтворимъ всѣ его слова.»

Такимъ-то образомъ въ обманъ насть сердце вво-
дить.

И что жъ изъ этого выходить?
Разсудокъ весь терять голова,
И мы влюбляемся.

Минна.

Вы правы.

Юлия.

По несчастью

Я это на себѣ успѣла испытать.

Минна.

Какъ? вы успѣли ужъ пытать несчастной
страдью?...

Юлия.

Несчастной... жаль! но странной такъ сказать
Доброѣнію, чтобы дружество начать.

Отъ васъ я чувствъ моихъ не скрою,
Да! я люблю, и всей душою;

Но какъ сказать, кого?... Степенецъ, молчанинъ,
Суровъ и вспыльчивъ онъ, въ добавокъ же рев-
нивъ;

И какъ ревнивъ!... какъ самъ Отелло!...
А кто уладилъ это дѣло?...

Все сердце глупое.... я сколько разъ хотѣла,
Разсудка слушалась, Вальдау разлюбить....

Но сердца не могла никакъ я победить....
Хоть васъ самихъ теперь не сердце лъ убѣдило
За Эдуардомъ сльдоватъ сюда?

Минна.

Конечно, сердце! Да,
Ему противиться я не имѣла силы.

ЯВЛЕНИЕ II.

Тѣ же, Тилль (поспѣшило вѣгаетъ).

Тилль (Минна).

Удите прочь отсюда поскорѣй....
Вѣдь ваша тетушка почти что у дверей.

Минна.

О Боже, я пропала!
Сна вернулася, и вѣрно все узнала.

Тилль.

Сопѣмъ не то! она попала
У Кацештейна въ руки егерей.
Подлекарь, Шелле нашъ, попался также съ ней
И кто-то третій неизвѣстный.

Юлия.

Вы шутите?

Тилль.

Здѣсь шутки неумѣстны.

Контрабандистами ихъ всѣхъ троихъ сошли,
И, взявъ подъ карауль, въ таможню повели.
Одинъ изъ егерей впередъ поторопился,
Чтобъ намъ все это разсказать.

Миннѣ капитанъ изволилъ приказать,
Чтобы я распорядился

И припѣль вашу тетушку сюда,
Когда она приѣдетъ.

Минна.

Нельзя! это невозможно;

И я не верю вамъ. Вы шутите всегда.

Юлия.

Скажите правду, Тилль!

Тилль.

Сказать вамъ правду?

Юлия.

Да!

Тилль.

И правду вамъ сказалъ. Хоть все на свѣтѣ
можно,
Но истину....

Минна.

Нельзя ли перестать,
И шутки въ сторону — скорѣе миннѣ сказать,
Что дѣлать намъ теперь? Я жду отъ васъ созыва,

Тилль.

Что дѣлать вамъ, сударыня теперь?...,
Уладимъ мы все это.

Во-первыхъ спрячьтесь, заприте крѣпче дверь
И ждите тамъ. Послѣднюю же сцену,
Когда приѣдетъ пора начать,
И въ этой комнѣ вамъ можно разыграть.

Юлия.

И точно! въ нашемъ планѣ перемѣны
Не будеть никакой миннѣ кажется тогда,
Коль сказка Тилля справедлива,

И ваша тетушка пожалустъ сюда.
Не бойтесь, Минна, мы окончимъ все счастли-

во....

Удите въ комнату ко мнѣ. Вы тамъ останетесь одинъ

Не долго; я сейчас пройду....

(Минна уходит).

ЯВЛЕНИЕ III.

Юлия и Тилль.

Юлия.

Какъ вамъ не стыдно
Такъ напугать се? Ведь очень ясно видно,
Что вы изволили разскажь свой сочинить.

Тилль.

Я?... Сочинять?... Слуга покорный.
Нѣть! сочинителемъ я не намѣренъ быть.
Все сочинители народъ ужасно вздорный.

Юлия.

Да перестаньте же шутить!...

Коль правда все, что вы сказали,
По плану прежнему не все пойдеть на ладъ,
И счастливый конецъ удастся намъ едва ли!

Тилль.

Что жъ дѣлать? Я ли виноватъ?...

Нѣть, случай!... Онь всегда мѣшаетъ,
Чтобы человѣкъ ни началъ.... Но кто знаетъ:
Быть можетъ, къ лучшему пойдетъ на этотъ
разъ,

И случай подберетъ конецъ удачнѣй наасъ.

Юлия.

Но случай слѣпъ, а сдѣлалъ лучше вѣсъ;
По этому и вы слѣпецъ?...

Тилль.

Все можетъ статься....

Но слѣпota вѣдь не порокъ,
И если хорошенько посчитаться,
На свѣтѣ слѣпо все — судьба и рокъ,
Любовь и ненависть, геройство, вдохновеніе,
Страсть къ славѣ, храбрость, все... Я вотъ ка-
кого мѣнила:
Свершить великое лишь можетъ человѣкъ,
Который ослѣпленъ могучими страстями....
Но тотъ, кто видитъ все открытыми глазами,
Такого ничего не совершишь во вѣкъ.

Юлия.

Но какъ же намъ теперь опять за дѣло взяться,
Чтобъ все исправить поскорѣй?...

Тилль.

Какъ взяться? да никакъ! Совсѣмъ не надо
браться,
А просто вѣхъ пустить пекуній и ловчій.
Ми вѣту вы оставите заботу.

Юлия.

По всемъ законамъ и правамъ
И слѣдуетъ ее оставить вамъ:
Вы начали, вамъ и кончать работу.
А я пойду къ себѣ.... я чаю Минна тамъ
Сидѣть одной ужасно надѣло.
Прощайте!

Тилль.

Тетушка пожалуетъ сейчасъ....
Познать я не забуду васъ,
Когда пріѣдетъ пора явиться.

(Юлия уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ IV.

Тилль (одинъ).

Наше дѣло

Ужъ приближается къ развязкѣ; все идѣть
Отлично.... Тѣшись Тилль! Потѣшись!... на ихъ
четвѣртъ

Посмѣйся вдоволь!... Что же? Право
Простительна подобная забава!...

Двухъ молодыхъ людей я говорю

И стариковъ еще, быть можетъ, примирю;
Два дѣла добрыя и случай посмѣяться....

Ну можно ль отъ такой забавы отказаться?...

Однако жъ, надобно за дѣло приниматься.

Здѣсь, въ этой комнатѣ, назначенъ имъ допросъ,

И нужно такъ распорядиться,

Чтобы безъ слугъ намъ обойтиться,

И чтобы звать сюда ихъ не пришлось

Во время дѣйствія.... Во-первыхъ, на средину

Поставлю столъ. (Ставитъ столъ.) Нашъ вѣкъ

машинами богать....

Пора бы изобрѣсть кому нибудь машину,

Чтобъ замѣнить всѣхъ слугъ.... Какъ часто не

въ попадь

Случается входить проклятымъ этимъ слугамъ:

Ну, такъ что иногда не радъ

Ни ихъ усердью, ни услугамъ.

Ужасно не люблю.... Два стула по бокамъ

И третій здѣсь.... (ставитъ стулъ.) А жаль,

что я отчасти самъ

Заставилъ измѣнить всю пѣсу,

Сказавши нашемъ егерямъ,

Чтобы они послали вдоль по лѣсу,

Гдѣ Кацепштейнъ, патрули посыпѣй.

Ми незнакомецъ тотъ наружностью своей

Страхъ подозрителенъ поутру показался.

Не онъ ли полю третій-то попался?...

Все можетъ быть.... Какъ странно созданъ

спѣть,

Ты все устроишь такъ; посмотрѣши вдругъ,

анъ нѣть,

Все выйдет иначе; и случай мой последний,
Примѣромъ намъ служить въ томъ можетъ, что
псегда....

ЯВЛЕНИЕ V.

Тилль, Кикебушъ, Гардеръ и Шелле.

Гардеръ.

Сюда, сударыня, пожалуйте, сюда!...
(Кикебушъ входитъ, за нею Гардеръ, за
нимъ встѣрается Шелле).

Гардеръ (къ Шелле).

Я позову тебя... Побудь пока въ передней.

Шелле.

Нѣтъ! воля ваша, нѣтъ! Я капитанъ, туда
Ии за что не пойду! Жандармы такъ ужасно
Своими саблями огромными шумятъ....
Какъ черти будто бы.... да и за что я взяты
Подъ карауль?... Совсемъ напрасно!...

Гардеръ.

Напрасно? Ахъ, негодный!... Вотъ прекрасно!...
Да ты злодѣй, контрабандистъ....

Шелле.

Нѣтъ! воля ваша, какъ угодно!
Я не контрабандистъ, и даже не негодный!...
Нѣтъ, капитанъ! я въ этомъ дѣлѣ чистъ.

Тилль.

Онъ не контрабандистъ, конечно!... Онъ сво-
бодно
Торговыми промыслами заняться лишь хотѣлъ,
А контрабандой бы онъ торговатъ не смѣлъ!...
Ручаюсь я.

Шелле.

Дружище! ты въ несчастьѣ,
Въ бѣдѣ моей берешь участье,
Ты настоящій другъ!

Тилль (Гардеру, показывая на Кикебушъ).

Позвольте къней послать
Кого нибудь, чтобы сказать
Домашнимъ, гдѣ она?

Гардеръ.

Пошлите.

(Тилль уходитъ и тотчасъ же возвращается.
Къ Кикебушу).

Угодно ли вамъ, сударыня, присесть?...
(Кикебушъ садится на одинъ изъ боко-

ковыхъ стульевъ, Гардеръ на средний, а
возвратившій Тилль на другой боковой
стулъ. Гардеръ подаетъ Тиллю приве-
сенныя съ собою бумаги).

Гардеръ.

Чернила, перья, все тутъ есть,
Вотъ егерей доносъ (Тиллю) возьмите,
И на себя примите трудъ
Записывать въ объясненія,
Которыя намъ здесь дадутъ,
По формѣ и по положенію,
Какъ слѣдуетъ. (Къ Кикебушу.) А вѣсъ позволь-
те попросить,
Сударыня, намъ сдѣлать одолженіе,
Подробнѣе какъ можно объяснить,
Какимъ вы образомъ такъ близко отъ границы
Случился въ подобный часъ;
Какъ контрабанда тамъ нашлась,
И какъ сошлись въ лесу другія съ вами лица?

Кикебушъ.

Ходила я гулять!...

Гардеръ.

Какъ, погоди и въ туманъ?

Кикебушъ.

Я романтическая люблю.

Гардеръ.

Въ таможнѣ это слово
Не понимается; нельзя принять такого
Намъ оправданія.... И если итъ другаго
У васъ....

Кикебушъ.

Тамъ за границею Цыганъ
Расположилась шайка....

Гардеръ.

Есть Цыганы

Такие же и съ нашей стороны....
Все это выдумки, обманъ....

Кикебушъ.

Вы не должны
Подозревать меня въ обманѣ,
И въ правдѣ словъ моихъ на Тилля я сошлюсь.

Тилль.

Проѣхавшій купецъ разсказывалъ мнѣ то же...
Но правду или итъ, я въ томъ не поручусь.

Кикебушъ.

Помилуйте! по отчего же?...
Все это пустыня! Мнѣ женщина одна
Изъ этой шайки повстрѣчалась,
Здесь въ рощѣ, поутру. Она
Проводника мнѣ выслать общалась,

Чтобы меня въ ихъ таборъ проводить
Отъ Каценштейна; я, желая изучить
Точные ихъ обычны и правы,
Рѣшилась итти.

(в сторону). Шелле (въ сторону).

Подумашь какъ лжетъ!
Охъ, эти женщины!... Такъ вздоръ вѣдь и не
сеть
Безостановочно!... Какъ бы по книгѣ, право!..

Гардеръ.

Съ подлекаремъ какъ вы сошли съ тамъ?

Кикебушъ.

Зачѣмъ онъ въ лѣсъ пришелъ, пусть скажетъ
самъ,
Я тамъ нашла его, и думала сначала
Что именно его проводникомъ прислали
Цыганка.... Онъ миѣ данный лозунгъ зналъ,
Про шайку ихъ миѣ много рассказалъ....
Я думаю, что онъ знакомъ со всею шайкой.

Гардеръ.

Контрабандистовъ? Ну, любезный, отвѣчай-ка...

Шелле.

Кто? я? знакомъ?... вѣтъ, подъ ваша, итъ....
Я не знакомъ ни съ кѣмъ на свѣтѣ, особенно
Съ контрабандистами....

Кикебушъ.

Не сами ли вы въ отвѣтъ
На мой вопросъ такъ описали живо
Всю шайку? Вы сказали, что она
Не далеко; сказали какъ сильна,
И даже въ заключеніе
Вы описали матъ ея вооруженіе.

Гардеръ.

Что жъ! отвѣчай на это обвиненье!...

Шелле.

Я точно говорилъ... но только полагалъ,
Что вы сопернику задать хотите страху,
И потому вамъ помогалъ,
И все что въ голову ни приходило, вралъ;
Ну, вижу я, даль маху!...
Но ваши хитрости теперь я разгадалъ....
Меня вы заманили въ сѣти,
Да и рѣшились оставить одного

Въ бѣд?... Нетъ, вздоръ, дружинце! шту-
ки эти
Не удаются вамъ! Не скрою ничего!
Да! я въ недоброс пожался приключенье....
Но въ этомъ я, клянусь, не виноватъ!
Она! она меня възела во искушенье....

Гардеръ.

Да, контрабанда здѣсь въ компанию!.. Это, братъ,

Походить что-то на сознанье....
Докончивай, грѣхи высказывай скрѣй!...

Шелле.

Безъ всякаго старанья пль желанья
Поправиться, со стороны моей,
Дѣвица Кикебушъ сама въ меня влюбилась,
Сама въ любви открылась,
Потомъ, чтобы въ сѣть вовлечь меня еще вѣ-
нѣн,
У Каценштейна миѣ назначила свиданье.

А я былъ глупъ, болванъ, осель,
Повѣрилъ ей, и въ лѣсъ пошелъ,

Кикебушъ.

Что этотъ человѣкъ вчера съ ума сошелъ,
Я сдѣлала уже два раза замѣчанье;
Повѣрьте, капитанъ.

Шелле.

Кто, я? я? человѣкъ?...
Ха! ха! я человѣкъ! и еще сумасшедший!...
Да, я съ ума сходилъ, и не прошу во вѣкъ
Себѣ своей я глупости прошедшій!...
Какъ могъ довѣриться притворнымъ тѣмъ сло-
вамъ?...

И этого не понимаю самъ....

(Гардеру).

Послушайте еще, есть въ чёмъ теперь вся сила,
Соперника я встрѣтилъ тамъ,
Которому она, какъ видно, измѣнила
Влюбленина пъ меня....
Хоть ни душой, ни тѣломъ я
Не виноватъ въ такой измѣнѣ.
Злодѣй хотѣлъ меня за это застрѣлить!...

Кикебушъ.

Нѣть! дольше невозможно быть
При этой гиусной сценѣ....
Заставьте, капитанъ, сго вы замолчать,
Иль буду я должна отсюда удалиться!

Гардеръ.

Прошу, сударыня, садитесь!...
(къ Шелле).
А ты, коли?... Какъ это разобрать?...
Ей Богу, голова кружится!...

Пиль.

И у меня.

Гардеръ (къ Шелле).

Ну, говори!...
Да только сдѣлай милость, Шелле,
Всѣхъ этихъ пустаковъ не при-
А говори о дѣлѣ!
Ты по доносу егерей
Упоминаль какіе-то товары?...

Контрабанда.

ШЕЛЛЕ.

Да въ рѣчи не запрусь своей
Я говорилъ, что тотъ товарь лежалъ, старый,
Который намъ хотятъ на шею навязать....

Но только черезъ это

Дѣвицу Кикебушъ хотѣлъ я, такъ сказать...

ТИЛЛЬ.

Помилуй, постыдись подобного отвѣта....
Какъ могъ ты женщину такъ грубо обижать?
Ты, человѣкъ учтивый, ловкий....

ШЕЛЛЕ.

Дружище! будешь ты и ловокъ, и учтивъ,
Въ виду соперника съ двѣстѣльною винтов-
кой....

ГАРДЕРЪ.

Все фильты лишь одни!

ШЕЛЛЕ.

И точно справедливъ,
И доказательство здѣсь у иселя въ карманѣ....
(Шарить въ карманѣ).

Дѣвицы Кикебушъ ищемо... А, вотъ! сыскали.
(Отдавая письмо Гардеру).
Прочтите, и въ ся увѣртесь обманъ.
Надѣюсь, что себя я этимъ оправдалъ....
А я было дуракъ на полку дать рѣшился
Подателю, и вѣрио бѣ дасть,
Когда бы онъ изъ глазъ какъ молния не скрылъ.

ГАРДЕРЪ.

Своимъ глазамъ я вѣрить не могу.

ШЕЛЛЕ.

Повѣрьте, капитанъ! Клянусь, что я не лгу.
Изъ тому жъ ведь вы читали сами?...

ГАРДЕРЪ (подавая пись-
мо Кикебушу).

Скажите, писана бумага эта вами!...

ШЕЛЛЕ.

Да кѣмъ же иначе? Самъ Тилль свидѣтель мой,
Что я ни для чего ишаго,
Какъ лишь для этого столь поздною порой
Рѣшился въ лѣсъ ити.

ТИЛЛЬ.

Свидѣтель я плохой!

Повѣрить можно ли на слово
Всему, что ты миѣ говорилъ?
Ты, можетъ быть, все это сочинилъ.

ШЕЛЛЕ.

Дружище, ты Гуда, да, Гуда.

Кикебушъ.

И дерзко, и смѣло!
Подъ почеркъ мой подѣвались не худо,

Но!... хотѣть вѣсть миѣ будѣть мудрено,
Я увѣрю наѣ, что не писала къ Шелле.

ШЕЛЛЕ.

Вашъ почеркъ и печать....

ГАРДЕРЪ (осматривалъ
письмо).

И точно! въ самомъ дѣлѣ....

Кикебушъ.

Тутъ кроется какой нибудь обманъ....
Хоть съ вами мы не дружны, капитанъ,
Что вѣдь здѣсь въ городкѣ я думаю извѣстно,
Но вы, какъ человѣкъ нравивши, умный, чест-
ный,

Вы не поверите, чтоѣ женщина могла

Решиться начинать подобнымъ дѣломъ
Въ мои почтенные лѣта.

На чтобы похоже было это?...

Я вѣкъ свой прожила

Сужденьемъ дорожа общественнаго мнѣнья....

И злой языкъ клеветника

Не смѣль коснуться и слегка

Примѣрно строгаго донынѣ поведенія....

Такъ стану лѣтъ я на старость лѣтъ

Написать письмо къ мужчинѣ?... Нетъ!

Нетъ! ни за что! Къ тому жъ такого рода....

ШЕЛЛЕ (перебивая).

Какъ? что? уродъ?... меня считаютъ за урода?
Я утромъ былъ ся любезный Веньяминъ,
Теперь уродомъ сталъ?... А человѣкъ одинъ,
И кажется, совѣтъ не измѣнялся....

Да чѣмъ же, Господи, скажите, я уродъ?...

Горбъ что ли у меня? или на сторону ротъ?

Или на одинъ бокъ я весь перекривился?

Или я косолапъ? или краинъ на одинъ глазъ?

Или.... Да, Боже мой, пошлио на всѣхъ на-
вѣстъ,

Скажите, чѣмъ похожъ я на урода?...

Кикебушъ.

Теперь вы слышали и сами, капитанъ,

Ну, видѣли ли вы такого сумасброды?...

ГАРДЕРЪ.

Да Шелле, замолчи!

ШЕЛЛЕ.

Нетъ! не за тѣмъ миѣ данъ
Языкъ, чтобы молчать. Я перенесъ довольно,
И лопнуло во миѣ терпніе все невольно....
Со страхомъ, съ трепетомъ я почюю въ лѣсъ
пошель,

Въ лѣсу соперника презлаго я нашелъ,
Который просто бы годился въ люди, и
Изъ ревности меня хотѣлъ онъ застрѣлить....
Меня холодный потъ отъ этакой бесѣды
Прошибъ..., я дрожа быль долженъ гово-
ритъ

Про страшную любовь, изъ опасения,
Чтобъ въ голову двухъ нуль не получать.
Но томъ, ища отъ спасенья,
Въ дуплю широкое попалъ,
Где кожу свою съ лица и съ рукъ я ободралъ;
Но томъ, для большаго мученья,
Былъ взятъ подъ караулъ.... меня какъ бы осла
Навьючили товаромъ.... Въ довершение
Она, она меня уродомъ назвала....
Но томъ, это черезъ чуръ! все лопнуло терпенье.

Тилль.

Утынъся, Шелле....

Шелле.

Нельзя, дружинце, нельзя и пѣть!
Утынъся хорошии советъ,
Да что-то плохо намъ дается утынъся.
Уродъ! подумаешь, престравный оборотъ!
А давича, въ лѣсу, хотѣла за урода
И замужъ выйти.

Кикебушъ.

Нельзя! всѣхъ издоровъ сумасброды
Не стану слушать я!
(Хочетъ ити).

Гардеръ (останавливая
ее).

Прощу васъ... (къ Шелле). Ты, молчать!
Жандармъ!

(Жандармъ уходитъ).

Шелле.

Помилуйте! зачтъ жандарма звать?...
Уже ль я человѣкъ такого рода,
Котораго должно оружьемъ усмирять.
Я кроткій человѣкъ.... Вамъ стонть приказать.

Эдуардъ.

Оставь же издоры всѣ, и дѣло
Про контрабанду говори,
Здѣсь на лицо товаръ найденый, такъ смотри
Не запираися!

Шелле.

Нельзя! сказать могу я сѣю,
Что въ это чѣмъ я не виненъ, капитанъ,
Ни тѣломъ, ни душой!

Гардеръ.

Ты лжешь! по общий вашъ обманъ,
Сейчасъ же я открою,
Свидѣтель третій есть. (Жандармъ). Зопи сго
сюда.

(Жандармъ уходитъ).

Я выведу на свѣтъ все это дѣло. Да!
Оно какъ солнце будетъ ясно.

Тилль.

Все такъ, да только жаль, съ нату. оѣ не со-
гласно:

Вѣдь съ контрабандой не сойдется никогда
Свѣтъ солнечный: она къ числу сентименталь-
ныхъ
Приналежитъ, и любить лунный свѣтъ.

Гардеръ.

А! вотъ и тотъ. Аюсь безъ объясненій даль-
нихъ
Онь дастъ решительный отвѣтъ.

ЯВЛЕНИЕ VI.

Тѣ же и Вальдау.

Вальдау.

Мнѣ очень, капитанъ, досадно и обидно
Быть вамъ представленнымъ какъ будто....

Гардеръ.

Это видно,

Контрабандистъ, какъ вы...

Вальдау.

Какъ я, сударь? О! пѣть....

Гардеръ.

Да, вы контрабандистъ, да, это также ясно,
Какъ то, что я смотритель здѣсь,
И увѣрять въ противномъ труда напрасный.
Но дѣло не о томъ. Какъ вы попались въ лѣсъ
И какъ сошли съ двумя особами другими?

Вальдау.

Какъ я лѣсъ попалъ, и какъ сошли съ ними?
Черезъ сильнѣе случайностей: пришла

(Показывая на Кикебушъ).

Лѣту даму за другую,
Которую я страстью обожаю.

(Показывая на Шелле).

Въ исиѣ думай я найти соперника....

Гардеръ.

Какую

Онь околесицу занесъ,
Ну, къ этому ль клонился мой вопросъ?
Соперникъ, дама и случайностей сильнѣе...

Что это за отвѣтъ?

У нихъ съ таможнею какое отношеніе?...

Тилль.

Прямо говою чѣмъ,
Но тайнос найдемъ.... И такъ ужъ созданъ
свѣтъ,
Что все между собой всегда въ соединеніи.

Гардеръ (Тилль).

Да полноте! Иль съ ними за одно

Хотите вы, чтобы я съ ума сошел от издора?
(Къ Вальдау).

Что жь дадте?

Вальдау.

Я былъ свидѣтель разговора...

Гардеръ.

О чмъ же рѣчъ была?

Вальдау.

Довольно мудрено

Рѣшить такой вопросъ. Они не понимали,

Иль не хотѣли понимать,

О чмъ другъ другу толковали.

Я самъ не могу всего порядкомъ разобрать....

Рѣчъ шла....

Кикебушъ (перебивая).

Не о любви, покляться я готова,
А о Цыганахъ.

Шелле.

Нѣтъ! Рѣчъ шла лишь о любви,
О контрабандѣ жь не было ни слова.

Вальдау.

Быть можетъ, что не говорили вы
И ни того, и ни другаго,
А можетъ быть, рѣчъ шла о томъ и другомъ.
Осталось это мѣтъ загадкою.

Гардеръ (вскакивая со
стула).

О! громъ....

Тилль (вскакивая так-
же).

И молниѧ.

Гардеръ.

Позвольте, ради Бога,
Мѣтъ хотѣтъ браниться одному,
Ни слова не даетъ мнѣ кончить самому....
Нѣтъ, сударь! это слишкомъ много!...
(Подумавъ).

Все это разобрать не моему уму!...
Загадки, слушай, случайностей сиѣнья,
Соперники, любовны похожденья,
И контрабанда, и разсказы про Цыганъ....
Да тутъ не только я, таможенный смотритель,
Какой нибудь безвѣстынъ капитанъ,
Самъ катана, нашъ злобный искушатель,
Я думаю съ ума бѣ павѣрное сошелъ.

(Ходитъ по комнатѣ).

Вздоръ! Тилль! Убрать пелитѣ столъ.

(Тилль отдвигаетъ столъ).

Я не памѣренъ съ ними здѣсь возиться,
Пусть въ городскомъ судѣ изволятъ посудиться,
Тамъ разберутъ все дѣло безъ труда.

Сейчасъ же акты всѣ отправлю я туда.

Шелле.

Ахъ! лучше бѣ все забыть до страшнаго суда!
Тогда бѣ само тобой все объяснилось.

Тилль.

Оторочка никуда бѣ такая не годилась;
Описанный товаръ кому продать тогда?

Вальдау (Гардеру).

Не лѣзъ ли, капитанъ, пришли въ соображеніе
Мой чинъ и званіе, избавить хоть меня
Отъ этого суда.

Гардеръ.

Но къ сожалѣнью,
Не знаю я, кто вы.

Вальдау.

Кто я?

Оберъ-форстмейстеръ изъ Эхстрода.

Гардеръ.

Это

Вамъ надобно еще намъ, сударь, доказать.

Вальдау.

А въ доказательство я вамъ могу сказать,
Что ваша дочь тамъ прожила все это,
И я имѣю честь съ ей быть знакомъ.

Гардеръ.

Знакомъ?

Тилль! Юлию зови.... скорѣй, скорѣй, быгомъ!

Тилль (уходитъ).

Проклизикъ случай все!

ЯВЛЕНИЕ VII.

Тѣ же кроме Тилля.

Кикебушъ.

Ахъ, капитанъ, скажите,
Неужли вы меня не пощадите,
И въ судѣ рѣшитесь передать
Подлекаря безумца обвиненіе?
Подложное письмо набросить подозрѣніе
На имя честнос.

Гардеръ.

Я долженъ выполнять
Свой долгъ, сударыня, и не могу скрывать
Я злоупотребленія:
Тутъ контрабанда есть! Когда
У лица на лицо, такъ это очень ясно.

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Тъ же, Тиль и Юлия.

ГАРДЕРЬ.

А вѣтъ и дочь моя; прекрасно!

Поди-ка Юлия сюда.

Ты знаешь ли...

Юлия (испугавшись при видѣ Вальдау).

Вальдау здесь?... О, Боже!

Тиль (въ сторону).

Еще любовную историю Богъ даетъ.

ГАРДЕРЬ.

Что это значить все? на что это пожоже?...

Туть ничего самъ чортъ не разбереть!

Скажите, сударь, миѣ, какія отношелья

У васъ здесь съ дочерью моей?

ВАЛЬДАУ.

Ностыдныхъ ни какихъ. Я къней
Пыталъ чувства и любви и уваженья,
Осмѣялся ласкать надеждою себя,
Что Юлия тѣ чувства раздѣляетъ.
Но по несчастію въней обманулъ я,
Другаго миѣ она предпочитаетъ,
И случай нынѣшній искони
Меня въ той мысли утверждаетъ,
Что этотъ человѣкъ въ любви соперникъ мой.

ШЕЛЛЕ.

Кто я, дружище, я?... Довольно и одной
Любовью я гонимъ.... Они еще другую
Пожалуй вздумаютъ миѣ изъ плечи взвалить....
Благодарю за выдумку такую,
Но, признаюсь, беломъ миѣ надоело быть....

Юлия.

Вальдау ваше обвиненье....

ГАРДЕРЬ.

Нѣть, Юлия, постой, дай миѣ съ нимъ говорить.
Потребовать хочу я удовлетворенія
Отъ васъ, сударь, за это оскорблѣніе
Для дочери моей....

Юлия.

Ахъ, батюшка, самой
Позвольте миѣ сказать ему словъ пять не больше.
(Говоритъ тихо Вальдау).

Тиль (въ сторону).

Чувствительность пошла; за что, о, Боже мой!
За что жестоко такъ наказанъ я тобой?
Актеры измѣняютъ роли
Комедія въ драму перешла....

ГАРДЕРЬ.

Нѣть, это черезъ чурь! чтобы Юлия избрала
Такой предметъ любви! Она кожедерь, царана,
Подлекарь! брадобрѣй! пароль Эскулапа,
Которому почасть боятся всѣ подъ лапу....

ШЕЛЛЕ.

Кто я царана? Я! Потище, капитанъ...
Такъ обижать себя я не позволю....
Я бѣдный арестантъ.... Здѣсь стража... Я въ
неволѣ,
А то бы я вступился за свой санъ...
Царана! Кожедерь! Нѣть, сударь, это ложно!
На всѣхъ сошлися! Сучалося миѣ вѣсъ
Порѣзать, можетъ быть рукой неосторожной!
Не ровенъ день, не ровенъ часъ
И за себя всегда отвѣтствовать не можно,
Но говорить, чтобы я цареваль, кожу драли...

Безбожно, ей же си, безбожно,
Царинъ отъ меня никто не получалъ...
Кто это говорить, въ томъ правды нѣть ни
крошки....
Царянаютъ этихъ женщинъ, да комки,
А кожу здѣсь дерѣтъ съ насъ,
Прислушайтесь, разльбьте ваши уши,
Дерете кожу вы, таможеннымъ душамъ.

Тиль (Гардеру).

Онъ кажется ругаетъ васъ?

ГАРДЕРЬ.

Умолкни, Шелле.... Ты въ порывѣ гибна
Насъ оскорблѣль....

ШЕЛЛЕ.

Но оскорблѣніе миѣ вы
Не меныше нанесли...

ЯВЛЕНИЕ IX.

Тъ же и Лиза (свѣтишь).

Лиза.

Сударыня.... бѣда!
Кикебушъ.
Что, что случилось?

Лиза.
Ахъ! барышня пропала,
Исчезла, Богъ знаетъ куда....
Кикебушъ.

Какъ, Минна.... Минна.
Лиза.

Съ контрабандистомъ....
Гардеръ.
Что? Контрабандистъ? Постой?

Уѣжала

Всю истину, несчастная, открой,
Или страшись законовъ силы....

Какой контрабандистъ?...

Лиза (со страхомъ).

Не виновата я.

Не я, сударь, клянусь, а барыня моя
Его въ дому у насъ укрыла....

**Гардеръ (въ величай-
шемъ удив-
лении).**

Контрабандиста? Какъ! возможно ль? укрывать
Контрабандиста? Нѣтъ!

Кикебушъ.

Да! я не стану лгать
И дѣла доброго не скрою передъ вами:
И руку помоши несчастному дала,
Гонимому жестокими стрѣлками,
И жизнь его отъ гибели спасла.

**Гардеръ (схвативъ Тил-
ля за плеча).**

Тилль, другъ мой, слышишь ли? Контрабан-
дистъ несчастный?...

**Вальдау (отдавая Юлии
найденную бу-
мажку).**

Вотъ доказательство: я въ этомъ дѣлѣ чистъ.

**Тилль (взявъ Гардера
то же за пле-
ча).**

Да, капитанъ! съ разсудкомъ не согласно:
Несчастный и контрабандистъ.

Юлия (со смѣхомъ).

И только?... Вы ревнуете напрасно.
(Разсказываетъ ему исторію бумажки,
указывая по временамъ на Тилля, Шел-
ле и на Г-жу Кикебушъ).

Гардеръ (къ Кикебушъ).

Такъ нашъ контрабандистъ несчастливъ очень
быть....

Ну, ничего сказать, прекрасно!
За вашу доброту несчастный отплатилъ.

Кикебушъ.

Не вѣрю, чтобы онъ племянницу склонилъ
Къ побѣгу! Клевеландъ не могъ быть такъ ко-
жевникомъ, чтобы быть варенъ,
Безчестенъ и неблагодаренъ.

Лиза.

Ушель, сударыня, о旣 точно съ вею.

Кикебушъ.

Нѣтъ!

Лиза.

Вы вѣрите или нѣтъ, инѣ, право, мало дѣла!...

По я, сударыня, хотѣла

Вамъ добрый дать совѣтъ.

Покуда барышня далеко не успѣла

Уйти, послать за ней погоню всѣдѣль.

Кикебушъ.

Да, правда! Такъ пойдемъ....

Гардеръ.

Ужъ полно не хотитель

Отсюда вы, сударыня, уйти,

Да я на что же тутъ? Таможенный смотритель

Пѣнь что ли, Господи прости!...

Такъ вы таможню провести

Любовными исторіями хотѣли!...

Исторіи! ха! ха! Исторіи эти тутъ

Они какъ кружево плетутъ!...

Скажите, пеужели

Вы думали, что я повторю въ этотъ вздоръ?

Что не открою я весь этотъ заговоръ,

Постыдный заговоръ, противный даже праву

Народному.... О! я не буду долго ждать,

И многое сдѣлаю расправу.

Тилль! прикажите бричку запрягать;

Всѣхъ заговорщиковъ порядкомъ разсадите,

И въ городъ привезя въ тюрьму препроводите.

**Кикебушъ (порождество-
но).**

Связите насъ, въ оковы заключите....

Готова я страдать за романтизмъ....

Теперь покажутся намъ сладки вѣсъ мученья....

Тилль (въ сторону).

Ну, говорить въней началь фанатисъ....

Пора теперь и къ заключению....

(Гардеру).

Я запрягать велю?...

Гардеръ.

Да!...

(Тилль уходитъ).

Я ВЛЕНИЕ X.

Тѣ же, кромѣ Тилля.

Вальдау (еще тихо).

Юлия! Прошение!

Кн. XVI — 6.

Драматическая произведение.

Юлия (ромче).

Все кончено! прощенье и забвенье.

Гардеръ (ходит по сцене въ болиціи).

Нетъ, чортъ возьми, прощать не надо никому.

Лиза (къ Шелле).

Какъ ни стараюсь, никакъ я не пойму;
Скажите что это?

Шелле.

Ты мальчикъ передъты?...

Лиза.

Помилуйте, Богъ съ вами, что вы это?...
Я женщина!...

Шелле.

И такъ, не говори со мной.

Я клятву дала отъныне ни съ одной
Изъ васъ не говорить.... Исполню клятву стро-
го....
Когда жъ забудуся и стану говорить,
То рѣшися наказаніе готовъ полкъ цѣлый брить
Я даромъ круглый годъ!...

ЯВЛЕНИЕ XI.

Тѣ же, Эдуардъ и Минна; платье по-
слѣдней и волосы пемного егъ безпоряд-
къ. Вскорѣ за ними сходитъ Тиль.

Лиза (блѣжитъ на встрѣчу Миннѣ и са-
зываетъ ее на стулъ)

Вернулись!...

Кикебушъ.

Ради Бога,

Скажи ми, Минна, что случилось съ тобой?

Минна.

Ахъ, тетушка! вы здесь.. Случилось что со мной,
Сама не знаю я... Миръ кажется, во снѣ я...
Вломились въ комнату внезапно два золота,
И, завязавши ми ротъ и глаза платкомъ,
Схватили, черезъ садъ перенесли тайкомъ,
И сѣвъ на лошадей, по всемъ опоръ пустились.
Не знаю, скоро ли, но лошадь одного
Вдругъ испугалася, Богъ знаетъ отъ чего,
И не хотѣ они на мигъ остановились.
Я, временно укута, повязкѣ сорвалъ
И сколько было силъ пригнать тутъ начала.

Эдуардъ.

По счастью, мы недалеко случились.

Услышавъ женскій крикъ,

На помощь я пустился въ тотъ же мигъ.

Разбойники никакъ погони тутъ не ждали,

Присутствіе все духа потеряли,

Добычу бросили и ускакали въ лѣсъ.

Гардеръ (садясь посреди сценъ съ от-
чаяннымъ си-
домъ).

Нетъ, это черезъ чуръ.... Всесильный Царь не-
бесь,

Вѣдь выдается жъ день, какъ этотъ сумасброл-
леній,

Чтобы смотрителя таможни свести съ ума.

Тиль (Становясь за
нимъ).

Да, Капитанъ! Таможня ужъ сама
Отъ перемѣнъ судьбы какъ видно несвободна.

Кикебушъ.

О, доблестный Ловелль, чѣмъ я вамъ отплачу?

Эдуардъ.

Миъ ничего не надо.

Я ни какой награды не хочу

Миъ мой успѣхъ уже награда!

Кикебушъ.

Безстыдный Клевеландъ! Но иѣть, я знаю, онъ
Несчастной страстию въ проступокъ завлеченъ....
А какъ не извинить порывъ любви несчастной....
Кто не любилъ изъ насъ?....

Тиль.

Конечно! Эта страсть
Успѣла покорить весь свѣтъ себѣ подъ власть.
Здесь даже есть, межъ насъ, любовникъ страст-
наго....

Да, Эдуардъ фонъ Герберъ....

Эдуардъ.

Тиль!....

Тиль (продолжая).

Влюбленъ....

Эдуардъ.

Остановитесь!

Тиль.

Нетъ! пристойностью пустою,
Застѣничностью вашей мелочиною
Не буду я въ сей мигъ остановленъ.
Да, знаю я, что любить опь
Ту девушку, которую судьбою
Ему въ сей вечеръ было суждено
Счасти отъ яости преступнаго злодѣя....
И если сердце расположено

У Минны также, мой советъ: скорѣе
Любовниковъ соединить,
И черезъ ихъ соединеніе
Чистосердечное межъ вами примиреніе
Найдѣти освятить.
Да, да, друзья мои, оставьте все раздоры,
Прошедшіе забудьте ссоры,
Какъ агицы кроткіе вѣкъ краткій доживемъ.
Чтобы въ тотъ страшный часъ, въ который
мы умремъ,
Въ послѣдній, грозный часъ, священный, несомнѣнно,
Земныя страсти преястъ на судъ Творца
Незлобныя и чистыя сердца.

Быть можетъ, завтра жъ, не извѣстно,
Быть можетъ, завтра же, для каждого изъ насъ
Наступитъ роковой ужасный, этотъ часъ!

И для блестителей постановленій
Таможенныхъ, людей и честныхъ и прямыхъ,
И для воззвищенныхъ читательницъ твореній
Тѣхъ славныхъ авторовъ, которыхъ дивный
гений

Развилъ въ сердцахъ живыхъ

Сильнѣе романтизма чувства;
Для опытныхъ жрецовъ врачебного искусства,
И для помощниковъ безыѣстныхъ и простыхъ
Помощниковъ смотрителей таможни,
И даже для людей счастливыхъ, молодыхъ,
Которымъ кажется блаженства вѣкъ возможенъ,
Которымъ путь терпѣтъ бытія
Усыпанъ розами любви и наслажденія,
Для всѣхъ ударить часъ!... Такъ, примиреніе!...
(Въ продолженіе предыдущаго монолога Гардеръ, Кикебушъ, Шелле, самъ Тилль и Лиза поочередно одинъ вслѣдъ за другимъ утираютъ платкомъ глаза).

ГАРДЕРЪ (плача и протягивая руку
Кикебушу).

Я

Встать не могу.

КИКЕБУШЪ (рыдал).

Луша растрогана мол!

ТИЛЛЬ (подставляя ей
стулъ возмѣ Гар-
дера).

Садитесь!

ГАРДЕРЪ (протягивая ру-
ки).

Примиреніе!

КИКЕБУШЪ (взявшись за
руку).

Примиреніе

Отъ сердца чистако!
(Эдгардъ и Минна становятся на кол-
ьни со стороны Кикебуша).

ЭДУАРДЪ.

И въ этотъ добрый часъ,
Нашъ дайте, тетушка, свое благословеніе!
(Юлія и Вальдау становятся также
на колѣни со стороны Гардера).

ЮЛІЯ.

Вы тоже, батюшка, благословите насъ.

ВАЛЬДАУ.

Мы Юлія вину мою простила!
(Кикебушъ и Гардеръ взглядываютъ
другъ на друга).

ТИЛЛЬ (наклоняясь ме-
жду ними сза-
ди).

Ну, по рукамъ! Знать такъ сама судьба судила.
(Кикебушъ и Гардеръ благословляютъ
молодыхъ людей).

ТИЛЛЬ (къ зрителямъ).

О! кто бъ вы ни были, прошу покорио васъ
Взглянуть съ вниманіемъ на чувствительную
группу!
Но не растрогайтесь! Не слезъ изъ нашихъ
глазъ

Прошу я, пѣть, на этотъ разъ
Лишь осчастливьте нашу труппу....

ГАРДЕРЪ (одругъ скаки-
вал).

По контрабанда какъ!...

ТИЛЛЬ.

Она,

Не беспокойтесь, описана сполна
И скоро будѣть продана.

(Тихо).

Всѣ предстоящіе невинны въ этомъ дѣлѣ;
И это доказать могу памъ.

ГАРДЕРЪ.

Неужели?

Честное слово, да?

дійство відбуті таємні, із якими вони
відчайдоючи зберігають їх від посторон-
ніх очей, але заслуги їх відомі
тому, що вони виконують відповідні
обов'язки, які вони виконують.

— що співробітників та інших осіб, які вони
відчайдоючи зберігають їх від посторон-
ніх очей, але заслуги їх відомі
тому, що вони виконують відповідні
обов'язки, які вони виконують.

ІІ. МАТЕРІЯЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ТЕАТРА, И СЛОВЕСНОСТЬ.

ПИКАРЪ.

(Окончание).

Межу прочими обвиненіями Пикара, его упрекали за то, что онъ выводилъ на сцену только мѣщанъ. Но что могъ онъ изображать въ то время переворота, которое было какъбы нашествіе средняго класса на всѣ общественные дѣла? Тогда какъ эти однодневные властелины, забывъ о своемъ происхожденіи, выказывали aristократические пріемы, Пикаръ сохранилъ простодушіе стариннаго мѣщанина Парижскаго, его веселый и немного хитрый правъ и даже любовь его къ порядку и бережливости; ибо какъ артистъ, особенно какъ комикъ, Пикаръ былъ уменъ, но ума любезнаго, охотно уступавшаго приманкамъ удовольствія и весело угощавшаго свою любезную. Не одно любовное похожденіе занимало его въ первой молодости, и еще показываются въ Коллегіи Лудовика Великаго камень, съ котораго онъ чрезъ решетку гостиной глядѣлъ на первый предметъ своей нѣжности. Но женившись рано, онъ съ тѣхъ поръ жилъ по-мѣщански, подѣлъ своей жены, съ братомъ и сестрою, составлявшими всегда одно семейство. Въ продолженіе болѣе двадцати лѣтъ будучи директоромъ теа-

тра Лувра и Оперы, онъ сохранилъ чистоту нравовъ и не поддавался приманкамъ балетной труппы. Впрочемъ, всегда веселый, всегда откровенный, никто менѣе его не имѣлъ спѣси и педантисма, и хотя по таланту своему онъ былъ по плечу всѣмъ современнымъ знаменитостямъ, но послѣ литературныхъ друзей, онъ предпочиталъ болѣе домъ и обѣдъ какогонибудь доброго весельчака, адвоката, медика или купца, гдѣ онъ былъ на просторѣ и могъ, не думая о томъ, найти новое лицо для комедіи.

Однако жъ онъ былъ не безъ нѣкоторыхъ слабостей самолюбія: свидѣтель того день, когда онъ захотѣлъ въ одномъ собраниі прочитать свою комедію: *Пропинціалы въ Парижѣ* — слабую, противную сторону Ульзданаго города, въ которой хорошо схваченныя подробности не выкапаютъ недостатка цѣлаго. И какъ дорого стоило ему это искушеніе! Пикаръ полагалъ, что будетъ не болѣе двадцати или тридцати человѣкъ, тогда какъ ихъ собралось до ста тридцати, и въ этой толпѣ высшіе сановники, поэты, генералы и одинъ кардиналъ. Чортъ возмы

сказалъ про себя Пикаръ, у которого была страшная охота уйти, видя ясно, что піеса его всего менѣе занимала этотъ высшій кругъ общества. Но безразсудность была сдѣлана; онъ смѣло принялъ за дѣло, и прочель все однимъ разомъ, при говорѣ собесѣдниковъ. Никто не слыхалъ ни слова. Всѣ отозвались съ удивленіемъ, а кардиналь, бывшій немногій глухъ и къ концу спокойно заснувшій, сказалъ: «Вотъ славная комедія. Играли ее?» Но самое любопытное въ этомъ проицѣствіи, и что живо изображаетъ этого добрая Пикара, былъ собственный его о томъ разсказъ, желая наказать себя тѣмъ же, чѣмъ провинился; ибо онъ не болѣе былъ снисходителенъ къ своимъ слабостямъ, какъ и къ слабостямъ другихъ, и мы увидимъ, что онъ, какъ досель, постоянно выдержалъ эту почтенную прямоту характера въ дѣлахъ своихъ и сочиненіяхъ.

Такимъ образомъ, между тѣмъ какъ онъ возбуждалъ свой вѣкъ къ хорошей комедіи, съ другой стороны онъ поражалъ пороки, столь общіе тогда, что они нагло искали гласности и соблазна. Банкротство злонамѣренное и приведенное въ систему, послѣ финансовыхъ беспорядковъ директорій, вотъ что Пикаръ, при помощи на этотъ разъ Шерона, хотѣлъ заклеймить въ *Дюокурѣ*, или *Договорѣ товарищества* (*Dubaucours, ou le Contrat d'Union*). Этого Дюокура, всеобщаго подрядчика банкротствъ въ Парижѣ, плута большой руки и тонкаго ума, мы видѣли нынѣ вновь появившимся съ блескомъ на сценѣ; но тридцатилѣтній опытъ усовершенствовалъ его въ ремесль, и слѣдя за успѣхами вѣка, безстыдство плута 1802 года возвысилось до наглости Роберта Макера. Очевидно, пріятель Бертрана происходить отъ знаменитыхъ предковъ, ибо въ свою родословную онъ могъ бы принять еще *Злостнаго банкрота* Герарди, которому столь благосклонно рукооплескали при дворѣ Лудовика XIV.

Но Пикаръ, равно какъ и Герарди, если бъ угадали этого героя нашего времени, не посмѣли бы представить его въ ужасной наготѣ пороковъ и безстыдствѣ его извротовъ. Его Дюокуръ плутъ, умѣющій жить, принимающій видъ честнаго человѣка, и съ рѣчью о добродѣтели внушающій банкротство, которое онъ остерегся бы проповѣдовывать открыто. Но и въ оттѣнкахъ, смягченныхъ и выражавшихъ духъ времени, портретъ плута не менѣе того поразительной правды. Прибавимъ, что въ предметѣ, болѣе пригодномъ для драмы, нежели для комедіи, сочинители умѣли различить пріятное разнообразіе и выкупить ненавистное въ основаніи ловкою постановкою въ дѣйствії.

Дюокурѣ былъ довольно хорошо принятъ на театрѣ, но возбудилъ странную полемику. Спрашивалось, прилично ли комическому писателю исправлять должностъ уголовнаго судьи, другими словами, позволено ли переносить вѣсы Фемиды на сцену Талии, какъ говорили Этьенъ и Мартенвиль, почитавши это дѣломъ грубаго неприличія. На это Пикаръ отвѣчалъ благоразумно: комедія дѣйствительно должна преслѣдовывать только пороки и смѣшное; но преступки, которые, несмотря на предусмотрительность законовъ, находятъ средство избѣгать ихъ, не входять ли въ область комедіи? Сюда относятся нарушеніе супружеской чести и банкротство. Скажемъ сверхъ того, что прежде, нежели приступить къ столь важнымъ предметамъ, авторъ долженъ измѣрить свои силы, сдѣлать добросовѣстное возвзваніе къ своему таланту. Но онъ былъ бы виновенъ, оставившись, если чувствуетъ въ себѣ хотія отчасти силу того комического генія, который однимъ оружиемъ насмѣшки заклеймилъ навсегда Тартюфовъ и Тюркаретовъ.

Сорвавъ личину съ людей злонамѣренныхъ, Пикаръ напаль на прописки честолюбія, но на этотъ разъ столь воздерж-

но, что не достигъ своей цѣли. Его Честолюбивый мужъ (*Maré ambitieux*) ни правдолюбенъ, ни поучителенъ въ хорошемъ, ни въ худомъ. Слабо задуманная, еще слабѣе написанная, эта піеса настъ не остановила бы, если бъ не была продолженіемъ *Вступленія въ сѣлье* (*L'Entrée dans le monde*). Она составляетъ два первыя дѣйствія одной трилогіи, въ которой развивая на сценѣ, что Гораций выразилъ въ нѣсколькихъ стихахъ, Пикаръ хотѣлъ изобразить измѣненія въ характерѣ человѣка въ продолженіе трехъ возрастовъ его жизни, въ юности, зрѣлости и старости. Но *Вступленіе въ сѣлье* имѣло столь малый успѣхъ, что онъ не посмѣлъ возобновить въ чертакъ зрѣлаго возраста, юношескій, котораго первыя представлениа были такъ худо приняты. Перемѣнивъ имя и окружающее главнаго лица, онъ сдѣлалъ изъ него своего честолюбиваго мужа, который, не болѣе имѣя успѣха, воспрепятствовалъ ему продолжать начатую комедію. Но эта мысль, которую не могъ онъ выдержать на театрѣ, сдѣлалась основою его романа: *Евгений и Вильгельмъ*. Взявъ два человѣка отъ колыбели, онъ изображаетъ ихъ, слѣдя за стихамъ Горация, добычею вліяній различныхъ страстей, сопровождающихъ наше бытіе. Но эти дѣйствующія лица не представляютъ ничего отличительного и оригинального. Слишкомъ замѣтно, что ихъ заставляютъ сбрасывать или облекать ся, при такомъ-то случаѣ и какъ бы въ назначенный день, въ принадлежности, свойственныя возрасту, пройденному или только что достигнутому. Это типы, систематическая отвлеченності, а не лица, дѣйствующія свободно и самопроизвольно. Романъ, какъ впрочемъ извѣстно, слабая сторона Пикара. Почему, не изслѣдовавъ особливо этой стороны его таланта, для насъ достаточно будетъ слѣдить за нимъ при разборѣ его театра. Удобное дѣло, ибо романістъ надстраиваетъ только и весьма часто растягиваетъ, какъ здѣсь,

нескончаемыми длиннотами, данные поэта драматического.

Хотя Гораций былъ доселѣ плохимъ для него вдохновеніемъ, но Пикаръ не питалъ къ нему вражды, и перечитывая однажды своего любимаго поэта, котораго онъ хотѣлъ сдѣлать карманною книжкою комическихъ писателей, одна яркая черта вдругъ поразила его. Онъ пошелъ къ Дро, съ которымъ обыкновенно совѣтовался, какъ съ Андріе и Колленъ д'Арлевильемъ: «Знаешь ли, сказалъ онъ ему, что цѣлая комедія заключается въ одномъ стихѣ Горация:

Duceris ut nervis alienis mobile lignum.

— Можетъ быть, возразилъ Дро, но если ты ее не напишешь, то....—«Напишу», подхватилъ Пикаръ, и вмѣсто одной написалъ три: *Кукольную комедію*, *Погудки* и *Старую тетку* (*les Marionnettes, les Ricochets, la Vieille Tante*).

Это было какъ бы пробужденіе автора *Ульзданаго города*; ибо послѣ того, хотя, кромѣ упомянутыхъ піесъ, онъ обогатилъ свой репертуаръ вѣсколькими пріятными комедіями: *Г. Мюзаръ*, *Старый актеръ*, *Актъ рожденія*, *Сплетни*, въ особенностіи *Свадьба безъ брака*, но, при всей легкой игривости, талантъ его чрезъ то не возвысился. Даже стали упрекать его въ истощеніи за слишкомъ обильную производимость, какъ онъ въ *Кукольной комедіи* обнаружилъ силу и объемъ таланта, которыхъ въ немъ не предполагали.

Отъ *Ульзданаго города* къ *Кукольной комедіи* успѣхъ очевиденъ, ибо здѣсь переходя отъ тѣхъ мѣстныхъ и случайныхъ формъ, которыя долгое время удерживали его на виѣнскихъ сторонахъ общества, взглядъ поэта проникаетъ до глубины человѣческаго сердца, раскрываетъ въ немъ вѣчныя пружины его страстей и заблужденій. Основа его піесы была вѣрна, и тѣмъ болѣе ее рассматривашь, тѣмъ болѣе удивляешься силѣ изобрѣтенія Пикара. Въ самомъ дѣлѣ, какія средства оставались еще для комедіи съ характерами? Его

Рѣзкіе очерки, мастерски изображенные, могли лишь повториться въ блѣдныхъ копіяхъ. Что можно было лучше придумать, дабы придать болѣе выпуклости лицамъ, безъ того блѣднымъ и обыкновеннымъ, какъ не одинъ изъ тѣхъ ударовъ судьбы, внезапное потрясеніе котораго извлекаетъ человѣка изъ его вседневнаго положенія, и возстаетъ ли онъ или падаетъ, возбуждаетъ въ немъ чрезвычайное движение. Еще болѣе, если эта игра судьбы, касаясь въ одно время двухъ людей, сближившихся по случаю обстоятельствъ, разоряетъ одного и обогащаетъ другаго, какія новыя противоположности могутъ родиться отъ такого сближенія. Эту пружину, однажды заведенную и сильнопущенную, Пикаръ доводитъ до послѣднихъ ея оборотовъ. Онъ подчиняетъ ей всѣ движения своихъ выпускныхъ людскихъ куколъ, непрестанно волнуемыхъ приливомъ и отливомъ счастія. По этому случаю обвинили автора въ томъ, что онъ унижаетъ человѣчество, покоряя его совершенно однимъ побужденіемъ своеокорыстія. «Ваша комедія вѣрна, писали ему, по огорчительна.» На что Пикаръ имѣлъ право отвѣтить, намъ кажется, такъ: «Если она вѣрна, то я достигнула своей цѣли; если огорчительна, то я ли въ томъ виновенъ?» И такъ, онъ сдѣлалъ хорошо, сохранивъ первоначальный свой планъ. Если бы онъ ввелъ роль резонера, спонка нечувствительного къ злополучію, какъ и счастію, такое лицо, совершенно противоположное комическому духу, единственно замедлило бы столь увлекающій ходъ дѣйствія; но, можетъ быть, онъ не довольно отчетлисто заклеймилъ каждую изъ формъ, выказывающую, по свойству характеровъ, эту жажду богатствъ. Что всѣ его лица любить деньги, неѣть ничего естественнѣе; но всѣ онъ любить ихъ одинаковымъ образомъ и не изъясняютъ намъ тайныхъ побужденій, столь тѣсно связанныхъ съ слабостями человѣка и привлекающихъ

его къ средствамъ удовлетворять ихъ. Дайте Молиеру то же положеніе, какой свѣтъ разлился бы на характеры и означилъ бы всѣ оттѣнки ихъ! Пикару недоставало этой глубокой и окончательной отдѣлки. Но онъ весьма живо схватилъ и выразилъ самымъ драматическимъ образомъ восторги упоенія или порывы отчаянія, возбуждаемые въ людяхъ обогащеніемъ или разореніемъ. Завязка его столь крѣпко связана, что нельзя отѣлить одной нити, не распустивъ цѣлой піесы. Здѣсь очевидно обнаруживается то единство видовъ (*unité de vues*), которое направляетъ всѣ превращенія на сцѣнѣ къ одной перспективѣ, и о которомъ Лемерсье замѣтилъ, что оно составляетъ одно изъ отличительныхъ качествъ автора *Уезднаго города, Кукольной комедіи и Вангла*.

Онъ могъ бы къ нимъ присовокупить еще *Погудки и Старую тетку* — противную сторону *Кукольной комедіи*, но въ которой повтореніе того же мотива скрывается подъ самыми замысловатыми измѣненіями. Эту фортуну, около которой авторъ заставляетъ еще вращаться своихъ лицъ, онъ удачно здѣсь олицетворяетъ подъ чертами своенравной барыни или старой тетки, которая водитъ за носъ побочныхъ родственниковъ, привязанныхъ къ ней обѣщаніями духовнаго завѣщанія.

Duceris ut nervis alienis mobile lignum можно еще сказать имъ, ибо сколько заключается въ одномъ стихѣ Гораций, особенно когда онъ объясняетъ такимъ блестательнымъ и замысловатымъ комментариемъ! Но не справедливѣе ли приписать вдохновенія не столько Римскому поэту, сколько вліяніямъ эпохи, столь обильной переворотами всякаго рода, добычи своенравной фортуны, которой безпрерывное непостоянство, казалось, играло людьми и ихъ расчетами. Тогда обстоятельства дѣйствовали самовластно, и не было препятствія, которое не сокрушилось бы или не уступило ихъ усилиямъ. Оттого боль-

шюю частью скоро утомлялись отъ неровной борьбы и, подобно флюгеру, выпущеннымъ кукламъ, дѣйствующимъ по волѣ другаго, увлекались непреодолимымъ течениемъ событий.

Тогда-то Пикаръ отдалъ на сцену *Кукольную комедію* и *Погудки*. Конечно, онъ не хотѣлъ въ нихъ потворствовать, какъ придворный, а между тѣмъ весьма понравился тому новому любимцу судьбы, который извлекая пользу изъ прошедшихъ переворотовъ, имѣлъ дѣло уже съ характерами укroщенными, и которые онъ безъ труда подвергъ ярму самовластия. Но вмѣстѣ съ свободою угрожала исчезнуть и преданность. За неимѣніемъ столь сильного побужденія, титла и богатства сдѣлались пружинами нового правительства, и Наполеонъ умѣль двигать ими, какъ достойный ученикъ Макіавеля. Такимъ образомъ ничто не могло быть сообразище съ его видами, какъ комедія, въ которой представляли фортуну самовластительницею и рычагомъ всѣхъ дѣяній человѣческихъ. Наполеонъ не видѣлъ, или не хотѣлъ видѣть, что въ этомъ случаѣ авторъ написалъ сатиру, а не похвальное слово человѣчеству. Онъ привѣтствовалъ Пикара и далъ ему крестъ почетнаго легіона, вмѣстѣ съ пенсиономъ въ шесть тысячъ франковъ. Но онъ оказалъ ему непріятную услугу, переведя его изъ театра Лувра въ Академію. Съ тѣхъ поръ Пикару рѣдко удавалось попадать на прежніе свои хорошия пріиски. Жизнь актера была ему необходима, и притомъ онъ дышалъ такъ свободно въ театрѣ Лувра, имъ созданномъ, гдѣ онъ былъ уважаемъ, любимъ, коего самыя превратности возбуждали непрестанно его вдохновеніе. Но между Институтомъ и театромъ предубѣжденіе повелѣвало ему слѣдать выборъ. Онъ избралъ Институтъ; тѣмъ хуже было для него и для насть. Однимъ титломъ болѣе при недочетѣ пѣсколькихъ хорошихъ піесъ, вѣсъ неровный.

Онъ былъ принятъ въ Ноябрѣ 1805, на мѣсто Дюро-де-ла Маля. Въ Академію въ этотъ день вступали три новые Академика: Ренуаръ, Ложонъ и Пикаръ, которые, по необходимости, должны были ограничить свои рѣчи обычными привѣтствіями. Однако надѣялись, что Пикаръ будетъ разсуждать о комедіи. И дѣйствительно, онъ коснулся ея въ нѣсколькихъ словахъ, какъ бы изъ приличія; но въ нихъ вѣтъ той проницательности критического ума, которую находимъ въ предисловіяхъ его сочиненій и немногихъ отдельныхъ статьяхъ, обѣ основаніяхъ искусства, котораго теорію и практику онъ обладалъ. Предисловія, въ которыхъ Пикаръ разбираетъ себя по совѣсти, замѣчаєтъ свои преимущества и признается въ ошибкахъ съ прелестнымъ простодушіемъ, составляютъ самое пріятное чтеніе. Конечно, при болѣе строгомъ разборѣ, можно было бы замѣтить еще пѣсколько слабостей отеческой нѣжности, но они проис текаютъ отъ привязанности самой законной, такъ рѣдко погрѣшаютъ противъ безпристрастія и проницательности критика, что поневолѣ откажешься отъ такого предпріятія, особливо, когда вспомнишь спѣсь или наглую скромность нѣкоторыхъ предисловій того времени. Мимоходомъ, и при самомъ разборѣ своихъ піесъ, Пикаръ касается до пѣкоторыхъ вопросовъ, болѣе обширныхъ, и при этихъ встрѣчахъ, его вѣрный умъ вдетъ всегда прямо къ цѣли. Но для полнаго его объема, надо бѣро прочесть его статью *Комедія* (въ *Новой Энциклопедіи Куртеная*). Говоря правду, со стороны учености предметъ скоро исчерпанъ. Пикаръ заключаетъ всю комедію въ Моліерѣ; онъ удачно изъясняетъ тайны его удивительныхъ произведеній, и строго извлекаетъ изъ нихъ всѣ правила драматического искусства, при изображеніи характеровъ и вправовъ, или ученомъ расположеніи завязки. Хотя онъ выводить исторію комедіи не съ начала, не менѣе того Пикаръ

объясняет ее подъ всѣми формами и до послѣднихъ ея предѣловъ. Оттого, что Молиеръ легко освобождалъ его отъ Плавата, Теренція и даже Аристофана, Молиеръ, предметъ постоянныхъ его изучений, къ которому онъ питалъ родъ удивленія, легко превращающагося въ фанатизмъ, когда живешь въ тѣсномъ союзѣ съ такимъ обширнымъ и сочувственнымъ геніемъ. Надобно видѣть за то, какъ ловко указываетъ онъ на ошибки профессора Шлегеля, впрочемъ также замѣчательнаго критика и рассматривающаго автора Мизантропа, съ оригиналной точки зрѣнія.

Но эти предпочтенія Пикара не заключали въ себѣ ничего близорукаго и предубѣдительнаго. Онъ, по справедливости, цѣнилъ произведения Нѣмецкаго Театра, доступъ къ которому въ первой его молодости открыли переводы Бонневилля. Онъ зналъ Шекспира и сравнивалъ его съ Корнелемъ. Когда новая школа начертила на знамени своеимъ имена Англійскаго поэта, Гёте и Шиллера, на перескорь столькихъ другихъ, Пикарь не былъ безмолвнымъ зрителемъ, и заклеймивъ нововводителей нѣсколькоими эпиграммами, по праву своему автора комического, онъ ожидалъ ихъ въ дѣйствіи, для окончательнаго суда. Нисколько не завидуя этимъ новымъ поэтамъ, которыхъ онъ видѣлъ уже выростающими подлѣ себя, онъ принималъ ихъ съ отеческою благосклонностію и помогалъ имъ, сколько отъ него зависѣло; въ послѣдній періодъ его жизни, гдѣ мы за пимъ теперь слѣдимъ, если дарование его блѣднѣеть и иногда затмѣвается, его привязанность, преданность къ театру остаются всегда неизмѣнными, и увлекаютъ его, съ такимъ же усердiemъ и готовностію, ко всему, что можетъ увеличить его блескъ. Съ своей стороны, онъ держался на театрѣ до конца, служа ему вліяніемъ своихъ примѣровъ и послѣдними торжествами, вознаградившими

его вскорѣ за жестокую неудачу *Средствъ къ соглашенію совѣсти* (*Capitulations de conscience*).

Какъ Академикъ, Пикарь почель обязанностю написать эту піесу въ стихахъ и работать надъ нею добросовѣстно. Но онъ не могъ быть самъ при ея постановкѣ, направлениіи актеровъ и расположениіи въ свою пользу своеиравнныхъ случаевъ успѣха. Занималась управлениемъ оперы, гдѣ онъ терзался съ богами пѣнія и богинями балета, онъ, безъ сомнѣнія, болѣе сожалѣлъ о театрѣ Лувра, видя такой худой успѣхъ на Французскомъ Театрѣ. Его піесу даже не слыхали за шумомъ свистковъ, безпощадно ее поразившихъ. Пикарь не призналъ себя побѣженнымъ, и на этотъ разъ отъ происковъ партера возвзвалъ къ беспристрастію читателей, которыхъ мнѣніе подтвердило достоинство его піесы. Не смотря на то, и хотя искусное расположеніе содѣйствуетъ развитію характеровъ, Пикарь остается ниже предмета, превосходящаго его силы. Однинъ только авторъ Тартюфа могъ проникнуть въ тайные изгибы совѣсти, обличить ощущительно тонкость софисмовъ, столь хитросплетенныхъ, что они ускользаютъ иногда отъ самого строгаго разбора и приводятъ насъ въ заблужденіе, безъ нашего вѣдома. Пикарь вполвину только достигнуль своей цѣли, и его дѣйствующія лица весьма часто разсуждаютъ, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать. Но его Дескобарь, прокуроръ и истолкователь недумѣній, что почти одно и то же, весьма забавный оригиналъ; онъ самъ утонченнымъ образомъ выводить тѣ небольшия обманы, которыми сопровождается всякое званіе, *выразенія*, *свойственные каждому ремеслу* (*idiotismes du mѣtier*), какъ остроумно называетъ ихъ Дiderotъ, по силѣ которыхъ обкрадываютъ своихъ клиентовъ или знакомыхъ въ полной увѣренности совѣстливости. Это былъ смѣлый шагъ для комического поэта поразить такимъ образомъ всѣхъ, и ему должно бы-

ло заплатить падениемъ за почтенное дерзновеніе своей отваги. Но вражда партнера не выдержала противъ забавныхъ комедій: *Молоридскій Алькаадъ и Праздные люди*, прелестныхъ очерковъ людей, достойныхъ осмѣянія, схваченныхъ съ патуры; обѣ комедіи были хорошо приняты и часто повторялись съ удовольствіемъ. Отдыхая за такими піесами, Пикаръ не терялъ надежды приступить еще къ большой комедіи; но ему въ томъ воспрепятствовали на иѣкоторое время события 1814 и 1815 годовъ и заботы при новомъ управлении Одеономъ, въ 1816.

Будучи просто ученымъ человѣкомъ, Пикаръ участвовалъ какъ зритель, но какъ зритель живо пораженный и увлеченный, въ ужасной развязкѣ революціонной драмы. Утомленный, подобно многимъ другимъ, игомъ Имперіи и ненасытными ея требованіями, онъ окотно присоединился къ новой власти, и мы читаемъ въ Журналѣ Преній 15-го Юна, 1814 г.: «Г. Пикаръ имѣлъ честь представляться Королю и поднести Его Величеству экземпляръ своего Театра», за что авторъ *Кукольной комедіи* попалъ въ словарь флюгеровъ (*Dictionnaire des girovettes*). Глава его, впрочемъ, весьма краткая; ибо . не вертясь непрестанно по всѣмъ вѣтрамъ, Пикаръ какъ скоро видѣлъ ходъ дѣль, внезапно поворачивалъ, и романомъ или комедію открыто нападалъ на современные пороки или смѣшныя стороны. Онъ первый, въ Господинѣ *Буленвилль*, произнесъ на сценѣ слова: избиратель и конституціонный депутатъ. Это самая рѣзкая, впрочемъ, черта его комедіи, въ которой Пикаръ криво понялъ замысловатость предмета, заимствованного имъ у Фильдинга; но обращая его со всѣхъ сторонъ, онъ нашелъ матеріаль для двухъ другихъ комедій: *Два Филибера* и *Вангла*, и на этотъ разъ попалъ вѣрю.

Завязка *Двухъ Филиберовъ* самая забавная. Она, правда, выкупаетъ весь комісмъ піесы, которой главное лицо не

иное что, какъ одинъ изъ тѣхъ любезныхъ повѣсь, коихъ столько видно на театрѣ. Не таковъ *Вангла*, самый оригиналъ изъ характеровъ Пикара и который онъ глубоко изслѣдовалъ, ибо этотъ *Вангла* типъ, живое выраженіе такого множества людей, ретивыхъ къ добру или худу, увлекаемыхъ поперемѣнно изступленіемъ головы или чувствъ, или порывами благороднаго сердца. Здѣсь завязка незначительна; но она тѣсно соединена съ ходомъ главнаго лица, располагающаго всѣми положеніями и сосредоточивающаго ихъ вокругъ себя въ поразительномъ единству. Никогда, говорю, Пикаръ не создавалъ ничего сильнѣе и окончательнѣе; никогда онъ не проникалъ такъ глубоко въ сердце человѣческое.

Однако жъ эта піеса не имѣла такого успѣха, какъ *Два Филибера*; хотя иѣкоторые журналисты полагаютъ ее въ числѣ лучшихъ піес Пикара, но публика приняла ее холодно, и не возвращалась къ ней. Родъ немногого угрюмый, незначительность второстепенныхъ характеровъ *Вангла* отчасти объясняютъ это равнодушіе. Но скоро долженъ былъ прійти день, въ который зависть восторжествовала надъ славою поэта, столь долгое время се обезоруживавшею, но не побѣдившею. Пикаръ съ горестью почувствовалъ ея нападки; природная его веселость, выражавшаяся на лицѣ, постепенно помрачилась задумчивостью, которую столь трогательно изображаютъ уже слѣдующія строки предисловія *Вангла*:

«Чтобы заслужить похвалу отъ полноты сердца, надо быть молодымъ человѣкомъ или семидесятилѣтнимъ старикомъ; я насладился первымъ временемъ и ожидаю втораго съ иѣкоторою надеждою и большимъ страхомъ.»

Этого послѣднаго времени своей жизни, которое, безъ сомнѣнія озарилось бы славою, Пикаръ не достигъ, истощенный прежде старости сердечными ранами и усилиями пожирающей дѣятельности. Ты-

сяча неприятностей, одна за другою, поражали его. При его глазахъ пламя истребило Одеонъ, и хотя онъ съ усилиемъ возобновилъ его подъ именемъ *Втораго Французскаго Театра*, но чего не дѣлали для отвлечения его отъ этого предпріятія? Въ то же время семейственныя несчастія произали его сердце. Женившись въ другой разъ, Пикаръ пережилъ вторую свою жену, еще прелестную и въполномъ цветѣ молодости. Она оставила ему дочь, къ которой онъ питалъ сильнѣйшую отцовскую нѣжность, но которая была слишкомъ еще молода, чтобы наполнить пустоту его сердца.

За недостаткомъ счастія, отъ него убѣгавшаго, Пикаръ призвалъ къ себѣ на помощь трудъ, и предался ему до чрезмѣрности. Освободившись наконецъ отъ должности директора, этого преиздевременного чистилища, по выражению его, онъ съ неутомимою дѣятельностью принялъ за романы и комедіи. Но, должно сказать, эти послѣднія сочиненія отзываются поспѣшностью и преждевременнымъ истощенiemъ его ума. Хотя онъ присоединилъ къ себѣ сотрудниковъ съ умомъ живымъ и отличнымъ, а именно Мазера и Ампи (*Mazéres, Empis*), но Пикаръ лишь повторялъ себя. Умъ и веселость замѣтны въ послѣдніхъ его произведеніяхъ; но въ нихъ нѣтъ оригинальности въ созданіяхъ, простодушія и выпуклости слога, столь ярко отличающихъ его репертуаръ Театра Лувуа.

То же и въ романахъ его. *Жилблазъ революціи*, напримѣръ, что такое, какъ не Кукольная комедія, приложенная къ событиямъ историческимъ, и которой пружина, натянутая здѣсь черезъ чуръ, отнимаетъ у дѣйствующихъ лицъ всю свободу ума и поступковъ. Это, если смыю сказать, выпускныя куклы по системѣ, вынужденныя при всякой перемѣнѣ въ революціи одѣваться по современной модѣ и въ такой же цветѣ. Пикаръ не болѣе успѣлъ въ передѣлкѣ *Ванга* въ *Габриель*

Дезобри, или *Изступленный*. Наконецъ его Честный человѣкъ, или простакъ изображаетъ только Альцеста (*Кругона*) мышаниномъ, блѣдную копію живаго пародокса Моліерова генія. Но упоминая о недостаткахъ въ расположении и характеристикахъ, необходимо указать въ этихъ романахъ на подробности, острая наблюденія, которыми усыпаны почти всѣ страницы. Сюда должно присовокупить *Записки Жака Фовеля*, произведеніе изящнаго слога, отличающее дѣятельное сотрудничество Дро. Первыя части доставляютъ увлекательное чтеніе, гдѣ очень остроумно изображены неудачные похожденія повѣсъ, ушедшаго изъ школы. Наконецъ мы не можемъ умолчать о *Людяхъ высшаго и низшаго круга общества* (*les Gens comme il faut et les petites gens*): съ проницательнымъ взглядомъ, Пикаръ разбираетъ три класса общества: высшій, средній и низшій, и такимъ образомъ прямо доходитъ до своей комедіи: *Три квартала* (*Trois Quartiers*).

Комедія сія, написанная хотя при пособії Мазера, достойнымъ образомъ заключаетъ драматическое поприще Пикара. Это картина нравовъ, какую онъ писалъ только въ лучшее свое время, исключая, можетъ быть, нѣкоторую вольность выраженій, весьма часто приносимую въ жертву для игры словъ или для эпиграммы. Впрочемъ, планъ заключалъ въ себѣ столь много лицъ и обстоятельствъ, что сочинители не могли совершенно отчетливо изобразить характеры. Изъ нихъ самый правдоподобный, наиболѣе рѣзкий характеръ ловкаго пройдохи, который находимъ въ каждомъ изъ трехъ кварталовъ, и который принадлежитъ всѣмъ партіямъ, гдѣ лишь были бы обѣды. Въ другихъ лицахъ мы, конечно, узнаемъ подлинники, вѣрно заимствованные изъ разныхъ слоевъ Парижскаго общества, но они не представляютъ намъ отдельнаго характера, и который можно было бы постигнуть въ

смѣшныхъ сторонъ, неразлучныхъ съ званиемъ или мѣстностю.

Впрочемъ, кроме нѣсколькихъ блестательныхъ исключеній, этотъ недостатокъ скрывается во всемъ театрѣ Пикара, и поставляетъ его во второй разрядъ. Его дѣйствующія лица правдоподобны, но большою частью правды относительной или поверхностной; если отѣлить ихъ отъ времени и мѣсть ихъ жительства, то они исчезаютъ, какъ тѣни прошедшаго и принадлежать только исторіи. Самъ Моліеръ, конечно, началъ комедію нравовъ, ибо *Жеманицы* (*les Précieuses ridicules*) не заслуживаютъ другаго названія. Но когда онъ явилъ, въ Ученыхъ эсепцинахъ, со всемогуществомъ своего генія, кисть, уже столь сильную, въ сколькихъ характеристикахъ онъ строистъ (*doubla*), если смѣю сказать, эти странности ума, которыхъ находилъ онъ въ свое время! Никогда комедія Пикара не достигала такой степени прочности и глубины. Но вдали отъ Моліера,

остается еще почетное, даже славное мѣсто для сочинителя *Вангла и Кукольной комедіи*. У Пикара дарование поэта было непрестанно одушевлено качествами человѣка честнаго. Не усиливая замашки (*allures*) комедіи, и не простирая ее до педантисма, тѣмъ не менѣе онъ нападалъ на пороки и преступленія, доступныя ему съ ихъ смѣшной стороны. Другъ Андріѣ и Колленъ д'Арлевилля, Дюссиса и Дро, Пикаръ оставилъ послѣ себя лишь почтенные и пріятные воспоминанія. Когда въ Декабрѣ 1828 преждевременная смерть похитила его на 58-мъ году, потеря эта возбудила всеобщее сожалѣніе. За комедію, какою оставилъ намъ ее божественный Моліеръ, Пикаръ умѣль взяться и продолжать въ степени низшей, правда, но съ дарованіемъ, которое его преемники, сколь бы ни были острумы и замысловаты, не должны оставлять въ забвѣніи.

ПАРИЖСКИЕ ТЕАТРАЛЬНЫЕ НРАВЫ.

МАТЬ АКТРИСЫ (*).

Мать актрисы обыкновенно называется мадамъ де Сентъ-Роберь, или, какъ нибудь въ этомъ родѣ. Ей подъ пятьдесят лѣтъ. Она обладаетъ остатками чувствительного сердца и дочерью, въ которой заключаются все ся надежды. Мадамъ де Сентъ-Роберь, въ старые годы, была или淑реткою въ одной изъ тѣхъ труппъ, которая приводить въ восторгъ цѣлые го-

рода, подобные Вестри-ле-Франсе, Кемперъ-Корантену и д'Уденару, или записью кокеткою, которой удалось наконецъ получить мѣстечко въ лоттерейной конторѣ, по протекціи одного старого кавалера Св. Лудовика. Наконецъ мадамъ де Сентъ-Роберь ничто иное, какъ экс-приятница въ улицѣ Кокнаръ, которая «не показываннаго на свѣтѣ», какъ увѣряютъ

(*) Статья эта написана Г. Куазъакомъ и заимствована нами изъ книги Кюрмера, «les Français peints par eux-mêmes.»

ея знакомая, для того, чтобы поместить свою дорогую дочку в один из классов консерватории, и тем самым обезпечить ей блестящую будущность. Но мадам де Сент-Робер не признается ни в одном из трех приведенных нами происхождений; съ тѣхъ поръ, какъ ея Аврелия дебютировала съ некоторымъ успѣхомъ на сценѣ, всѣ эти происхождения кажутся ей слишкомъ низкими. Ей подобно что нибудь повыше. По этому поводу она разсказываетъ всѣмъ и каждому особенную исторію, которую ей сочинилъ какой-то публичный писецъ, и которую она вытвердила отъ слова до слова.

Изъ этой исторіи оказывается, что Г. де Сент-Роберъ былъ однимъ изъ высшихъ офицеровъ старой гвардіи. Природа одарила его такою счастливою наружностью, что въ полку его звали не иначе, какъ «прекраснымъ Сент-Роберомъ.» Если вѣрить словамъ мадамъ де Сент-Роберъ, даже самъ маленький капраль не упускалъ случая потрепать по щечкѣ прекрасного офицера всякой разъ, когда осматривалъ гвардію. «Всѣ эти обстоятельства убѣдили меня наконецъ отдать ему руку и сердце,» всегда прибавляла рассказчица, «не смотря на сопротивленіе моихъ родителей, людей высокомѣрныхъ и гордыихъ, которые только что возвратились изъ эмиграціи. Аврелия была первымъ плодомъ нашей любви. Бѣлое дитя!... Судьба слишкомъ рано отняла у нее юнаго отца. При этихъ словахъ, мадамъ де Сент-Роберъ обыкновенно вынимаетъ изъ ридикюля огромный клѣтчатый синий платокъ, и отираетъ имъ двѣ крупныя слезы, которая текутъ по морщинистымъ щекамъ ея. Большой Наполеонъ замышлялъ тогда свой злополучный походъ въ Россію. Мой мужъ былъ въ авангардѣ, вошелъ въ Москву первый и вышелъ послѣдній. Судьба готовила ему хладную могилу въ степяхъ Россіи! Онъ погибъ при переправѣ черезъ Березину, погибъ смертию героя! Онъ совсѣмъ уже пере-

плылъ рѣку, ему оставался только одинъ шагъ до противоположнаго берега. Вдругъ позади его раздается пронзительный вопль: одинъ изъ его товарищъ погибаетъ въ волнахъ, онъ спѣшитъ спасти его, и, великодушный человѣкъ! погибаетъ вмѣстѣ съ нимъ.» (Тутъ мадамъ де Сент-Роберъ опять вытаскиваетъ изъ ридикюля свой клѣтчатый платокъ, и отираетъ имъ двѣ новыя слезы).

«Оставшись вдовою, я посвятила себя на воспитаніе моей Аврелии. Я постоянно внушиала ей правила нравственности и любовь къ искусствамъ. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ, моя Аврелия показывала необыкновенное расположение къ театру, и я рѣшилась предоставить ей драматическое поприще, не смотря на сопротивленіе всей нашей сильной родни. Едва имя Аврелии де Сент-Роберъ показалось въ афишѣ, какъ я получила письмо изъ Вѣны, письмо отъ моей кузины, Памелы, которая вышла замужъ за Венгерскаго Магната. Письмо это было полно обидъ и оскорблений, и я не замедлила представить его комиссару полиціи.»

Тутъ мадамъ де Сент-Роберъ вынимаетъ свою табакерку,нюхаетъ табакъ и сморкается съ оглушительнымъ шумомъ. Этимъ маневромъ она всегда заключаетъ свою исторію.

Кто хотѣлъ насладиться самымъ любопытнымъ зрѣлищемъ, тому надобно было видѣть мадамъ де Сент-Роберъ падругой день послѣ первого счастливаго дебюта ея Аврелии. Какая радость въ глазахъ! Какое выраженіе восторга въ ея физіономіи! Какая живость въ походкѣ! Въ этотъ день она встала въ пять часовъ утра и перебудила всѣхъ, отъ привратника и мелочнаго торговца, до мясника и коммиссіонера; она всѣмъ имъ кричала о блестящемъ успѣхѣ своей Аврелии. «Ахъ, друзья мои, если бъ вы знали.... какой дебютъ! Какое торжество!.. какіе аплодисменты! оглушающіе, безконечные аплодисменты!.. Во всю жизнь мою я

не видывала такого успеха! Самъ директоръ, прекрасный, благородный человѣкъ, говорилъ мнѣ, что онъ никогда не слыхалъ такого грома рукоплесканій въ залѣ Театра Амбигю. А сколько цветовъ, сколько комплиментовъ! Авторъ піесы былъ во все время какъ на огнѣ!... Онъ не зналъ, что дѣлать отъ радости. Онъ расцѣловалъ мою Аврелію, онъ называлъ ее своимъ ангеломъ спасителемъ. Гмъ!... Ангеломъ спасителемъ!... Какова честь для Авреліи!... Теперь мы заключили контрактъ съ директоромъ.... пятьдесятъ франковъ въ мѣсяцъ съ его костюмомъ и обувью.... кажется не дурное вознагражденіе за всѣ мои заботы и пожертвованія! Чортъ возьми! Аврелія танцевала какъ амуръ и пѣла какъ соловей. Что у ней за ножка! что за шейка! Я была въ восторгѣ, я не помнила сама себя отъ восхищенія. Въ третьемъ актѣ со мной сдѣлалось дурно, и я бы непремѣнно упала, если бъ меня не поддержалъ служитель изъ пожарной команды. Вотъ-съ какъ!»

Это «вотъ-съ какъ» сдѣлалось любимою поговоркой мадамъ де Сентъ-Роберъ.

Послѣ первыхъ минутъ радости наступили минуты гордости. Мать актрисы, которая до сихъ поръ называлась просто мадамъ Роберъ, находить, что это имя слишкомъ обыкновенно. Съ этой минуты она дѣлается аристократкою, прибавляетъ къ своей фамиліи частицу *de* и слово *Сентъ*, т. е. называется мадамъ де Сентъ-Роберъ, вдовою де Сентъ-Робера, офицера старой гвардіи, который, и пр. и пр. (зри выше.) Перемѣна названія неизбѣжно влечетъ за собою и перемѣну квартиръ. Иначе, какимъ образомъ заставить всѣхъ знакомыхъ кумушекъ звать себя вместо прежняго *Mame Robert*, мадамъ де Сентъ-Роберъ, именемъ длиннымъ какъ мила! Какимъ образомъ ей задавать тонъ и гордо поднимать голову въ томъ перелѣкѣ, гдѣ всѣ привыкли ее видѣть въ нуждѣ и въ бѣдности, гдѣ ее каждый чѣмъ нибудь обязывалъ, гдѣ она задолжала

всѣмъ цѣѣточницамъ, всѣмъ торговцамъ, этимъ великимъ заглушителямъ самыхъ ничтожныхъ требованій!...

Въ слѣдствіе сего, Сентъ-Роберъ переѣждаетъ въ улицу, отдаленную отъ прежней ея квартиры.

Тутъ начинается перемѣна въ образѣ жизни. Она торжественно оставляетъ свои прежнія ремесла, иголку штопальщицы и шнурокъ привратницы. Она облекается въ свой огромный, шерстяной, полосатый платокъ *цвѣта Robin des bois*, и ежедневно сопровождаетъ свою дочь на репетиціи, на представлениія. Она днемъ и ночью бдитъ надъ своимъ сокровищемъ, изъ опасенія, чтобы у ней его не похитили. Больше всего, она опасается сердечныхъ шалостей и любовныхъ интригъ: она готовить своей Авреліи самую блестящую будущность. Въ этой горячкѣ материнскаго честолюбія, она, безъ церемоніи, выдаєтъ свою дочь за какого нибудь *Англійскаго милорда*, или за какого нибудь *Італіянскаго барича*, прекраснаго какъ Амуръ и богатаго какъ Крезъ. Она заранѣе одѣваетъ ее блондами, украшаетъ брилліантами, сажаетъ въ великолѣпные экипажи, и величаетъ ея сіятельствомъ или ея свѣтлостію. Послѣ этого, какъ же не бояться ей какого нибудь актера, уличнаго волокиты, который одними сладкими взглядами и медовыми фразами могъ бы разрушить всѣ ея воздушные замки, всѣ великолѣпныя подмостки ея надеждъ. Она не отпускаетъ отъ себя Авреліи ни на шагъ: она слѣдить за нею въ фойе, въ ложѣ, на сценѣ, въ кабинетѣ директора. Она оставляетъ ее только въ ту минуту, когда Аврелія показываетъ публикѣ; но и тогда она останавливается не иначе, какъ на самыхъ крайнихъ границахъ, которыя отдѣляютъ сцену отъ кулисъ. Больше всего на свѣтѣ она опасается водевилистовъ, журналистовъ и партерныхъ львовъ: это самый опасный народъ въ ея мнѣніи. Если видѣть, что кто нибудь изъ этихъ господъ заводить

съ ея Аврелію разговоръ, она непремѣнно вмѣшивается и прерываетъ его. Но, Аврелія женщина и къ тому же актриса, а актриса и женщина сдва ли не лукавѣ самаго дівола: Аврелія попадается въ сѣти, попадается если не на удочку сердца, такъ на удочку самолюбія, и въ то время какъ мадамъ де Сентъ-Роберъ наблюдаетъ за Алфредомъ Рессижакомъ, молодымъ редакторомъ журнала *Vert-Vert*, котораго излишніе комплименты, расточаемые передъ Аврелію, ей не по сердцу, Аврелія попадается въ сѣти, разставленныя ей Карломъ Лутто, авторомъ эксцентрическихъ драмъ и львомъ первой степени съ огромною черною гривою. Приманкою послужила роль въ драмѣ. Ни какая тайна не удерживается на театральныхъ подмосткахъ, и на другой день въ фойе, за кулисами и на аванъ-сценѣ только и толковъ, что о паденіи жестокой и неприступной Авреліи. Такъ какъ въ чувствительныхъ сердцахъ и въ злыхъ язычкахъ нигдѣ нѣтъ недостатка, а тѣмъ болѣе на сценѣ, подъ плащемъ арлекина, то и зло-получная новость ни мало не обезпокоила мадамъ де Сентъ-Роберъ. Мадамъ де Сентъ-Роберъ не похожа на мать-Примянку; она не падаетъ втраура, не распуститъ волосъ, не посыплетъ голову пепломъ, не умретъ съ голода; она даже не проклинаетъ никого, не льетъ горкихъ слезъ. Получивши горестное извѣстіе, она улыбается и называетъ длинногриваго драматурга «шалуномъ». Она объ этомъ не говорить ни слова Авреліи, вѣдь по неволѣ соглашаешься съ тѣмъ, что сдѣлалось противъ воли: мадамъ де Сентъ-Роберъ вѣрить этой пословицѣ. Отнынѣ глаза мадамъ Сентъ-Роберъ устремлены къ другой цѣли. Отнынѣ она начнетъ располагать свою жизнь, устроивать свою будущность сообразно съ обстоятельствами. Она начинаетъ бредить ужъ не о супругѣ. Теперь она бредитъ только покровителемъ. Отнынѣ материнскую любовь ея, уже лишеннюю первобытной чи-

стоты, пробило насквозь самолюбіе; теперь ея личныя выгоды нераздѣльны съ выгодами дочери; теперь она уже не бредитъ во снѣ ни объ «Англійскомъ Милордѣ», ни о баричѣ, прекрасномъ какъ Амуръ и богатомъ какъ Крезъ; теперь ей представляется Голландскій или Французскій банкиръ съ огромною лысиною па головѣ и съ огромнымъ брюхомъ. Но для этой бочки съ золотомъ надо必不可少 очистить мѣстечко; надо必不可少 устранить счастливаго временщика Карла Лутто, автора эксцентрическихъ драмъ и льва первой степени съ огромною черною гривою. Для этого мадамъ Сентъ-Роберъ употребитъ въ дѣйство всю злобу, которую съ избыткомъ надѣлило ее небо. Она посылаетъ счастливаго любовника въ Луксембургскій Садъ, въ то время, какъ ея Аврелія прогуливается въ Тюльери; она предлагаетъ ему прогуляться съ нею и показать ей Лукзорскій Обелискъ или Триумфальную Арку; она безпрестанно говорить ему о долгахъ ея дочери и пересыпаетъ свои жалобы безчислennыми *ахъ!* и *увы!* она запираетъ у него подъ восьмь дверь, и на другой день уверяетъ его, что приняла его за кредитора. Желаніе мадамъ Сентъ-Роберъ скоро увѣличивается полнымъ успѣхомъ. Безпрестанная воззванія къ опустѣлому кошельку драматурга, сентиментальная прогулка съ мадамъ Сентъ-Роберъ и холодный пріемъ Авреліи, которую она уже успѣла посеять съ нимъ, все это выводить наконецъ изъ терпѣнія длинногриваго драматурга. Въ одно прекрасное утро онъ исчезаетъ; и вотъ, спустя нѣсколько дней, на томъ же самомъ мѣстѣ скромнаго дивана, покрытаго желтымъ калико, появляется толстая фигура на коротенькихъ ножкахъ. Это банкиръ. Кредиторы удовлетворены, мебель обновлена, и Индійскій камешмиръ замѣнилъ простенъкое терно. Мадамъ де Сентъ-Роберъ торжествуетъ.

Мы остановимся и сдѣляемъ маленькое отступление. Въ этомъ мѣстѣ нашего раз-

сказа сливаются въ одно цѣлое два вида матери актрисы, мать настоящая, мать чистой крови, мать-мать, если такъ можно выразиться, и мать заемная.

Мы сейчасъ объяснимъ вамъ, что значитъ заемная мать. На Парижскихъ мостовыхъ нерѣдко встрѣчается особенная и довольно многочисленная порода старухъ. Вы ихъ сейчасъ отличите по ихъ угреватому носу и по подбородку, похожему на истасканную галошу. У нихъ, какъ говорится, нѣть ни рода, ни племени. Никто не зналъ ихъ предковъ, никто не видаль ихъ молодости, никто не знаетъ, какъ они появились. Всего вѣришь они упали съ неба, какъ лягушки, если вѣрить въ возможность жабыхъ дождей. Часто мнѣ приходитъ въ голову, что онъ ничто иное, какъ вѣдьмы, которые въ темпія зимнія ночи вылетаютъ прямо изъ ада верхомъ на огромныхъ метлахъ. Они обыкновенно носятъ полинявшія розовыя шляпки, платые цвѣту рисе *mangée aux vers*, не-промокаемые башмаки трехъ-цвѣтный зонтикъ и очки. Днемъ, вы ихъ непремѣнно встрѣтите въ Пале-Ролль или на бульварахъ, гдѣ они грѣются на солнцѣ, какъ кошки. Эти Мегеры обыкновенно живутъ въ обществѣ театральныхъ королевъ и принцессъ. Если какойнибудь дѣвочки съ смазливенькимъ лицомъ, съ хорошенькою талиею и съ маленькою пижкою удалось выдержать строгій экзаменъ партнерныхъ волокитъ, то на другой день въ квартирѣ ея уже непремѣнно вы встрѣтите одну изъ старухъ, подобныхъ намъ описанной.

— Милое дитя, вы слишкомъ рано брошены въ бурное море жизни, говорить она съ видомъ участія. Вы нуждаетесь въ путеводителѣ; я вамъ замѣнию его. Я буду вамъ матерью...

Сказавши это, старуха утираетъ слезу, пѣлуетъ свою названную дочь и тотчасъ же принимается за кастрюльку у очага. Теперь вы можете быть увѣрены, если актриса невинна, что она можетъ про-

ститься навсегда съ своею невинностью. Первый шагъ къ преступленію уже сдѣланъ.

Заемная мать довольствуется сотнею франковъ въ мѣсяцъ. Въ расчетъ не входитъ никакія жизненные удобства, какъ напримѣръ, кофе по утру. Благопристойный видъ и приличный туалетъ въ числѣ главныхъ условій.

Между заемной матерью и мадамъ Сентъ-Роберь нѣть никакой разницы. Оба типа сходятся на томъ пункѣ, на какомъ мы оставили Аврелію. Отгѣнки исчезли; осталась одна мать актрисы. Та же нравственность, тѣ же средства къ жизни.

Продолжаю:

Бывать десять часовъ утра, время, въ которое встаетъ мадамъ де Сентъ-Роберь. Вставши съ постели она повязываетъ голову платкомъ, надѣваетъ засаленный шафрокъ и отправляется въ кухню. Ей надоѣло позаботиться о завтракѣ, и самой посмотрѣть за всѣмъ. Потомъ она даетъ кормъ своему попугаю, своимъ канарейкамъ, своей кошѣ и черной собаченкѣ, уродливе которой не встрѣтите ни одной собаки въ цѣломъ Парижѣ. Вторымъ предметомъ ея заботъ — Аврелія. Она узнаетъ отъ человѣка *«ушелъ ли баринъ»* (баринъ не приказываетъ пускать къ себѣ на глаза мадамъ Сентъ-Роберь), и если ушелъ, то она приноситъ Авреліи чашку шоколада. Аврелія завтракаетъ въ постели. Тутъ начинается новый взрывъ материнской нѣжности. Мадамъ Сентъ-Роберь не можетъ насмотрѣться на свою милую Аврелію; она созерцає ее, она пожирає ее глазами. Какие чудесные волосы! Какой маленький ротикъ! Какая свѣжесть въ лицѣ! И говорить, что ея Аврелія какъ две капли воды, похожа на покойнаго мусье Сентъ-Робера... это просто профанация! Потомъ мадамъ де Сентъ-Роберь бросается на шею своей Авреліи, пѣлуетъ ее, прижимаетъ къ сердцу, даетъ ей тысячу названий, какія только можетъ изобрѣсть мать. Она называетъ ее своей ду-

шечкой, своимъ сокровищемъ, своимъ бриллиантикомъ! Всѣ эти нѣжности, которые повторяются каждое утро, до того утомляютъ Аврелию, что она всегда говоритъ ей съ тономъ глубокой покорности:

— Маменька, прикажите убрать въ залѣ!

Аврелия имѣть полное довѣріе къ своей горничной, мамзель Фелиції. Фелиція посвящена во всѣ ея сердечныя тайны, и помогаетъ ей скрывать ихъ отъ матери и отъ толстаго банкира. Аврелия не можетъ скрыть своей привязанности къ горничной, и оттого-то мадамъ де Сентъ-Роберъ пынавидитъ Фелицію. Она безпрестанно бранитъ ее и ворчитъ на нее. Всякий разъ когда Фелиція одѣвается Аврелию передъ выходомъ на сцену, мадамъ де Сентъ-Роберъ не упускаетъ случая замѣтить, что она одѣла ее весьма дурно. «Эта дѣвчонка никогда не одѣнетъ тебя какъ надо. Посмотри, какая тутъ складка, а вотъ и еще, па правомъ боку! Этотъ бантъ на спинѣ никуда не годится. Это просто ужасъ! Когда ты прогонишь отъ себя эту скверную дѣвку!» Но Аврелия глуха на всѣ подобныя замѣчанія. Фелиція, въ рукахъ которой находятся всѣ тайцы барышни, уверена въ своихъ силахъ, и не уступаетъ мадамъ Сентъ-Роберъ ни въ чемъ; она не исполняется ни какихъ ея приказаний, отвѣчаетъ ей грубо и даже смотритъ на нее съ презрѣнiemъ. Удивительно ли, что среди этихъ ежедневныхъ спибокъ матери и служанки, послѣдняя всегда выходитъ побѣдительницей. Это неизбѣжное слѣдствіе порочныхъ правилъ и неправственнаго воспитанія. Въ свѣтѣ всегда такъ. Если святость одного закона попрана ногами, можете ли вы быть увѣрены что другой такой же законъ защитить васъ? Если въ рыбачьей сѣти прорвался одинъ узелъ, вся сѣть дѣлается негодною. Вы пренебрегли мнѣніемъ свѣта, свѣтъ отплатитъ вамъ, и

если вы сдѣлались Парією общества, то проститесь навсегда съ условіями свѣта: для васъ исчезли всѣ его различія, всѣ разстоянія, всѣ неравенства воспитанія или фортуны. Порокъ сравниваетъ всѣхъ и каждого.

По вотъ и полдень; пора въ театръ на репетицію новой драмы, въ которой Аврелия запимаетъ одну изъ главныхъ ролей. Мадамъ де Сентъ-Роберъ всегда сопровождаетъ свою дочь. Она дѣлаетъ это не столько изъ приличія, какъ отъ желанія, чтобы ее видѣли вмѣстѣ съ дочерью. Ее восхищаетъ каждый взглядъ, брошенный на Аврелию; она гордится этими взглядами. Аврелия ея дочь, ея собственное произведеніе. Тогда она торжествуетъ, глаза ея блещутъ, походка становится важной; ей хотѣлось бы остановить каждого встрѣчнаго, для того, чтобы сказать ему: «Да, это она, это Аврелия де Сентъ-Роберъ, актриса театра Амбігю, которая съ такимъ успѣхомъ дебютировала въ драмѣ Г. Н. Н., въ водевилѣ Н. Н., въ комедіи и оперѣ Н. Н. А я, я мать, мадамъ де Сентъ-Роберъ.»

Пришли. Мадамъ де Сентъ-Роберъ кланяется весьма сухо смотрителю за кулисами: она съ пимъ въ ссорѣ съ давнинго времени. Впрочемъ, я думаю, во всемъ театрѣ не найдется ни одного человѣка, съ которымъ бы не поссорилась мадамъ Сентъ-Роберъ; по ея характеру, она готова была бы поссориться со всѣмъ родомъ человѣческимъ. Она всегда споритъ со всѣми, съ отворицемъ ложь, съ суплеромъ, съ машинистами, даже съ посторонними. По этому случаю, появленіе ея закулисами сопровождается гримасами на лицѣ всѣхъ присутствующихъ.

Еще на лѣстнице Аврелию встрѣчаетъ запыхавшійся режиссеръ:

«Наконецъ-то вы пожаловали, мамзель Аврелия. Я уже посыпалъ за вами два раза. Вы опоздали цѣлою четвертью часа!»

— Вотъ, велика бѣда! отзивается тутъ

мадамъ де Сентъ-Роберъ. Что это ты, батюшка, такъ разгорячился, кровь испортишь! Вѣдь театръ отъ этого не провалится! Надобно же дать время и одѣться дитяти. Вѣдь мы, батюшка, благодаря Бога, не похожи на вашу первую танцовщицу, которая єсть одну рѣдиску для того, чтобы спешти лишнюю копѣйку въ сберегательную кассу, и которая не надѣваетъ по утрамъ корсета, для того чтобы не пистаскать его!...

«Я, сударыня, говорю не съ вами, а съ вашей дочерью.»

— А я, сударь, тебѣ за нее отвѣчаю. Вотъ пынче каковъ свѣтъ! Мать не смѣй и слова вымолвить за дочерью. Мать, сударь, всегда мать.

«Я нахожусь вынужденнымъ наложить на васъ штрафъ за просрочку, мамзель Аврелия.»

— Хорошо, батюшка, хорошо, мы тебѣ заплатимъ этотъ штрафъ. Господи, Боже мой!... да здѣсь, пожалуй, все жалованье разберутъ за штрафы!... Хорошо жалованье! Да мы, благодаря Бога, и безъ него обойдемся, не будемъ грызть орѣховой скорлупы. Вишь какъ раздулся, какъ лягушка на вола! Не бойся, батюшка, не устрашишь. Знаемъ мы вѣсъ!»

Режиссеръ пожимаетъ плечами, а Аврелия помираетъ со смѣху.

Между тѣмъ директоръ и авторъ съ нетерпѣniемъ ждутъ Аврелии. Увидя ее, они вскрикиваютъ отъ радости, но радость ихъ исчезаетъ, когда вслѣдъ за Аврелией показывается уродливая фигура ее маменьки. Директоръ чувствуетъ сидѣнную антипатію ко всемъ вообще матерямъ актрисъ, а къ мадамъ де Сентъ-Роберъ въ особенности. Онъ знаетъ, что она приносить съ собою одни скоры, раздоры и несогласія; онъ знаетъ, что она не помолчитъ ни на минуту и безпрестанно прерываетъ репетицію; онъ увѣренъ, что Аврелия была бы превосходною актрисою, если бъ ея мать не вбивала ей въ голову разныхъ капризовъ и претензій, про-

тивъ которыхъ не можетъ устоять ни одинъ директоръ на свѣтѣ. Директоръ никакъ бы не согласился пустить на сцену мадамъ де Сентъ-Роберъ, если бъ не контрактъ, заключенный съ Аврелиею, въ которомъ присутствіе мадамъ де Сентъ-Роберъ поставлено въ числѣ первыхъ условій. Почти всѣ актрисы, которыхъ невинность не можетъ быть доказана математически, имѣютъ привычку требовать отъ директора безвозбраннаго входа за кулисы своимъ материемъ и любовникамъ. Это ихъ слабость!

«Тсъ.... господа!... начинаемъ!» кричитъ директоръ.

Мадамъ де Сентъ-Роберъ никакъ не хочетъ оставить его въ покое.

— Я вѣсъ, сударь, прошу покорѣйше, кричать она, приказать вашему режиссеру быть поучивѣе съ дамами. Этотъ грубянъ такъ грубо говорилъ со мною и съ моей дочерью, что бѣдняжкѣ едва не сдѣлалось дурно.

«Хорошо, хорошо, сударыня!»

— Что касается до вашего штрафа, мы его вамъ заплатимъ, можете быть уверены. Не беспокойтесь, не будемъ пытаться орѣховой скорлупою.

Мадамъ де Сентъ-Роберъ усаживается въ залѣ со всѣми удобствами. Она будетъ наслаждаться лицезрѣніемъ своей дочки, и будетъ смотрѣть піесу. Но ей одной не спидится. Кому она будетъ сообщать свои впечатлѣнія; чьему списходительному уму повѣрить свои клеветы и сплетни? На другомъ концѣ оркестровой галереи она замѣчаетъ мадамъ де Сентъ-Жюльенъ, мать подруги ея Аврелии. Мадамъ де Сентъ-Жюльенъ запекается страшнымъ образомъ, но это не бѣла; тѣмъ лучше: ей придется говорить за двоихъ. Она бѣжитъ къ мадамъ де Сентъ-Жюльенъ, и садится подлѣ нее.

Увертиора начинается; оркестръ играетъ прелюдию.

— Ну, слава Богу, дождались паконецъ,

кричитъ мадамъ Сентъ-Роберь съ громкимъ кашлемъ.

«Тсъ!.. Тише!...» отзыается директоръ.

Оглушительный ударъ въ Турецкій барабанъ возвѣщаетъ начало увертюры.

— Точь въ точь какъ въ Яванцахъ, замѣчаетъ мадамъ де Сентъ-Роберь.

«Молчать!» повторяетъ директоръ.

Завѣса поднимается. На сценѣ видна новая, великолѣпная декорациѣ. Привилегированные зрители, разсѣянные по всей залѣ, встрѣчаютъ новость громкими аплодисментами. Директоръ и авторъ благодарятъ живописца и пожимаютъ ему руку.

— Да, чистенька ваша декорациѣ! говорить мадамъ Сентъ-Роберь; въ мое время я видала и по чище этой въ драматической панорамѣ.

«Молчать!» кричитъ режиссеръ.

Пиеса идетъ.

Аврелия, которая занимаетъ въ ней прекрасную роль, расточаетъ передъ авторомъ всю роскошь своей декламациї и голоса. Вдругъ она поперхнулась и заикалась. Мадамъ де Сентъ-Роберь побѣгаєтъ къ ней, прерываетъ самое лучшее мѣсто тирады и кричитъ во все горло:

«Съѣшь кусочекъ лакрицы, душечка. Я ее взяла въ ридикюль.... Скушай: это пройдетъ!»

— Молчать! кричитъ режиссеръ.

— Да уйметесь ли вы, мадамъ Сентъ Роберь, прерываетъ директоръ, вы мѣшиаете всѣмъ, вы задерживаете репетицію.

«Ну, ну, ну, замолчу... у васъ уже не смѣй и слова сказать дитятъ, не смѣй и помочь когда ей сдѣлается дурно.»

Прерваниая пиеса продолжается.

Въ ту минуту, когда одинъ изъ актеровъ падаетъ, пораженный книжаломъ убийцы, мадамъ де Сентъ-Роберь вскрикиваетъ:

«Точь въ точь какъ въ Кордильякъ...»

— Молчать! кричитъ режиссеръ.

— Это невыносимо! подхватываетъ авторъ.

— Да, невыносимо! продолжаетъ въ свою очередь директоръ. Но, ради Бога, замолчите, мадамъ де Сентъ-Роберь.

«Ну, ну, замолчу, замолчу,» отзыается мадамъ де Сентъ-Роберь.

Директоръ выходитъ изъ терпѣнія, и если бы онъ не опасался Аврелии, которая своею игрою поддерживаетъ всю пѣсу, онъ непремѣнно приказалъ бы вывести мадамъ де Сентъ-Роберь изъ залы.

Пиеса продолжается.

Въ ту минуту, когда героиня бросается въ объятія героя и клянется ему скрѣе умереть, чѣмъ выйти замужъ за злодѣя, котораго она ненавидитъ и презираетъ, мадамъ де Сентъ-Роберь кричитъ на всю сцену:

«А! хорошо! хорошо! будто я этого и не видела! Точь въ точь какъ въ Фитцъ-Генри, какъ въ Текели, какъ въ Развалинахъ Вавилона, въ Бѣдномъ пастушкѣ. И еще смѣютъ называть это новымъ сочиненіемъ! Благодарю покорно!»

— Молчать! кричать опять режиссеръ.

— Это изъ рукъ вонъ! подхватываетъ авторъ.

— Просто изъ рукъ вонъ! кричитъ въ свою очередь директоръ. Мадамъ де Сентъ-Роберь, я вынужденъ сказать вамъ это съ прискорбиемъ: я прикажу васъ вывести!...

При этихъ словахъ, мадамъ Сентъ-Роберь встаетъ со стула, глаза ея сверкаютъ отъ злости.

«Меня вывести!.. покорно благодарю! Ни малѣшаго уваженія къ моему полу и къ моимъ сѣдымъ волосамъ!... Выгнать меня, какъ собаку! Знайте, сударь, что моя дочь выйдетъ вмѣстѣ со мною, и что ноги ея не будетъ въ вашемъ любочномъ театрѣ. Вотъ хорошо! вотъ прекрасно!»

Аврелия просить ее знаками успокоиться. Мадамъ де Сентъ-Роберь усаживается на стулъ съ громкимъ ворчаніемъ. Ав-

торь и режиссеръ возстанавливают порядокъ и продолжаютъ репетицію піесы.

Не смотря на безпрерывный напоминавіл, мадамъ де Сентъ-Роберъ не можетъ удержаться отъ замѣчаній, особенно если піеса заинтересуетъ ее. Въ такомъ случаѣ, ничто уже не въ состояніи погасить ея критическія вспышки. Тутъ достается отъ нея всѣмъ. Этотъ актеръ декламируетъ какъ телеграфъ, эта актриса ходна какъ графинъ съ оршадомъ, это мѣсто взято изъ репертуара Мосье Пиксек-рекура; эту декорацию непремѣнно бы освистала публика Театра Фюнамбюль. Директоръ, совершенно выведенный изъ терпѣнія, умоляетъ Аврелію удалить мадамъ де Сентъ-Роберъ. Аврелія подходитъ къ матери и проситъ ее подождать конца репетиціи въ фойе. Мадамъ Сентъ-Роберъ отправляется въ фойе, и дорогою кричитъ изъ всѣхъ силъ:

«Да.... да.... я пойду.... но это я дѣлаю не иначе, какъ по просьбѣ дочери. Для васъ я не сдѣлала бы ни за что въ свѣтѣ.... Обращаться такимъ образомъ съ дамою!... И они еще смѣются называться Французы! Это варвары!....»

Въ фойе мадамъ де Сентъ-Роберъ не перестаетъ браниться и ворчать. Но ей не сидится одной. Ей непремѣнно когонибудь надобно, передъ кѣмъ бы она могла разразиться всею бурею своего гнѣва; она начинаетъ обшаривать всѣ углы и закоулки фойе; ей смерть хочется отыскать хоть одно живое существо. Послѣ многихъ хлопотъ она примѣщаетъ наконецъ ламповщику, который преспокойно приготавляетъ къ вечеру лампы. Для мадамъ де Сентъ-Роберъ и этого довольно; она подходитъ къ ламповщику и начинаетъ съ нимъ слѣдующій разговоръ:

«Ну, любезенъ же вашъ директоръ! Вѣжливъ какъ казакъ! Это вѣрно съ того времени, какъ онъ связался съ мамзель Леонидо; онъ только отъ нее могъ перепрыгнуть эти манеры.... Нечего сказать: превосходная школа! Мать этой негодной

дѣвчинки продавала лубочные картины въ воротахъ рынка.... да!... какъ не помнить! Не далеко отъ яблонки падаетъ яблочко!... Да и правду сказать: однѣстоинъ другаго! Каковъ попъ, таковъ и приходъ! По Сенѣкѣ и....»

Мадамъ де Сентъ-Роберъ не кончила бы до самаго вечера, если бъ устрашеній ламповщикъ не извѣстилъ ее объ окончаніи репетиціи. Она бѣжитъ на сцену. Въ коридорѣ встрѣчаетъ она жокея банкира, который прислалъ за Авреліей экипажъ. Пользуясь прекрасною погодою, услугливый покровитель предлагаетъ объѣмъ дамамъ проѣхаться по Булонскому Лѣсу. При этомъ извѣстіи мадамъ де Сентъ-Роберъ ускоряетъ шаги. Она торжественно вступаетъ въ залу въ сопровожденіи жокея; бросаетъ презрительный взглядъ на режиссера, на автора, на директора, толкаетъ всѣхъ актрисъ и, найдя Аврелію, кричитъ ей во всеуслышаніе:

«Наша коляска ждетъ насъ, душечка.»

Потомъ она беретъ Аврелію за руку, съ шумомъ сходитъ съ лѣстницы, садится въ блестящій экипажъ, бросивши напередъ взглядъ покровительства на окружающую ее толпу театральныхъ служителей и на окошки директорской квартиры, и кричитъ во все горло кучеру:

«Пошли въ лѣсъ!... черезъ улицу Ланери.»

Кучеръ въ первѣшности, потому что улица Ланери лежитъ вовсе не по дорогѣ отъ Сенъ-Мартенскаго Бульвара къ Булонскому Лѣсу. Сентъ-Роберъ кричитъ ему громче прежняго:

«Черезъ улицу Ланери.... слышишь ли?»

Онъ ужъ не смѣеть противиться. Онъ даже поѣхалъ бы въ Булонскій Лѣсъ чрезъ Троинную Заставу, если бъ этого требовали. Вся тяжесть этого приказанія возлагаетъ не на него, а на бѣдныхъ лошадей. И вотъ онъ ихъ поворачиваетъ въ улицу Ланери. Проѣзжая по ней, мадамъ де Сентъ-Роберъ дѣлаетъ всевоз-

можная усиліа, чтобы быть замѣченою со-
сѣдами и сосѣдками; она съ восторгомъ
принимаетъ поклоны и привѣтствія всѣхъ
лавочниковъ, у которыхъ она удостоива-
ла братъ на кредитъ, всѣхъ жильцовъ,
которые напинаютъ надѣй ея квартирою.
Мадамъ де Сентъ-Роберъ разрывается съ
досады, не видя на балконѣ первого эта-
жа жены сборщика податей шестаго окру-
га, которая всегда такъ чванится передъ
нею и никогда не отвѣчаетъ на ея по-
клоны.

Въ Булонскомъ Лѣсу мадамъ де Сентъ-
Роберъ чрезвычайно скучаетъ. Что ей за-
дѣло до этого блестящаго общества, ко-
тораго она не знаетъ, среди котораго она
никогда не жила. Ей какъ-то не ловко
въ присутствіи этихъ аристократокъ, съ
ихъ изящными манерами, съ ихъ про-
стымъ, но благороднымъ туалетомъ. Здѣсь
она не видитъ ни желтыхъ шляпокъ съ
длинными перьями, ни Индѣйскихъ шалей
съ золотой бахрамою, ни розовыхъ плаТЬ-
евъ съ серебрянымъ отливомъ, всего это-
го великолѣпнаго туалета, какимъ она
всегда восхищается на закулисныхъ зна-
менитостяхъ! Вотъ, если бъ въ такихъ
уборахъ прогуляться по Бель-Вилль, по
улицамъ своего околодка, мѣстамъ, сви-
дѣтельствующимъ о ея недавней бѣд-
ности и ничтожествѣ, это другое дѣло!

Въ Булонскомъ Лѣсу всего болѣе ин-
тересуютъ мадамъ Сентъ-Роберъ вкусные
обѣды. Въ числѣ многихъ прекрасныхъ
качествъ, которыми небо такъ щедро
одарило мадамъ де Сентъ-Роберъ, об-
жорство занимаетъ непослѣднее мѣсто.
Послѣ роскошнаго обѣда и Моккскаго ко-
фе, мадамъ де Сентъ-Роберъ пьетъ, по-
слѣдовательно одну за другою, три рюм-
ки ликеру des îles (она всегда выбираетъ
самые крѣпкіе сорты) и потомъ уже от-
правляется на вечерній спектакль.

Мадамъ де Сентъ-Роберъ немножко на-
веселѣ и потому можно представить сколь-
ко она беспокойна и докучлива. Она са-

дится въ углу ложи и наблюдаетъ за
туалетомъ Авреліи. Какъ тутъ достается
отъ нея бѣднымъ горничнымъ, которыя
одѣваютъ Аврелію. Она имъ не даетъ по-
коя; она готова съ ними драсться. Въ
одномъ мѣстѣ манишка сидѣть не такъ
хорошо, какъ бы ей хотѣлось, въ другомъ
юбка слишкомъ поднята; то прическа, ко-
торую парикмахеръ опустилъ слишкомъ
низко; то румяна, которыя наложили ужъ
слишкомъ густо; однимъ словомъ, ничто
ей не нравится, все не по ней. Къ сча-
стію никто не обращаетъ вниманія на ея
крики и замѣчанія, а то бы имъ не было
конца!

Динь.... динь.... дрелинъ.... динь....
дрелиндинь... Это колокольчикъ субъ-ре-
жиссера. Онъ кричитъ снизу:

«Готовы ли вы, mesdames?»

Мадамъ де Сентъ-Роберъ бѣжитъ стрем-
главъ внизъ, и кричитъ во все горло.

«Нѣтъ, сударь, моя дочь еще не готова...
Она не изъ такихъ, которымъ нечего
натянуть на плеча. Прошу покорно! Часть
времени на туалетъ! Да гдѣ это вида-
но!»

Наконецъ Аврелія сходитъ на сцену, ма-
дамъ де Сентъ-Роберъ идетъ вслѣдъ за
нею, беретъ стуль изъ фойе, и не смотря
на строгое запрещеніе, помѣщается у са-
мыхъ кулисъ аванъ-сцены. Ей непремѣн-
но хочется слѣдить за піесою и слы-
шать ее отъ слова до слова. Тутъ она
уже находитъ нѣсколькихъ своихъ прія-
тельницъ, и въ числѣ ихъ мадамъ Сентъ-
Жюліенъ. Но вотъ режиссеръ открылъ
это гнѣздо старухъ и гонитъ ихъ прочь.
Но ихъ не такъ легко выгнать, и онѣ пе-
реносятъ своихъ пенатовъ на другую
сторону сцены.

«Сударыни, кричить имъ режиссеръ съ
сердцемъ, вамъ известно что садиться за
кулисами не приказано. Извольте отнести
свои стулья въ фойе.»

— Очень хорошо, отвѣчаетъ Сентъ-
Роберъ, очень хорошо, господинъ Багено-

де, мы вѣдь не съѣдимъ вашихъ стульевъ и вашихъ кулисъ.

Старухи переносятъ стулья на прежнее мѣсто. Къ счастію Директоръ позвалъ за чѣмъ-то режиссера въ свой кабинетъ. Теперь овѣ спокойны, по крайней мѣрѣ на одинъ актъ. Онѣ сдвинулись въ кружокъ: точно вѣдьмы въ Макбете. Онѣ начинаютъ разговоръ, который постепенно разгорячается и изъ котораго наконецъ дѣлается оглушительный шумъ. Каждой хочется говорить и онѣ говорятъ всѣ вдругъ. Къ несчастію, Сентъ-Жюльенъ не можетъ кончить ни одной фразы, тогда какъ ея со-сѣдка успѣла произнести ихъ сотню. Чтобы многими изъ нашихъ ораторовъ подражать мадамъ Сентъ-Жюльенъ.

Каждая изъ этихъ дамъ разсказываетъ въ сотый разъ исторію своего происхожденія. Одна изъ нихъ, если ей вѣрить, вдова банкира, который обанкротился въ слѣдствіе неблагопріятнаго хода Испанскихъ дѣлъ; другая, дочь какой-то знатной дамы, которой имя ей не известно, и которая отдала ее въ пансионъ къ булочницѣ, мадамъ Курбуза, гдѣ она воспитывалась до двадцатилѣтняго возраста. Во все это время она не получила ни какого извѣстія о своей матери (при этихъ словахъ на лицахъ слушательницъ вырывается презрѣніе, смѣшанное съ изумленіемъ); третья утверждаетъ, что она была бы миллионеркою, если бъ не казаки, которые въ 1815 году отыскали деньги, которыхъ она выиграла въ лоттерею. Что касается до Сентъ-Роберь, то она разсказываетъ извѣстную читателямъ злополучную связь ея съ Г. де Сентъ-Роберь, первымъ красавцемъ старой гвардіи и фаворитомъ Наполеона.

Послѣ этихъ разсказовъ, если піеса еще не началась, онѣ заводятъ разговоръ о другихъ предметахъ, не менѣе интересныхъ.

— Скажите мнѣ, пожалуйста, madame Сентъ-Жюльенъ, говоритъ мадамъ Сентъ-Фаръ, гдѣ вы купили ваше платье?

— На рынѣ... рынѣ...

— Да, да, да, на рынкѣ, aux Trois Magoûts, перебиваетъ заику Сентъ-Фаръ. Что, я думаю, заплатили по крайней мѣрѣ, по пятидесяти су за локоть?

— Со....со....сор....

— Да, да, да, по сорока су локоть.... Ахъ, они разбойники! Вотъ какъ нынѣ дерутъ! И еще линчая матерія! Вотъ посмотрите-ка, мадамъ Сентъ-Жюльенъ, мою матерію: она темненькая и запачкана по тридцати пяти су за локоть. Вѣдь, очень мила, не правда ли?

— Уже Богъ васъ знаетъ, какъ вы тамъ дѣлаете, мадамъ Сентъ-Фаръ, прерываетъ ее мадамъ Сентъ-Роберь, только у васъ всегда платья вдвое дешевле нашихъ.

— Э, матушки, вы не умеете торговаться.... Не бойтесь, меня не надуютъ, какъ васъ.

Тсъ! Вотъ уже режиссеръ стучитъ своей палочкой. Публика сгараєтъ отъ нетерпѣнія увидѣть новую піесу, на которой дирекція основываетъ самыя блестящія надежды.

Во все время представлениія наши кумушки говорять безъ умолку.

— Взгляните-ка, мадамъ Сентъ-Фаръ, на мамзель Леониду! Экая спичка! И она воображаетъ, что у нее есть на ногахъ мясо, тогда какъ ея платье виситъ на ней просто, какъ на вѣшалкѣ.... Э.... э.... э!

— А эта Франсина, возражаетъ мадамъ Сентъ-Фаръ, взгляните мадамъ Сентъ-Роберь, какъ она манерничаетъ, какіе дѣлаетъ глазки вотъ тѣмъ желтымъ перчаткамъ въ партерѣ.... Это просто неблагопристойно, безнравственно, божусь Богомъ, безнравственно. О! о! будь-ка я здѣсь чѣмъ либудь, она бы у меня не стала вертѣться...

— Постойте, постойте, madame Сентъ-Фаръ.... мнѣ что-то послышалось... никакъ свистятъ?

— Что вы, мадам Сентъ-Роберъ, вѣдь еще только второе дѣйствіе.

— Ну, вотъ, не правду ли я имъ говорила сегодня по утру, что ихъ піеса не хорошо написана.

— А вотъ и Алфредъ съ своею тирадой.... Того и гляди, что освистутъ. Да и подѣломъ бы. Съ того времени, какъ этотъ мальчикъ отпустилъ себѣ бороду *à la мужикъ*, къ нему ужъ не смѣй и подойти. Гордится какъ пѣтухъ.

— Постойте, постойте, madame Сентъ-Фаръ, свищутъ, ей Богу, свищутъ. Ну, плохо! Что если бъ въ этой піесѣ еще не играла моя Аврелія?... Она одна ее поддерживаетъ.

— Ваша Аврелія?... madame Сентъ-Роберъ, я было не хотѣла вамъ этого сказать, но мнѣ кажется, что шикали, когда она вошла на сцену.

— Шикали?... Мою дочь шикали? Что это, матушка, ты никакъ оглохла?... Да, когда моя Аврелія вошла на сцену, такъ театръ чуть не обвалился отъ хлопанья.... Прошу покорно!... шикали!...

Да... да... хлопали, точно хлопали, только не публика, а наемные хлопальщики. Посмотрѣли бы вы, madame Сентъ-Роберъ, какъ вчера хлопали моей Евгениѣ. Вотъ такъ ужъ хлопали! Вчера было ся торжество!... Клакеры были вездѣ: въ ложахъ, въ оркестрѣ, на аванъ-сценѣ. Просто, чудо!

— Мнѣ смѣшно на васъ, мадамъ Сентъ-Фаръ. Вы мнѣ разсказываете такъ точно, какъ будто бы я вовсе не знала вашей дочери. Да она просто и ходить не умѣеть.

— Ну, да ужъ не вашей же толстой Авреліи учить мою дочь.... Вотъ ваша Аврелія такъ ужъ правду сказать, умѣеть ходить! Да она катится какъ бочка!

— Да ужъ лучше быть толстой, чѣмъ такой спичкой, какъ ваша. На нее и посмотрѣть страшно.

— Авреліи потому только даютъ роли, что она дѣлаетъ глазки авторамъ.

— Вашей Евгениѣ все таки не дадуть роль, какіе бы глазки она ни дѣлала режиссеру.

— Ваша дочь просто негодяйка.

— А ваша развратница.

— Вишь, старая колдунья!

— Старая вѣдьма!...

Споръ непремѣнно превратился бы въ самую отчаянную битву, если бъ служитель пожарного депо не явился настоящимъ ангеломъ примирителемъ, и це развелъ бы обѣихъ враждующихъ партій.

Послѣдній антъ-актъ. Madamъ де Сентъ-Роберъ подходитъ къ завѣсѣ, смотрѣть въ отверзтіе и кричать своей дочери, которая отдыхаетъ послѣ тяжелой роли и собираетъ силы для того, чтобы сдѣлать развязку сколько можно эффектиѣ.

«Аврелія, видѣла ли ты своего толстяка; воинъ онъ, въ первомъ ряду.... Улыбнись ему хоть одинъ разъ... это ему много пользы.... Ты всегда имѣешь привычку не узнавать его. Помни мое слово, Франсина переманий его къ себѣ.... а въ немъ не дурная пожива....»

Во весь антъ-актъ мадамъ Сентъ-Роберъ не отстаетъ отъ своей дочери, и ходить за ней какъ насѣдка за цыпленкомъ. Нѣть ни какой возможности подойти къ Авреліи: если сдѣлаешь шагъ, мадамъ Сентъ-Роберъ подвернется непремѣнно, и тогда нельзя не ретироваться. Мадамъ де Сентъ-Роберъ очень хорошо знаетъ, что во время представлениія первой піесы за кулисами бываетъ множество писателей, артистовъ, журналистовъ, людей чрезвычайно умныхъ, любезныхъ, соблазнительныхъ, но, къ несчастію, не богатыхъ. Это-то и не нравится мадамъ де Сентъ-Роберъ. По этому-то она и не упускаетъ случая сказать Авреліи:

«Душечка, убѣгай отъ этихъ писателей; это сущая сволочь; это просто нищіе, которые разорять тебя въ пухъ.»

Во время пятаго акта, благодаря усердію клакеровъ, драма немножко оживляетъ.

ся. Ничто не препятствуетъ удачной развязкѣ, завѣса опустилась, вызываютъ Аврелию. Мадамъ де Сентъ-Роберъ трепещетъ отъ восторга. Она принимаетъ утомленную Аврелию въ свои материцкія объятія, и кричитъ старухъ Сентъ-Фарь:

«Такого триумфа никогда не дождаться вашей Евгениѣ, мадамъ Сентъ-Фарь!»

Дома, мадамъ Сентъ-Роберъ, для вящшаго торжества, приказываетъ приготовить пуншу. Къ тремъ часамъ утра она едва держится на ногахъ. Сонъ клонитъ ее; шатаясь и ощупью добирается она до своей спальни и ложится на кровать, поблагодаривши напередъ Бога за то, что она даровала ей такую дочку.

Теперь вы знаете характеръ и нравъ мадамъ Сентъ-Роберъ, и мнѣ остается разсказать вамъ послѣднія ея минуты.

Характеръ Аврелии болѣе или менѣеноситъ на себѣ отпечатокъ характера молодой дѣвушки ея лѣтъ. Она лѣнива, беззаботна, беспечна; потокъ жизни, исполненный надеждъ, увлекаетъ ее, и она слѣдуетъ безотчетно за прихотливымъ его течениемъ или за волею тѣхъ, кѣмъ она окружена. На двадцать осьмомъ году возраста, то есть въ ту пору, когда ей должно бы сдѣлаться благоразумною, Аврелия владаетъ въ сѣти, которыхъ всего

болѣе опасалась мадамъ Сентъ-Роберъ. Она влюбляется безъ памяти въ Виктора Руссо, писателя подъ сорокъ лѣтъ, вѣсельчака и негодяя, который заставляетъ Аврелию сѣваться до упада всегда, когда она ни говоритъ съ нею. Отъ всей бурной юности, Г. Виктору Руссо осталось въ наслѣдство, пять или шесть водевилей, нѣсколько фельетонныхъ статей и куча долговъ. Съ такимъ наслѣдствомъ трудно итти тернистымъ путемъ здѣшней жизни. Аврелия платить за него все долги, и выходитъ за него замужъ. Мадамъ Сентъ-Роберъ видѣть, что ея экономія уменьшается съ каждымъ днемъ, и безпрестанно скорится съ зятемъ. Наконецъ ей предлагаютъ шестьсотъ ливровъ ежегодной пенсіи, съ условіемъ паниять для себя квартиру въ какомъ нибудь мещанскомъ пансіонѣ, и никогда не переступать его порога. Послѣ первыхъ минутъ отчаянія, мадамъ Сентъ-Роберъ привыкаетъ къ мѣstu своей ссылки. Она дѣлается ханжкою; не пропускаетъ ни одной обѣди, исповѣдуется по два раза въ недѣлю, и постничаетъ по Пятницамъ и Субботамъ. Вѣсть о новомъ любовнику Аврелии убиваетъ ее. Съ ней дѣлается ударъ.

СЕРГѢЙ ПОВѢДОНОСЦѢВЪ.

Кто хоть не много знакомъ съ Статистикой Имперіи нашей, тотъ конечно знаетъ, что въ Іюнѣ мѣсяцѣ, на десятой недѣлѣ послѣ Св. Пасхи, въ губернскомъ городѣ Тамбовѣ бываетъ ярмарка. Слово это, лишеннное смысла для столичныхъ жителей, присутствующихъ ежедневной ярмаркѣ, для провинціаловъ имѣеть всю прелестъ надеждъ и воспоминаній. Старые помѣщики, отцы семействъ ожидаютъ тутъ выгоднаго сбыта произведеній своихъ; молодые надѣются повеселить ся, по пословицѣ: *себя показать, людей посмотреть*; дѣвушки — выказать свои хорошенъкіе и свѣженъкіе личики, стройный станъ и маленькую ножку; провинціальные денди — поволочиться и полюбезничать. Что жъ мудренаго, если послѣ этого, слово: «ярмарка» такъ важно въ сферѣ провинціальной жизни, или по надеждамъ будущихъ выгодъ и наслажденій, или по сладкимъ воспоминаніямъ прошедшаго. Сколько сердецъ бьется при приближеніи рокового времени, сколько пересмотрѣно нарядовъ, сколько забытыхъ надеждъ оживаетъ подъ влияніемъ магического этого слова; и мечтанія, и грезы роями пробуждаются въ воображеніи. И все, что для юности имѣеть въ себѣ привлекательного и радостнаго: гулянья,

театръ, баль, музыка, танцы — все это должно осуществиться тутъ, среди движений, крика, суеты, ржанія лошадей, площадной веселости, унимаемой Полиціею. Но это второй планъ картины, на первомъ: нарядные лавки со всѣми роскошными произведеніями Лондона, Парижа, Лиона; со всѣми богатствами Востока, такъ привлекательно, такъ гармонически разложенными и разставленными, такъ плутовски заманчиво расположеными, чтобы пленить эстетический вкусъ вашъ, свести съ ума, заполнить сердце. И какъ не поддаться магическому вліянію этихъ шалей, легче пуха наброшеннымъ напоказъ завистливымъ и очарованныхъ глазкамъ; какъ уйти отъ воздушности этого газа, который такъ и просится къ вамъ на плечи, чтобы понѣжиться на ихъ мраморной округлости; куда спрятаться отъ злодѣйского блеска фермуаровъ, сѣрегъ, севинье, фероньерокъ, въ которыхъ такъ весело пуститься въ ритмованный и фантастический бѣгъ контранса. И это все для дѣвушки — провинціальной дѣвушки, цѣлый годъ привыкшей видѣть только угрумые лица прикащика и старости, слышать вѣчные разговоры объ ужинѣ и умоловѣтии, и любоваться грязными паневами крестьянокъ. Сами посудите, какъ же

послѣ цѣлаго года такого неестетического препровожденія времени, устоять противъ обольщений ярмарочныхъ?.. Нѣтъ, господа, какъ хотите; а ярмарка дѣло великое! На ней хорошо и весело всякому, и если бъ я родился женщиною, непремѣнно любилъ бы ярмарки всею любовью души моей...

Но такъ какъ Богъ не создалъ меня женщиною, да и лѣта увлечений юношескихъ уже прошли, я очень равнодушно ходилъ по тесовому Пале-Роялю, любуясь впрочемъ то на чудесныя ткани, то на прекрасныя личики, то на пестрое и разнообразное движение толпы. Никого не зная, никѣмъ не знаемый, я затерялся въ этомъ многолюдствѣ, и могъ наблюдать, не опасаясь быть чѣмъ или кѣмъ нибудь развлеченіемъ. Сколько новыхъ сторонъ, сколько неожиданныхъ проявленій жизни представилось мнѣ въ это короткое время. Переходя поперемѣнно отъ сырыхъ кожъ и грязной шерсти къ шелковымъ тканямъ и галантейнымъ вещамъ, отъ кадушекъ, боченковъ и деревянныхъ чашекъ съ копѣчными ложками, къ серебряному столовому цѣнному сервизу, отъ чугунныхъ сковородъ и ступи къ прозрачному газу и лентамъ, я могъ по своей волѣ, па свободѣ, наблюдать всѣ фазы этихъ постепенностей; присмотрѣться ко многимъ сторонамъ общества въ его многоразличныхъ оттѣнкахъ и проявленіяхъ. И сколько грациозныхъ картинъ, пленяющихъ всею роскошью истины и красоты, и сколько грязныхъ и гадкихъ изворотовъ души человѣческой представилось мнѣ въ эти немногіе дни, со всѣми своими оттѣнками. Для философа, психолога и наконецъ даже для писателя, сколько новыхъ положеній, какой неистощимый запасъ открытій и наблюдений...

Но мнѣ пришлось бы написать цѣлую книгу, если бъ я захотѣлъ войти въ анатомическое изслѣдованіе пружинъ, дѣйствующихъ въ этомъ хаосѣ людей, этомъ

приливѣ и отливѣ памѣреній, разговорѣ и денегъ, этомъ charivari, Вавилонскому смѣшенію... одѣждъ и лицъ...

Племенъ, нарѣчій, состояній...

Не для этого началъ я писать статью мою. Я хотѣлъ подѣлиться съ вами впечатлѣніями драматическими, и потому стану говорить единственно о театрѣ, видѣніемъ мною въ Тамбовѣ.

Не имѣя отъ кого узнать, существуетъ ли въ Тамбовѣ театръ, я, за неимѣніемъ лучшаго дѣла, бродилъ по импровизованымъ улицамъ Концой, составившимся изъ лошадей на выгонѣ города, приведенныхыхъ на ярмарку для продажи, любуясь, гдѣ тоненѣкою Англійскою ножкою, гдѣ гордою Арабскою шейкою, гдѣ прочностію Датской крови... Тутъ, случайно обходя группу людей, услышалъ я впервые о театре. Кто два, три года жилъ въ провинціи, тому очень немудрено желать видѣть сцену, какую бы то ни было, чтобы хотя сколько нибудь имѣть развлечія отъ однообразія деревенской жизни, напомнить себѣ тѣ минуты наслажденій свѣтлыхъ и истиныхъ, какими, хотя изрѣдка правда, дарятъ насъ столичныя сцены. И тѣмъ болѣе я имѣлъ права на это надѣяться, что года два назадъ, въ Сарансѣ, въ тесовомъ балаганѣ, въ лицѣ Г. Быстрова, я встрѣтилъ художника, хотя юнаго, хотя необразованнаго сценически, но тѣмъ не менѣе полнаго эстетического природнаго вкуса и художественной настроенности, таланта истиннаго, хоть и неразвитаго ни образцами, ни наукой.

И вотъ я въ театрѣ. Неловкіе до невозможности плетеные стулья первого ряда заставили меня жалѣть, зачѣмъ, вопреки самолюбію, не усѣлся я въ третій рядъ, гдѣ простая, деревянная скамья со спинкою такъ радушно и привѣтливо отворила ручки свои, для успокоенія зрителя. Мнѣ дали въ руки афишу, гдѣ очень красиво и толковито напечатанъ былъ порядокъ спектакля и фамиліи дѣйствую-

щихъ лицъ. Вотъ ея начало: *Тамбовъ, 1842 года. Съ дозволеніемъ начальства, сего Юна 21 дня т. е. въ Воскресенье, прибывшюю сюда труппою Воронежскихъ Актеровъ, подъ распоряженіемъ Г. Николаева, представлено будетъ въ первый разъ: «Пятнадцать лѣтъ разруки, или пленникъ Кавказа, драма въ 3-хъ картинахъ, въ стихахъ, соч. К. Б. Бахтуринъ. Старый знакомый! подумалъ я. Давай смотрѣть. Авось отыщу въ этой пьесѣ, мнѣ дотоль неизвѣстной, взглѣдъ на жизнь, характеръ, образъ мыслей старого товарища, и съ этимъ вмѣстѣ вспомнию лѣта первой юности, столь полные отрадныхъ вѣрованій и очаровательныхъ увлеченій. Сбыдись ли ожиданія эти — я не скажу вамъ, господа, я началь писать не о себѣ, а о Воронежскихъ актерахъ и ихъ отношеніяхъ къ драматическому искусству.*

Завѣса, съ изображеніемъ какого-то ландшафта, очень порядочная для ярмарочного театра (устроеннаго впрочемъ въ камениномъ, вѣроятно, амбарѣ купца Суворова и весьма спосоно замѣняющемъ залу) поднялась, и представление началось. Прежде всѣхъ явился Г. Николаевъ, Гусарский Маіоръ, какъ назначено въ афишѣ, съ супругою своею (Г-жа Тучкова), весьма чувствительно разсуждающей о томъ, что долженъ ити съ полкомъ на Кавказъ. Но вмѣсто гусарскаго мундира, Г. Николаевъ нарядился въ гарнизонный сертукъ, надѣль черный нечесаный парикъ (для чего, это для меня осталось неразрѣшимою тайною, потому что въ числѣ атрибутовъ гусарского наряда, парикъ, сколько мнѣ известно, не занимаетъ ни какого мѣста) поднялъ плечи какъ можно выше, и началъ кричать какъ можно громче, не зная куда дѣваться съ своею трехъугольною шляпою. Вѣроятно для большаго эффекта, Г-жа Тучкова на крикъ его отвѣчала самыми слезливымъ и визгливымъ голосомъ, что вмѣстѣ взятое, составляло удивительную дисгармонію. Разсказывать, какъ шло

это первое дѣйствіе, или картина, какъ называлъ его Г. Бахтуринъ, дѣло излишнее; оно шло зѣло плохо, и не подарило ни однѣмъ, хотя малѣйше спосынѣ мгновеніемъ. Вторая картина, гдѣ Г. Николаевъ въ пѣну у Черкесовъ, съ цѣпями на рукахъ и привязанный къ чему-то за кулаками, веревкою саженіи въ полторы, шла еще не хуже, кромѣ развѣ наряда Тавры, жены Черкесскаго Князя, (Г-жа Николаева), свѣжаго, прекраснаго, надѣтаго со всею изысканностью и прелестью маскараднаго костюма. Разница съ игрою первого дѣйствія состояла въ томъ, что Г-нъ Николаевъ кричалъ громче прежняго, а Г-жа Николаева, вѣроятно не зная стоянія, вмѣстѣ съ Г-жею Тучковою, явилась на сцену дѣвица Острякова, дочь ея по ходу пьесы, стройная, миловидная дѣвушка, съ движеніями ловкими и свободными, съ дикціею простою и естественною, полною совершенной грации и прелести. Она выкупила собою всѣ промахи своихъ сподвижниковъ. Въ ней было такъ много дѣтской искренности, столько чувства безъ искусственнаго и глубокаго, что я порадовался невольно, встрѣти ее на этой ярмарочной сценѣ, точно также какъ радовался глядя въ Сарансѣ на Г. Быстрова. И такъ шло до конца пьесы. Г-жа Острякова была постоянно хороша, всѣ остальные плохи. Повѣрите ли, что явившійся въ 3-мъ дѣйствіи, черезъ 15 лѣтъ, Г. Николаевъ (жена его въ это время вышла за мужъ за другаго), бывши въ пѣну у Черкесовъ, въ 15 лѣтъ не только не износилъ своего гарнизоннаго сертука и шляпы, въ которыхъ явился снова на сцену, но даже и не постарѣлъ ни сколько-тѣ же черные волосы и усы, тотъ же прямой станъ и подыманіе плечъ, какъ и прежде. Непостижимо, право, какое же лѣзное здоровье! Высидѣть на веревкѣ

15 лѣтъ и не посѣдѣть ни сколько. Вѣдь это удивительно? Но еще и того удивительнѣе, что ни прежняя жена его, ни ее мужъ, Лоринъ, прежний его другъ, не узнали его, когда онъ пришелъ къ нимъ въ домъ; ну, какъ бы кажется не узнать, хоть по сертуку, волосамъ и подъеманію плечъ. Такіе-то дивные казусы случаются на бѣломъ свѣтѣ!..

За піесой Г. Бахтуринъ послѣдовала интермедія: *Именины благодѣтельнаго помѣщика, или Неожиданная свадьба въ Сель Сверчковъ*, вѣроятно известная всякому, кто хоть недѣльку прожилъ въ Москвѣ, такъ любима она тамъ, че публикою, нѣтъ, публика всегда уѣзжаетъ, когда ее даютъ, а режиссеромъ. Эта *Свадьба* шла гораздо лучше *Плынника*. Д. Острыкова, въ малиновомъ сарафанѣ, была любезна до нѣзъ; миленький голосокъ ея въ арияхъ и дуэтахъ былъ чистъ и пріятеленъ; все движения полны такой искренности чувства и простосердечія, что я пожелалъ ей нѣвольно лучшаго мѣста, нежели ярмарочная сцена. Когда она грустила, что не можетъ выйти за своего любезнаго—это была грусть истинная, честная; грусть дѣвушки, для которой любовь все, и виѣ этой любви нѣтъ ничего въ цѣломъ мірѣ. Слезы ея были искрени, слова любви нѣжны, выливаясь прямо изъ сердца; радость, когда послѣ многихъ препятствій, свадьба ихъ наконецъ уладилась—непрітворна и проста столько, сколько это можетъ быть въ простой крестьянской дѣвушкѣ. Короче сказать, Г-жа Острыкова была прекрасна въ этой роли, прекрасна какъ нѣзъ болѣе. Нарядъ, ея голосъ, игра движений, все это такъ гармонировало съ ея положеніемъ, такъ было истинно художественно, что воображеніе мое нѣвольно перепрыгнуло лѣтъ за 12 назадъ, и мы представились Н. В. Рѣпина во всемъ своемъ очарованіи. И какъ нарочно, все окружающее Г-жу Острыкову было наэтотъ разъ лучше обыкновеннаго. Староста (Г. Бор-

ровъ), былъ очень спокоенъ, кромѣ разъ тогого, что желая говорить на *O*, по-Ярославки, оить, непривыкнувъ къ этой экзерциціи, очень часто сбивался на Московскій простой выговоръ; Кузминиша, жена его (Г-жа Тучкова) была тутъ несравненно лучше нежели барышней; Г. Аносовъ въ роли Янсона, Нѣмецкаго учителя, если бъ не кобенился, чтобы придать себѣ болѣе смѣшнаго и не нарядился въ небывалый шутовской нарядъ, былъ бы очень породоченъ. Однимъ словомъ, всѣ были достаточно спосы, кромѣ разъ Г. Вицкаго, въ роли избалованнаго 18-ти лѣтнаго сына помѣщицы Хариной. Онъ, желаю казаться шалуномъ и избалованнымъ барченкомъ, былъ просто неуклюжъ и такъ неестественъ въ шалостяхъ, и дѣлалъ ихъ такъ нехотя, что я пожалѣлъ нѣвольно, зачѣмъ онъ глядѣлъ на себя роль, которую выполнить не въ состояніи, и тѣмъ весьма вредилъ, хотя неважному, но все таки ансамблю піески.

23 Іюня былъ я снова въ театрѣ, и зѣвалъ, смотря на *Ямъ, или Филантропа дурячокъ*. Представьте себѣ людей, какъ бы насиливо пригнанныхъ на сцену, изъ которыхъ ни одинъ не знаетъ роли, не знаетъ гдѣ стать, куда обратиться, что дѣлать, и въ довершеніе всего, гдѣ суплеръ кричитъ громче актеровъ, и вы, сидя въ 3-мъ ряду кресель, слышите всю піесу отъ слова до слова, прежде, нежели услышите ее отъ актеровъ. Даже сама дѣвица Острыкова, можетъ быть, подавленная всею неуклюжестю ее окружающихъ, была просто дурна, и заставила меня жалѣть, зачѣмъ я ее видѣлъ въ этотъ вечеръ. Г. Румянцовъ, въ роли Филатки, столько же походилъ на дурака, сколько лошадь похожа на слона, или собака на устрицу. Это была ужъ не игра, не піеса, а какалто пытка, жалкая, смѣшная и отвратительная. Сосѣдъ мой, съ которымъ я познакомился по утру, Г. И-нъ, какъ мы показалось, человѣкъ очень умный и образованный, не вытерпѣлъ и ушелъ не до-

давшись Чиновника особыхъ поручений, который начался и кончился подъ тѣмъ же несчастнымъ созвѣздіемъ. И въ этомъ Чиновнике, какъ въ ямпѣ, все были дурны до невозможности; то же совершенное незнаніе ролей, къ несчастію приправленное всею дерзостію невѣжества. Хуже всѣхъ былъ Г. Румянцовъ въ роли Шванса, трактирщика: онъ зналъ свою роль отнюдь не болѣе того, какъ зналъ бы крестьянинъ, случайно остановленный на улицѣ, мопологъ изъ Гамлета. Лучше всѣхъ былъ Г. Николаевъ въ роли Понукалова. Онъ, за исключеніемъ того, что тоже не совсѣмъ твердо зналъ роль свою, былъ даже порялоченъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно въ сценѣ съ Надеждой Ивановой, дѣвушкой, бѣжавшей отъ своихъ родителей, гдѣ она просить его назваться ея мужемъ, и онъ не прочь бы отъ этого, да боится законной супруги своей Варвары Тимоѳеевны. Потомъ въ другой сценѣ съ дражайшею половиною свою, гдѣ она грозитъ ему кулакомъ, ревнуя его къ незнакомкѣ, и онъ трепеща всѣмъ тѣломъ, остается вѣренъ честному данному имъ слову, Г-нъ Николаевъ по временамъ былъ тоже хорошъ, и могъ бы быть даже очень хорошимъ, если бы внимательнѣе занялся своею ролью. Вообще говоря, видно роль Гусарскаго Майора совсѣмъ не его амплуа, и онъ выполнялъ ее по необходимости. Дѣвица Острякова и тутъ была не хороша, хоть и не сравнило выше всего ее окружающаго.

Этимъ спектаклемъ окончились для меня сценическія наслажденія въ Тамбовѣ. Какъ сами изволите видѣть, они не огромны, но и не жалѣю ни сколько времени, для нихъ истраченномъ. Г. Николаевъ и дѣвица Острякова все таки доставили мнѣ пѣсколько минутъ истинно пріятныхъ, за которыхъ я благодарю ихъ искренно. Желаю сердечно, чтобы дѣвица Острякова навсегда сохранила ту непринужденность, ту естественность, и паконецъ это что-то ребяческое, наивно-прекрасное, что

составляетъ лучшій характеръ игры ея. По крайней мѣрѣ, талантъ, данный ей отъ природы, она не показала, какъ другіе, изысканностью — она выходила на сцену, говорила и дѣйствовала такъ, какъ ей казалось лучшимъ, не терзая себя, чтобы казаться лучшею. Голосъ ея обработанъ на столько, что можетъ быть употребленъ даже и для небольшихъ оперъ; по крайней мѣрѣ, въ пичтожной піесѣ: *Имѣнины благодѣтельного помѣщика*, она выдержала музыку прекрасно, и слухъ не былъ оскорблѣнъ ни одною фальшивою нотою. Я сказалъ: она напомнила мнѣ Рѣпину; кажется, это не малая похвала для дѣвушки на ярмарочной сценѣ. Полагаю, что изъ неё можетъ выйти хорошая, очень хорошая актриса, если она поближе присмотрится къ игрѣ истинныхъ артистокъ, вникнетъ и обдумаетъ всякую, даже самую малую роль свою, не считая неважнымъ ничего, что только говорится со сцены. И на это усовершенствованіе весьма можно надѣяться, принимая въ разсужденіе и молодость ея, и способности.

Г. Николаевъ, человѣкъ, какъ кажется, среднихъ лѣтъ, конечно, не можетъ уже достигнуть значительной высоты въ игрѣ своей, но тѣмъ не менѣе нельзѧ не признаться, что у него есть призваніе, потому что у него вырывались нѣкоторыя мгновенія, нѣкоторыя позы истинно-комической. И что всего важнѣе: комиссъ этотъ никогда не переходилъ въ гаерство, шутовство, но, какъ въ игрѣ нашего Щепкина, онъ былъ смѣшонъ самъ въ себѣ, по положенію лица, поставленію между честными словами и болзни злой и сварливой жены. Совѣтовалъ бы ему только учить хорошенъко роль свою, чтобы не быть въ зависимости отъ суплерской будки, ибо это незнаніе роли, особенно на маленькихъ театрахъ, не только слишкомъ замѣтно, но и ставить его въ затруднительное положеніе вертѣться на авансценѣ, не смѣя отойти въ глубину и дѣйствовать самобытно.

Кончая статью мою, мнѣ остается по-
желать здоровья всѣмъ остальнымъ лице-
дѣламъ Воронежской труппы, находящей-
ся подъ распоряженіемъ Г. Николаева,
потому что, кажется, желать и совсѣмъ
имъ болѣе нечего, кромѣ развѣ того, что
ежели они могутъ найти другой способъ
существованія, бросить актерство, ремесло
неблагодарное и пустое для непри-
званного. А что оно неблагодарно —
можно судить изъ того, что на ярмаркѣ
такой многолюдной губерпії, какова Там-
бовская, въ театръ зрителей едва ли бы-
ло всего на все человѣкъ 40. Каковъ же
долженъ быть послѣ того сборъ людемъ,
прѣхавшимъ за пѣсколько сотъ верстъ,
обязаннымъ везти съ собою кулисы, гар-

деробъ и всѣ аксессуары спецические, столь
многосложные и громоздкіе. Чего стоять
содержать эту толпу людей, числомъ вѣро-
но не менѣе 20-ти человѣкъ, паниять залу и
музыкантовъ, освѣтить ее и заплатить го-
роду. Право, кажется, тутъ поговорка
вполнѣ справедлива, что игра не стоитъ
свѣчъ. И чего же требовать отъ людей,
едва только не лишеннѣхъ дневнаго про-
питанія, кромѣ развѣ того, чтобы они на
другомъ попришѣ старались сдѣлаться по-
лезными себѣ и обществу болѣе того, не-
жели сколько могутъ пащентъ, гдѣ быть
хорошимъ актеромъ значитъ имъ родиться.

И. СЕЛИВАНОВЪ.

Июль 4 дня,
Саранскъ.

КІЕВСКІЙ ТЕАТРЪ.

Здѣшній театръ съ каждымъ годомъ
болѣе и болѣе совершенствуется. Успѣ-
хи актеровъ и актрисъ въ драматическомъ
искусствѣ съ каждымъ днемъ возраста-
ютъ, и мы могли замѣтить въ недолгое
время большую перемѣну на Кіевской сцѣ-
нѣ. Кіевская публика чрезвычайно доволь-
на содѣржателемъ труппы, Г-мъ Карапѣ-
вымъ, который старался угодить ей дра-
матическими талантами. Г-жа Мачалова,
какъ лучшая здѣшняя актриса, доказала
намъ истинное изящное искусство къ теа-
туру: Если Г-жи Мачаловой нѣть на сцѣ-
нѣ — зрителей нѣть въ театрѣ. Какъ
ловко она играетъ первыя роли въ воде-
виляхъ, какъ ловко поеть куплеты —
просто очарование! Мы недавно видѣли
въ совершенствѣ безподобный ея талантъ
въ драматическихъ представленияхъ: въ
Уголино, въ Отелло, Коварство и любовь

въ Гамлетѣ, въ Парашѣ Сибирячкѣ, и проч.,
которые не давно представлены были на
здѣшней сцѣнѣ, и первыя роли въ этихъ
піесахъ играла она съ большимъ успѣхомъ.
Г-жа Колумбъ, занимавшая прежде ея ро-
ли, теперь сама видитъ, что она играла
не такъ, какъ Г-жа Мачалова. Это прав-
да, у Г-жи Колумбъ, есть способности и
даже талантъ, но они еще не совсѣмъ
развиты; она иногда безподобна въ
своихъ роляхъ. Недавно представлена была
на здѣшней сценѣ Синичкинъ, водевиль въ
5-ти дѣйствіяхъ, и побѣзни Г-жи Ма-
чаловой, роль Лизы играла Г-жа Колумбъ
и выполнила ее прелестно. Г-нъ Мачаловъ,
отличный комикъ; онъ занимаетъ первыя
роли въ комедіяхъ и водевиляхъ, и выпол-
няетъ ихъ какъ нельзя лучше. Синичкина
съигралъ онъ безподобно, въ Парашѣ
Сибирячкѣ подъячаго, въ настоящемъ:

совершенномъ видѣ. Публика наша всегда восхищена, видя Г-на Мачалова на сценѣ; онъ смѣшилъ до безконечности. Прибывшій недавно изъ Москвы въ нашу труппу актеръ Г. Максимовъ, восхищаетъ здѣшнюю публику своимъ юнымъ талантомъ: онъ, какъ надѣемся, со временемъ явится замѣчательнымъ артистомъ. Онъ болѣе заниматель въ роляхъ молодыхъ любовниковъ и франтовъ. Г. Максимовъ актеръ съ дарованьемъ. Въ трагедіяхъ и драмахъ, вторая роль онъ играетъ довольно удачно, и есть надежда, что на будущее время онъ явится славнымъ артистомъ на поприщѣ драматического искусства. Г-жа Данилова, юная актриса, восхищаетъ здѣшнюю публику прелестнымъ пѣніемъ своимъ и миловидностью. Г-жа Дубровина, замѣчательная актриса въ роляхъ старыхъ бабъ, которая выполняетъ съ удивительнымъ искусствомъ.

Недостатокъ чего либо на Киевскомъ Театрѣ простителенъ потому, что сцена театра слишкомъ мала для постановки большихъ піесъ, и недостаетъ актеровъ, которые бы занимали въ нихъ роли.

Бенефисъ Г-жи Мачаловой,

16-го Іюля.

Сиротка Сусанна, комедія водевиль въ 2-хъ отдѣленіяхъ, переводъ съ Французскаго; *Принцъ съ хохломой, бѣльмомъ и горбомъ*, волшебная сказка-водевиль въ 2-хъ дѣйствіяхъ, переводъ съ Французскаго; *Семейная дѣла, или съ большой головы на здоровую*, водевиль въ одномъ дѣйствіи. (Всѣ три піесы въ первый разъ).

Первенство на нашей сценѣ нужно отдать Г-жѣ Мачаловой, которая такъ ловко и удачно выполняетъ свои роли; особенно въ роли Сусанны — она была очаровательна, потому что передала ей въ совершенствѣ. Мимика ея въ первомъ дѣйствіи безъ всякаго затрудненія понятна была каждому; во второмъ дѣйствіи, она была еще прелестнѣе. Г-жа Дубровина довольно хорошо сыграла роль старой дѣвы, Пешаръ. Г-нъ Максимовъ былъ очень забавенъ въ роли франта Сен-Альфонса, а Г-нъ Мачаловъ чрезвычайно смѣшилъ въ роли Аントреида, слуги полковника. Г-жа Данилова выполнила роль служанки, Женевьевы, какъ нельзя лучше.

Въ Принцѣ съ хохломой бѣльмомъ и горбомъ, роль Абрихотинѣ, дѣвушки глупой до крайности, играла Г-жа Мачалова. Какъ хорошо и безподобно изображала она въ настоящемъ видѣ характеръ глупый и необразованный — она была чрезвычайно мила въ этой роли. Г-нъ Максимовъ довольно породично выполнилъ роль свою Принца Рике.

Въ піесѣ: Семейная дѣла, или съ большой головы на здоровую, можно вѣтъ отдать полную справедливость, особенно Г-ну Мачалову въ роли Маюра Дивина, и Г-жѣ Мачаловой въ роли жены Маюра. Г-жа Дубровина довольно смѣшила публику, запамая роль вдовы чиновника 14-го класса.

Послѣ этой піесы всѣ были вызваны, а Г-жу Мачалову, кромѣ того, вызвали три раза сряду.

Х. Р.

IV СМЪСЬ.

IV СМЪСЬ.

ЛОЖА ГЕРЦОГА ОРЛЕАНСКОГО В ПАРИЖСКОЙ БОЛЬШОЙ ОПЕРЬ.

Единолушная горесть выразилась во Франции при ужасномъ извѣстіи о кончи-
нѣ всемъ любимаго и уважаемаго Герцо-
га Орлеанскаго, просвѣщенаго покрови-
теля искусствъ и художествъ! Удѣлимъ
его памяти нѣсколько строкъ и въ на-
шемъ изданіи, нѣсколько строкъ, въ ко-
торыхъ разскажемъ, какія воспоминанія
оставилъ Герцогъ по себѣ въ театральномъ
мирѣ.

Всѣ Парижскіе Театры были закрыты на сколько дней сряду послѣ кончины Герцога, а Королевскіе начали представлѣнія только по погребеніи тѣла его. Въ одно изъ послѣднихъ представлѣній въ Большой Опера, когда давали Фенеллу, публика, казалось, не обращала вниманія на сцену, не сочувствовала страданіямъ пѣмой Неаполитанки, не раздѣляла честолюбиваго воссторга брата ея, не смотрѣла на толпу Неаполитанскихъ рыбаковъ, съ ихъ страшными напѣвами, но сосредоточивала взоры свои на ложѣ авань-сцены, украшенной пушцовыми бархатомъ и богатымъ заѣсами съ золотымъ шитьемъ.

Завѣсы были открыты, но скромная рука задернула ихъ, такъ что нельзя было видѣть внутренности ложи.

Давно ли, Наслѣдный Принцъ еще находился въ этой ложѣ, слушая съ восторгомъ лучшія произведенія композиторовъ Итальянскихъ, Французскихъ и Нѣмецкихъ?

Давно ли рукоплескаль онъ пѣнію артистовъ, присоединяль свое одобрение къ просвѣщенному одобрению публики!

Такъ какъ въ воспоминаніе о немъ остается только задернутая ложа эта — такъ пишутъ въ одномъ Парижскомъ театральномъ журналь, такъ какъ Провидѣнію угодно было призвать на Небо Королевскаго Сына, скончавшагося въ жилищѣ убогомъ; такъ какъ войско, судьи, всѣ сословія отдали его памяти блестательную дань глубокагоуваженія, да будетъ позволено и драматическимъ артистамъ, въ свою очередь, бросить на могилу его цвѣтокъ, самый скромный, но за то и самый сердечный....

Въ этой самой ложѣ, закрывающейся пынѣ, какъ вдова въ слезахъ подъ пурпуровымъ покровомъ, изъявляль Герцогъ Орлеанскій величайшія доказательства любви и привязанности своей къ лирическимъ артистамъ. Въ ней принималъ онъ всѣхъ Французскихъ композиторовъ, и удостоивъ ихъ самыхъ лестныхъ поздравлений.

Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ перево-
рота 1830 года, въ Театрѣ Большой Оpe-
ры толпилась публика; всѣ мѣста были
заняты, отъ партера до райка. Герцогъ под-
ходитъ къ ложѣ своей, въ сопровождѣніи
состоящаго при немъ генерала. Въ кор-
ридорѣ, ведущемъ въ ложи, онъ видѣть
несчастнаго меломана, не нашедшаго се-
бѣ мѣста.

«Какъ, маэстро,» говорить ему Принцъ, «вы приуждены слушать въ дверяхъ?...»

— Ваше Высочество.... воскликнулъ композиторъ, удивленный сими дружескими словами.

«Какъ хотите,» продолжалъ Герцогъ улыбаясь, «а такая роль не пристойна вашему положенію въ свѣтѣ; пожалуйте, помѣститесь со мною.»

И Герцогъ Орлеанскій повелъ маэстра въ свою ложу съ тѣмъ вниманіемъ и тою непринужденностью хорошаго общества, которая доставляли невыразимую прелесть малѣшнимъ его дѣяніямъ.

Счастливый композиторъ часто рассказывалъ пріятелямъ своимъ объ этомъ проишествіи. Композиторъ этотъ былъ извѣстный Перъ (Раѣг), скончавшійся нѣсколько лѣтъ послѣ того.

Однажды, при представлениіи балета, въ которомъ танцевала Фанни Эльслеръ, танцовщицу осыпали цветами и браво.... Букетъ розъ, брошенный человѣкомъ энтузіастомъ, упалъ въ ложу Герцога, между нимъ и Герцогинею Орлеанской. При паденіи развязалась лента, связывавшая цветы, и они разсыпались. Герцогиня пришла въ замѣшательство.

— Слишкомъ медленно было бы, милая моя, сказаль ей Герцогъ, бросать эти розы по однаждыкъ; свяжемъ ихъ какъ нибудь покрѣпче.

И при этихъ словахъ, онъ снялъ съ руки Герцогини одинъ изъ драгоценныхъ браслетовъ, и скрѣпилъ имъ цветы. Затѣмъ, передавая супругѣ своей букетъ, возстановленный великодѣйною связкою, онъ сказаль ей:

— Теперь, милостивая государыня, извольте отдать его по принадлежности — должно покровительствовать искусствамъ.

Герцогиня, смѣясь великодушному средству супруга своего къ скрѣблению букета, бросила цветы на сцену.

..... Но, статья была бы слишкомъ длинна, если бъ намъ должно было исчислять

всѣ букеты, брошенныя Герцогомъ Орлеанскимъ къ ногамъ артистовъ, если бъ должно было сосчитать всѣ оказанныя имъ благодѣянія, всѣ поощренія его. Сколько немнущихъ артистовъ получали вспоможенія отъ неизвѣстной имъ руки! Сколько скрытыхъ скорбей получали утѣшенія! Кто отирая сіи слезы, кто угѣшаль скорбящія сердца, возбуждалъ погасшую дѣятельность — то не было извѣстно никому....

Но всѣ, слѣдивши да поступками Принца при жизни, всѣ оплакивающіе его послѣ бѣдственной кончины, знаютъ, что въ книгу, въ которую вносятся добрыя дѣла человѣческія, Ангелъ небесный, взвѣшивавшій ихъ, не разъ вписывалъ имя Герцога Фердинанда Филиппа Орлеанскаго.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ И МУЗЫКАЛЬНАЯ ИЗВѢСТИЯ ИЗЪ ХАРЬКОВА.

Въ Харьковѣ ежегодно выходитъ достаточное количество книгъ, какъ на Русскомъ, такъ и на Малороссийскомъ языкахъ, и литературная дѣятельность повидимому усиливается съ каждымъ мѣсяцемъ. Въ Харьковѣ имѣютъ постояннѣе мѣсто пребываніе многіе извѣстные литераторы. Намъ весьма приятно сообщить читателямъ Репертуара и Пантеона послѣднія литературныя и музыкальныя Харьковскія новости.

Извѣстный литераторъ нашъ, Г-нъ Основяненко окончилъ свою превосходную Малороссийскую драму: Щира-Любовь, и уже передалъ ее въ репертуаръ Харьковскаго Театра; съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаемъ представлениія этой драмы на сценѣ, тѣмъ болѣе, что читавшиѣ ставятъ ее въ числѣ лучшихъ произведений Г-на Основяненки.

Князь А. А. Шиховской также приготовляеть новое драматическое сочиненіе, которое въ короткомъ времени будетъ окончено.

Г-нъ П. Сементовскій написалъ прекрасное либретто для оперы: *Мареа Новгородка*, взятой изъ временъ Цара I. В. Гроз-

наго, (третій его бракъ). Музыку на это либретто пишеть страстный любитель-знакомокъ, одаренный притомъ прекраснымъ талантомъ, И. О. Хорватъ. Мы имѣли удовольствіе слышать музыку его, съ полнымъ оркестромъ, на два первыя акта, и истинно восхищались ею — музыка чисто Русская. Желательно, чтобы эта опера была поскорѣе окончена; судя по началу, она должна занять одно изъ первыхъ мѣстъ въ небольшомъ числѣ нашихъ родныхъ оперъ.

ГР. КУВШИНСКИЙ.

ПАМЯТНИКЪ МЕГЮЛЮ.

Въ Живе происходило, 27-го Июня, торжественное открытие памятника Мегюлю. Время, назначенное для этого открытия, было возвѣщено пушечными выстрелами. Потомъ, около трехъ часовъ по полудни, музыканты полковые, національной гвардіи и прибывшіе, по приглашенію города, изъ другихъ мѣстъ, исполнили нѣсколько лучшихъ произведений знаменитаго композитора. Особенно заслуживаетъ похваль исполненіе пѣкоторыхъ мѣстъ изъ *Юсифа*. При этомъ торжествѣ присутствовало множество зрителей. Меръ города произнесъ рѣчь, и выдалъ каждому хору музыкантовъ медаль въ воспоминаніе открытия. Послѣ того, городъ за达尔ъ празднѣ музыкантамъ. На этомъ банкетѣ, Меръ предложилъ тостъ въ честь Короля Французовъ и Короля Бельгійцевъ, а музыканты предложили тостъ въ честь племянника Мегюля, директора Люттихской музыкальной консерваторіи. Г. Доссусая (*Daussoigne*). При этомъ слушачъ, Г. Доссусаи изобразилъ, въ краткой рѣчи, душевныя качества и отличительныя черты музыкальнаго гenія Мегюля. Въ восемь часовъ начался балъ, а въ десять празднество заключилось прекраснымъ фейерверкомъ. На пѣdestаль памятника изображены, золотыми буквами, названія главнѣйшихъ произведений Мегюля.

ЛИРИЧЕСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ВЪ ИТАЛИИ.

По нижеслѣдующему краткому обзору оперъ, которыя были сочинены прошлою зимою для Итальянскихъ Театровъ и представлены на нихъ, во время послѣднаго зимиаго сезона, читатели наши могутъ составить понятіе о современной лирической дѣятельности въ Италіи.

Изъ числа этихъ оперъ, были представлены: Въ Миланѣ. На Театръ Scala: *Maria Padilla*, Доницетти. Въ представлениі участвовали: Г-жи Абадіа и Леве, Гг. Ронкони и Донцелли. Успѣхъ. *Odalisa*, А. Нини. Въ исполненії участвовали: Г-жи Абадіа и Брамбilla, Гг. Сальви и Варези. Исполнена была не вполнѣ удовлетворительно, что и компромитировало это произведеніе. *Nabucodonosor*, Дж. Верди. Въ представлениі участвовали: Г-жи Стрепони и Беллинцаги, Гг. Ронкони, Деривисъ и Мираміа. Большой и заслуженный успѣхъ. На Театръ Re: *Un duello alla pistola*, Деголы. Въ ней пѣли Г-жа Тереза Тавола и Гг. Каджіати (*Caggiati*) и Цуккіни. Полу-успѣхъ. Въ Музыкальной Консерваторіи: *Un giorno di Nozze* и *Il Disertore Svizzero*. Успѣхи.

Въ Неаполѣ. На Театръ Санъ-Карло: *I proscrito*, Меркаданте. Въ ней пѣли Г-жи Марини и Бучини; Гг. Базадонна, Фраскіни и Джіанни. Первый актъ нравился преимущественно. Прочемъ, вообще хвалять инструментовку и *orchestra d'ensemble*. На Театръ Nuovo: *Il conte di Lemos*, нѣсколькихъ композиторовъ. Въ ней пѣли Г-жи Давидъ, Гамбаго и пр. Освистана.

Въ Венеціи. На Театръ Fenice: *Candiano IV*. Въ исполненії участвовали: Г-жи Гольдбергъ и Мина Шрикель, Гг. Колетти и Деваль. Большой и заслуженный успѣхъ. *Il duca d'Aba*, Пачини. Въ ней пѣли: Г-жи Гольдбергъ и Ида Берtrandъ; Гг. Моріани и Колетти. Успѣхъ посредственный. На Театръ San-Benedetto: *Il Lazzarello*, Марліані. Въ ней пѣли Г-жи Годжи (*Goggi*) Мори и Г. Ботичелли. За

недостаткомъ тенора, опера эта не имѣла того успѣха, котораго заслуживала. Варочемъ, первый актъ принялъ съ большими одобреніемъ.

Въ Римѣ. На Театрѣ Valle: *Amalia di Viscardi*, Капоччи. Въ ней пѣли Г-жа Бартолотти и Гг. Винтеръ и Ринальдини. Успѣхъ посредственный. *Bianca Capello*, Буци (Buzi). Въ исполненіи участвовали же лица; но она не удовлетворила ожиданий публики.

Въ Туринѣ. На Театрѣ Sutera: *Il contrabandiere*, Перелли. Въ ней пѣли: Г-жи Бернуди и Ронкони, Гг. Гардони и Гусчетти (Guscetti). Прината довольно благосклонно.

Въ Веронѣ. На Филодраматическомъ Театрѣ: *Galeotto Mansredi*, Германа. Въ ней пѣли Г-жа Габусси и Гг. Гуаско и Суперки. Не смотря на превосходство исполнителей, ее освистали безжалостно.

Въ Луккѣ. *Il Postiglione de Longiteaui*, Сперанцы. Въ исполненіи участвовали Г-жа Матріоли и Гг. Роверо и Луккези. Успѣха не имѣла.

Въ Падуѣ. *Giovanna I-re di Napoli*. Въ ней пѣли Г-жа Маттей (Mattey) и Гг. Кобасси и Галіари. Прината благосклонно.

Въ Бергамо. *L'altalto*, Форини. Въ исполненіи участвовали Г-жа Гриффини и Гг. Цобани и Бонафосъ (Bonafos). Успѣхъ. Особенно понравились хоры.

Въ Кремль. *La Finta Pazza*, Консалини. Въ ней пѣли Г-жа Аліати и Гг. Профети и Феррари. Успѣхъ.

Въ Порденоно. *Warbek*, Галли. Въ исполненіи участвовали: Г-жа Ронци и Гг. Арти и Герардини. Успѣхъ.

Изъ этихъ оперъ удержаны на сценѣ, кажется, только *Maria Padilla*, *Il proscrito*, *Candiano IV* и *Nabucodonosor*.

ТЕАТРЪ ЕСТЬ ЛИ ШКОЛА ИРАВОВЪ?

Альфонсъ Карръ говорить въ своихъ Осахъ, что во Французской Палатѣ Депутатовъ каждый годъ твердятъ одинъ и тѣ же пять или шесть фразъ, а именно,

что опера составляетъ гордость націи, что Французскій Театръ есть школа нравовъ, что комедія есть зеркало пороковъ: castigat ridendo mores; что это есть utile dulci Гораций, мораль, возвышенная гра- ціею, запасъ высокихъ поучений. «Въ цынѣщемъ году, продолжаетъ онъ, я вздумалъ наконецъ убѣдиться, собственными глазами, какое благодѣтельное дѣй- ствіе производитъ театръ на обществен- ную правственность. Для этой цѣли, я вмѣшался въ группы, которая, по окон- чаніи спектакля, толпились подъ пери- стилемъ Французскаго Театра, и наблю- дать надъ впечатлѣніями, вынесеными зрителями изъ этой школы высокихъ по- учений.

«Вотъ результатъ моихъ наблюдений:

1-я группа.

Я не понимаю, какъ можетъ М... но- сить зеленый каftанъ съ голубыми бан- тами.

Какъ вы думаете, сколько ему теперь лѣть?...

Что вы думаете?

Я видѣлъ его дебюты.

Онъ очень перемѣнился.

2-я группа.

Я очень охотно полюбилъ бы Н...!

Да у ней ужъ есть любовникъ.

Богатъ ли онъ?

Она получила отъ него всѣ брилліанты, которые были на ней сегодня вечеромъ.

Вотъ что! Славные камни. Этотъ госпо- динъ не оставляетъ другимъ ничего, кро- мѣ возможности нравиться даромъ.

3-я группа.

Когда я подумаю, что живу съ этимъ актеромъ на одной лѣстницѣ, а его, какъ будто, и пѣть вовсе...

Вы никогда не слышете, какъ онъ де- кламируетъ?

Никогда. Онъ все возится съ своими дѣтьми!

4-я группа.

Куда отправляется вы завтра?

Въ Булонскій Лѣсъ.

Верхомъ?

Нѣтъ: въ экипажъ. А вы?

Я верхомъ; но если у васъ будетъ мнѣсто, возьмите меня съ собою, en passant.

У васъ есть еще сигары?

Есть.

Такъ одолжите мнѣ....

5-я группа.

Ради Бога, не присылайте мнѣ букетовъ: мой мужъ подозрѣваетъ.

Когда мы увидимся?

Тсъ... вотъ онъ.

6-я группа.

Вы, сударь, толкаетесь.

Извините.

(Они расходятся).

Мошенникъ! не даромъ онъ толкалъ меня.... Онъ укралъ у меня часы.

7-я группа.

Я не пойду домой пѣшкомъ.

Но, дружочекъ, вѣдь теперь чудесная погода.

Нужды нѣть; я устала до чрезвычайности.

8-я группа.

... сложена, какъ ангель.

У ней вовсе нѣть груди.

Э?

Ужъ я знаю....

9-я группа.

Вообразите себѣ: мнѣ прислали кресла.

И мнѣ тоже.

За то я и отдаю піесу.

И я!

Пятое дѣйствіе слишкомъ длинно.

И вообще растянуто.

Я теперь же напишу статью.

10-я группа.

Скамейки чертовски жестки.

Словно набиты вишневыми косточками.

Хи! хи! хи!

Перистиль опустѣлъ; выбиралась уже послѣдняя группа, какъ вдругъ въ ней вскрикнула одна женщина.

Мужъ этой женщины, который держалъ ее за руку, спросилъ, чего она испугалась.

Ничего, мой другъ.

Не можетъ быть: когда бъ не было ничего, ты не закричала бы.

Да меня кто-то толкнулъ.

Мужъ гневно осматривается вокругъ себя. Но мужчины, слѣдоваавшаго за ними, уже не было.

«Я не зналъ, что подумать о высокихъ поученіяхъ этой школы правовѣ, и отправился домой, закуривъ сигару.»

НОВОЕ ТОРЖЕСТВО ФАННИ ЭЛЬСЛЕРЪ.

«Большой Театръ въ Таконѣ,» пишетъ, отъ 30-го Апрѣля, Китя Пр. (спутница Фанни Эльслеръ), бываетъ каждый вечеръ полонъ съ верху до низу; Фанни танцевала уже осьмнадцать разъ, а вчера въ послѣдній разъ. Вчера энтузіасмъ зрителей дошелъ до послѣдней крайности: каждый вечеръ летали въ театрѣ голуби, приносимые зрителями и покрытые ими золотомъ; но я выражаясь не точно, когда говорю летали: для полета, крылья этихъ голубей были слишкомъ отягощены золотомъ. Одинъ изъ нихъ явился даже съ погремушкою на шейкѣ. Вчера выпускали голубей и примѣръ другихъ птичекъ съ вѣнками, надписями и стихами, послѣ окончанія каждого ея танца; но, сверхъ того, приготовили сюрпризы, который принадлежитъ къ числу самыхъ замѣтныхъ сюрпризовъ, придуманныхъ для Фанни въ Америкѣ. Послѣ того, какъ ее увѣличали въ Гаванѣ, надо было изобрѣсти что нибудь другое. Здѣсь давно уже желали, чтобы она выучила национальный танецъ острова Кубы, Сапатеадо (Zapateado), и она рѣшилась исполнить это желаніе: она выписала для этого учителя. Въ этотъ вечеръ она протанцевала его чрезвычайно граціозно, и я не могу описать порывовъ энтузіазма публики. Когда Фанни окончила его во второй разъ и послала зрителямъ поцѣлуй, она вдругъ очутилась на Олимпѣ. По правую руку ея столла женщина: это была «Америка»; потомъ появились изъ облака три граціи и положили

къ ногамъ Фанни пальмовая вѣтви, цвѣты и золотое яблоко, между тѣмъ какъ по лѣвую ея руку очутилась Терпсихора съ лавровымъ вѣнкомъ. Представьте себѣ, каково было изумленіе Фанни! Она, со слезами на глазахъ, обняла и поцѣловала Америку. Америка взяла вѣнокъ, Фанни стала на колѣни.... а когда Америка увѣнчала ее, разлился какой-то чудный свѣтъ, появились отовсюду геніи, раздались звуки отдаленной музыки и двадцать голосовъ возгласили радостный гимнъ. Между тѣмъ, какъ Фанни, увѣнчанная лаврами, стояла на колѣнихъ, сзади ея появилась, въ прелестной гарляндѣ изъ розъ, надпись: «à la célébre Fanni Elsler;» геніи высыпали, что было у нихъ въ рогахъ изобилія; а при окончаніи гимна, пошелъ дождь изъ золотыхъ звѣздъ (это значило, что даже и звѣзды падаютъ къ ногамъ ея). Фанни была растрогана выше всякаго выраженія, публика тоже была глубоко тронута. Отовсюду летѣли вѣнки и стихи; отовсюду гремѣло: «a Dios Fanni...» Фанни, наконецъ, простилась и, рыдая, бросилась въ объятія Америки. Я должна сказать вамъ еще, что послѣ одного *pas de deux*, ей бросали дублоны и серебро. Сегодня Маркиза Аркосъ подарила ей портретъ Хр. Коломба, написанный въ Римѣ и, какъ слышно, очень похожій. «Америка увѣнчала васъ,» говорила Маркиза, «такъ вы должны обладать и тѣмъ, кто открылъ ее.» Теперь мы узнали, что эта дама была въ чель тѣхъ, которыхъ устроили поэтическій сюрпризъ, мною описанный. Фанни присоединила портретъ къ своему богатому собранію. Ей присылаютъ каждый день лучшія кушанья, плоды и другія лакомства, а когда мы выѣзжаемъ, ей бросаютъ цвѣты, и случается, что дамы, которыхъ мы вовсе не знаемъ, приказываютъ кучеру остановиться и просить Фанни къ себѣ въ экипажъ. Фанни, послѣ поѣздки въ Мексику, возвратится въ Сентябрь въ Европу, съ тѣмъ, чтобы навсегда оставить театръ».

ДУЭЛЬ ЗА ТАМВУРИНИ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, афиши театра la Scala (въ Миланѣ) возвѣстили, что на этой сценѣ появится Тамбурини, который и въ то время уже имѣлъ громкую извѣстность. Благодаря этому извѣстію, въ день, назначенный для дебюта Тамбурини, la Scala была гораздо полнѣе обыкновенного.

Когда Тамбурини появился, на встрѣчу ему понеслись оглушительные рукоплесканія, громкіе клики одобренія; когда онъ запѣлъ, въ театрѣ все стихло, какъ въ могилѣ....

Вся первая половина представлѣнія была для него истиннымъ торжествомъ. Но когда прошла она, эта первая, блестательная половина, въ залѣ вдругъ послышались нѣсколько свистковъ.

Правда, свистъ этотъ былъ такъ не громокъ, что его почти вовсе заглушили рукоплесканіями; но онъ долетѣлъ до Тамбурини и взволновалъ его справедливымъ гневомъ. Голова у него кружилась, кровь кипѣла въ жилахъ, на устахъ блуждала горькая улыбка.... Наконецъ, артистъ не выдержалъ. Онъ презрительно взглянуль на своихъ недоброжелателей; онъ даже сдѣлалъ движеніе, которое относилось прямо къ нимъ и было вѣрнымъ истолкователемъ его гнева.

Всѣдѣ за тѣмъ, въ залѣ поднялась страшная суматоха. Раздался снова свистъ, но уже несравненно громче, чѣмъ прежде, и вмѣстѣ съ нимъ послышались крики: «Наглецъ!... Наглецъ!... Пусть извинится онъ передъ нами.... мы требуемъ этого!

Никто изъ недоброжелателей Тамбурини не жалѣлъ своей груди; но одинъ молодой денди, сидѣвшій въ партерѣ, кричалъ еще громче, чѣмъ всѣ другіе; казалось, онъ находилъ въ этомъ особенное удовольствіе. И вотъ онъ повторилъ еще разъ:

— Наглецъ!... Пусть извинится онъ передъ нами!...

— Онъ не извинится передъ вами, подхватилъ, на этотъ разъ одинъ Сардинскій

дворянинъ, который сидѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ денди, и съ самаго начала суматохи постоянно былъ на сторонѣ артиста, обиженнаго столь грубо. Это былъ молодой человѣкъ, лѣтъ осьмнадцати, стройный и пріятной наружности.

Денди, въ отвѣтъ на возраженіе, о которомъ упомянули мы, сдѣлалъ угрожающее движение и бросился къ молодому человѣку....

Скора между ими была живая; за ссорою послѣдовалъ вызовъ.

На другой день, рано утромъ, противники и секунданты ихъ сошлись на условленномъ мѣстѣ. Сардинскій дворянинъ принесъ съ собою двѣ шпаги. Одну изъ нихъ онъ подалъ денди, но денди возвратилъ ее, сказавъ:

— Извините, я не могу биться на шпагахъ.... не могу потому, что вовсе не умею. Но я надѣюсь, что вы, какъ человѣкъ благородный, согласитесь уравнять оружіе... Я предлагаю вамъ пистолеты.

— Если вамъ угодно, отвѣчалъ дворянинъ, и тутъ же попросилъ своего секунданта принести пистолеты.

Требование это было исполнено.

Потомъ назначили разстояніе между противниками и бросили жребій, кому

изъ нихъ стрѣлять первому. Право это досталось денди. Онъ выстрѣлилъ и даль промахъ.

— Теперь ваша очередь, сказалъ одинъ изъ секундантовъ дворянину.

Но дворянинъ, вмѣсто отвѣта, вынулъ изъ кармана маленькую золотую табакерку, которую носилъ всегда съ собою, и положилъ ее на руку своего секунданта; вслѣдъ за тѣмъ, онъ отошелъ отъ секунданта шаговъ на тридцать, прицѣлился въ табакерку, выстрѣлилъ ишибъ ее, не дотронувшись пулею до руки, на которой лежала она.

— Вы видите, сказалъ онъ тогда своему смущенному сопернику, вы видите, что я безъ труда могъ бы убить васъ, когда бъ мнѣ захотѣлось воспользоваться моимъ умѣньемъ стрѣлять.... Я дворянинъ, сударь, но не стыжусь сказать, что охотно отдалъ бы все что имѣю, отдалъ бы титулъ мой и гербъ за десятую часть таланта и славы того артиста, котораго вы позволили себѣ оскорбить.

Въ заключеніе, скажемъ имя этого дворяниня: то былъ Марио де Канда, выдающій первый теноръ Парижской Итальянской Оперы.

отъ оныхъ умнійъ атакуетъ стихъ этиъ языки иъ глаголъ языковъ, ахъ иъ пільдуръмъ-групъ подъ корытою. — онъ оставилъ то иъ, иъ то, что схвачъ яхъ другою изъ языковъ, иъ то, что схваченою языкою яхъ яхъ изъ языка, отъ него шкілъ ишаетъ. — превращающа, иллюстрирующа яхъ яхъ, схваченуою яхъ яхъ, схваченою яхъ яхъ, схваченою яхъ яхъ.

V. ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТИЯ, ТОЛКИ И СЛУХИ.

ПЕТЕРБУРГЪ.

На пѣкоторое время, Петербургскіе спектакли ограничиваются двумя театрами, Большімъ и Александровскимъ, такъ какъ на Михайловскомъ производятся перестройки. Французская труппа будетъ играть на Александровскомъ Театрѣ, а Нѣмецкая будетъ отдыхать мѣсяца три, въ продолженіе которыхъ будутъ даны лишь пѣкоторые бенефисы, также на Александровскомъ Театрѣ. Они начнутся бенефисомъ миловидной и талантливой Лиллы Леве.

— Въ слѣдующей книжкѣ нашего изданія мы помѣстимъ, въ Русскомъ переводаѣ, драму Гуцкова: *Вернеръ, или Сердце и Свѣтъ* (Werner, oder Herz und Welt), представленную на здѣшней Нѣмецкой сценѣ въ одинъ изъ бенефисовъ Э. Девриента.

ПАРИЖЪ,

Торопясь изданіемъ послѣдней (XV-ї) книжки нашего изданія, мы не могли представить читателямъ обзора Парижскихъ театровъ въ теченіе Іюля. По причинѣ всеобщаго траура, съ половины этого мѣсяца были закрыты многие театры, и потому не представлено на сценѣ столько новостей, какъ обыкновенно. Всего дано 19 новыхъ піесъ, въ числѣ которыхъ было 2 драмы и 17 водевилей, написанныхъ

27-ю авторами. Изъ числа представленныхъ въ Іюль піесъ скажемъ пѣсколько словъ о главнѣйшихъ.

Théâtre de la Gaîté. *Emery le négociant*, драма въ трехъ дѣйствіяхъ, представляетъ вариацію на любимую тему пынѣшихъ піесъ — невѣрность, обольщеніе, разрушеніе супружескаго счастія. Въ этой драмѣ, преступная жена, приступокъ которой уже извѣстенъ мужу и повлекъ за собою дуэль и смерть обольстителя, узнавъ, что злодѣи посягаютъ на жизнь ея мужа, спасетъ его и тѣмъ получаетъ прощеніе.

Totz este teatrъ. *La Salpêtrière*, драма въ пяти дѣйствіяхъ, наполненная ужасовъ, любимымъ зрѣлищемъ публики, посѣщающей этотъ театръ.

Théâtre du Palais-Royal. *Du haut en bas*, водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, есть не что иное, какъ передѣлка извѣстной Вѣнской піесы *Zu ebener Erde und erster Stock*, игрannой съ успѣхомъ и на Петербургской сцены.

Théâtre du Gymnase. *Le premier chapitre*, водевиль, и *Le Chateau de la Roche-Noire*, водевиль, припадлежатъ къ числу піесъ, составляющихъ исключительное преимущество этого театра, т. е. настоящія піесы хорошаго общества.

Въ Августѣ представлена была на Первомъ Французскомъ Театрѣ новая піеса:

Le Dernier Marquis, драма въ пяти дѣйствіяхъ, соч. Ипполита Романа, автора піесы *Le bourgeois de Gand*, имѣвшей блестательный успѣхъ. Новое произведеніе его не уступаетъ первому — это собственно литературное произведеніе, столь рѣдкое въ нынѣшнюю эпоху. Основа драмы политическая, и дѣйствіе происходитъ въ самый разгаръ переворота 1789 года. Авторъ умѣлъ воспользоваться всѣми отношеніями, господствовавшими тогда въ обществѣ Французскомъ, и изобразилъ мастерски борьбу старой аристократіи съ новымъ порядкомъ вещей, тогда лишь возрождавшемся.

— На Французскомъ же Театрѣ, теперь обращаетъ на себя большое вниманіе шестнадцатилѣтня артистка, по имени Гаррикъ (Garrigue). Она оказывается, подобно своему знаменитому соплеменнику, одинаковый талантъ, какъ для трагедіи, такъ и для комедіи.

— Въ Одеонѣ готовился, а теперь, вѣроятно, уже и данъ, спектакль въ пользу Гамбургскихъ погорѣвшихъ. Было назначено представить *Велисарія*, Донпидзетти (въ переводѣ Ил. Люка). Въ исполненіи этой оперы памѣревались принять участіе: Г. Романи, прибывший изъ Италии, гдѣ онъ пѣлъ роль Велисарія съ большимъ успѣхомъ; Г-жа Морель, молодая пѣвица, подающая блестящія надежды и ангажированная въ Ліонѣ; Г-жа Адель-Альфонсъ, которую, за прекрасный ея голосъ,сыпали рукоплесканіями въ Тулузѣ и въ Брюссель, и Г. Делоге, дебютировавшій съ большимъ успѣхомъ въ Оперѣ.

— Въ Марсели умеръ знаменитый теноръ Лопати.

ЛОНДОНЪ.

Любители Британской національной драмы поднесли Мекреди, въ знакъ благодарности за то, что онъ возстановилъ на Англійской сценѣ творенія Шекспира, серебряную статую этого поэта. Она вѣвѣть тридцать одинъ дюймъ въ вышину.

— Рашель окончила свои представленія на театрѣ Королевы. Лондонскія газеты расходились самыи пышныи похвалы. Одна изъ нихъ называетъ ее первою изъ современныхъ артистокъ въ цѣломъ мірѣ, и сравнивается съ Киномъ. По мнѣнію газеты, Рашель особенно сходствуетъ съ этимъ знаменитымъ артистомъ по небыкновенной быстротѣ переходовъ отъ одного ощущенія къ другому. Но мы не будемъ передавать всѣхъ этихъ похвалъ, и перейдемъ къ другимъ замѣчательнымъ сценическимъ событиямъ въ Лондонѣ. Тамошняя Нѣмецкая Опера заключила свои представленія бенефисомъ Штаудигля. Французская труппа также окончила свои представленія бенефисомъ Буффе. Всѣ спектакли ея были чрезвычайно многолюдны. Никогда, ни одна иностранная труппа не была такъ любима въ Лондонѣ, какъ нынѣшняя Французская. За это она обязана участію въ ней Г-жъ Плесси, Дежазе и Гг. Перле и Буффе.

— Лудовикъ Деблеръ обворожилъ жителей Лондона своимъ удивительнымъ искусствомъ. Ни одному фокуснику не улыбалось такъ счастіе на берегахъ Темзы, какъ улыбнулось оно тамъ Деблеру. Между прочимъ, онъ давалъ представленіе въ Букингамскомъ Дворцѣ, въ присутствіи Королевы Викторіи, Принца Алберта, Короля и Королевы Бельгійцевъ, вдовствующей Королевы, Герцога и Герцогини Кембриджскихъ, Принца Веймарскаго и нѣкоторыхъ другихъ высокихъ особъ; представленіе это произвело самое приятное впечатлѣніе на присутствовавшихъ. Королева Англійская изъявила свое удовольствіе Г. Деблеру въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. Его приглашаютъ въ Шотландію и въ Ирландію.

ГЕРМАНИЯ.

Самая замѣчательная изъ послѣднихъ сценическихъ новостей въ Вѣнѣ, есть пріѣздъ туда Берлинскаго артиста Бекмана. — Г-нь Бекманъ производитъ тамъ фуроръ. На каждый спектакль, въ которомъ участвуетъ онъ, публика, несмотря

на лето, собирается во множествѣ; за каждую роль осыпаютъ его рукоплесканиями въ театрѣ и восторженными похвалами въ газетахъ. Г-нъ Кунстъ тоже еще гоститъ въ Вѣнѣ. Вотъ піесы, которыя, въ послѣднее время были тамъ представлены, въ первый разъ: *Der Barbier als Gutsbesitzer*. Это одна изъ самыхъ слабыхъ піесъ Раупаха (первоначально она называлась: *Graf Schele*); но въ ней участвовалъ Бекманъ, и публика была очарована спектаклемъ. *Hugo, Herr zu Cossoner*. Въ этой трагедіи, главную роль занималъ Г-нъ Кунстъ, и сыгралъ ее, какъ выражается одна Вѣнская газета «*teatralisch effectvoll*,» т. е., какъ онъ всегда играетъ. Роль любящей, несчастной жены Гуго, занимала Г-жа Фрибѣ-Блумауеръ. *Die Ereignisse im Riesengebirge, oder: des Adlers Horst*, большая роматическая драма, К. Гольтея. Сюжетъ этой драмы заимствованъ изъ повѣсти Г-на Шопенгауера: *des Adlers Horst*. Ее хвалятъ. Въ ней также участвовалъ Бекманъ. *Bürger und Soldat* комическая картина съ пѣніемъ, Ф. Кайзера. Дѣйствие этой піесы просто, и не смотря на приданное ей название «комическая картина,» какъ будто заимствовано изъ какого нибудь чувствительного романа. Впрочемъ, она принадлежитъ къ числу наименѣе удачныхъ піесъ Г-на Кайзера, этого трудолюбиваго дѣлителя на драматическомъ попришѣ.

— Въ Вѣнѣ же находится теперь директоръ Рижскаго Театра, Гофманъ, вмѣстѣ съ женой своею. Вотъ что пишутъ о немъ оттуда: «Похвалы, которыя заслужилъ онъ за свое управление театромъ, и благосклонность публики, бывшая удѣломъ его и жены его, какъ въ Германіи, такъ и въ Россіи, заставляютъ жалать, чтобы этотъ артистъ и эта артистка, столь хорошо знакомые съ искусствомъ сценическаго пѣнія, рѣшились пѣть здѣсь. Но они намѣреваются отправиться въ Грецъ, по домашнимъ дѣламъ своимъ.»

— Въ Берлинѣ гостить теперь Вѣнская

артистка Аншютцъ. Первою гостиной ролью ея въ этомъ городѣ была роль Орлеанской девственницы. Она имѣеть тамъ большой успѣхъ.

— Слышино, что Тикъ намѣревается монтировать въ Берлинѣ одну или нѣсколько піесъ Шекспира, съ тою простотою постановки на сцену, какъ водилось во времена самого Шекспира.

— Г-жа Гагинъ играетъ теперь, съ самыми блестящими успѣхомъ, гостиную роли въ Бреславльѣ. О ней пишутъ оттуда, между прочимъ, сълѣдующее: «Даже нѣсколько первоклассныхъ пѣвцовъ не привлекали бы въ театръ такого множества посѣтителей, не производили бы такого живаго восторга, какъ эта обворожительная артистка.»

— Въ Штутгардѣ предполагаютъ построить новый театръ. Въ постройкѣ его, какъ кажется, будутъ соображаться съ превосходнымъ Дрезденскимъ Театромъ.

— Въ Дармштадтѣ была представлена новая «сценическая шутка,» подъ названиемъ *Die Sonneninsterniss vom 8 Juli* (солнечное затмѣніе 8-го Июля), Г-нъ Дрезеке. Одна Нѣмецкая газета отзывается о ней очень невыгодно, и говоритъ, что ее слѣдовало бы назвать «затмѣніемъ ума.»

— Въ Веймарѣ были представлены, во время послѣдняго сезона, двадцать четырѣ новыхъ піесы.

— Вотъ въ какомъ положеніи находятся нынѣ театральные дѣла въ Гамбургѣ. Лучшіе тамошніе артисты: Вурда, Рейхель, Валькеръ, Гендриксъ и Брюнингъ, въ отпуску. Гоппе и первая танцовщица Виржини оставили театръ. Тотъ и другая перешли на другіе театры. Манциусъ, Эрль, Беттихеръ, Фишеръ, Г-жи Таллони, Фишеръ-Ахтенъ и Штульмюллеръ были ангажированы на гостинныя роли, но не прѣѣзжаютъ. Теперь, впрочемъ, тамъ находятся Г-р. Брейтингъ и Лерь.

— Во Франкфуртѣ ни Майнѣ имѣла блестящий успѣхъ комедія (передѣланная съ

Французского) подъ названиемъ: *Moliere, oder das Leben eines Schauspielers.*

— Г. Кельмсъ, директоръ Французской труппы въ Дрезденѣ, покинулъ своихъ артистовъ на произволъ судьбы. Эти бѣдные артисты въ такомъ же положеніи какъ и члены Нѣмецкой оперной труппы въ Парижѣ. Они намѣрены сыграть въ Дрезденѣ еще нѣсколько разъ, дабы выручить хотя сколько нибудь денегъ и возвратиться на родину.

И Т А Л I Я .

Въ Болоньи оставила сценическое по-
прище дочь и ученица знаменитой Ита-
лийской пѣвицы Фрумины Феста, Ма-
тильда Маффеи-Феста, славивш яся въ

особенности своею методою пѣнія. Она открыла въ этомъ городѣ школу пѣнія, обученіе въ которой будетъ стоить не дорого.

И С П А Н I Я .

Испанскія periodическія изданія очень заняты въ настоящее время артистами теперешняго сезона — быками. Въ этихъ изданіяхъ есть постоянный отдѣлъ для быковъ: описываютъ наружный видъ и качества каждого мужественнаго быка, рассказываютъ его происхожденіе, изображаютъ его подвиги, и осыпаютъ ело или похвалами, или упреками. Словомъ, отдѣлъ Тогос, въ настоящее время, есть Испанскій театральный фельетонъ.

